

ОЧЕВИДЕЦ

В ловушке русофобии

Один из основных русофобских мифов, осевших в сознании западного человека, таков: Россия — страна рабского населения, которое не только не имеет прав и свобод, но и тяги к ним. Она управляется тираном, то есть всесильным властителем, который употребляет власть во зло и тем самым ведёт свой слепо подчиняющийся народ на преступления. Так Россию стали описывать ещё при Иване Грозном. С тех пор мало что изменилось, кроме имён властителей.

Благодаря этому западная русистика, в том числе в политологической области, всегда была склонна игнорировать фактор общественного мнения, концентрируясь на характере и наклонностях лиц, облечённых высшей властью. Иногда можно встретить прямые заявления, что в России «нет и никогда не было общественного мнения». Такой взгляд не позволяет увидеть реальную среду общественной жизни, в которой действуют российские власти.

Этот же миф лежит в основе украинской идеологии, которая, по сути, суммирует русофобские идеи польской и в целом западной культуры. Украинское самосознание строится на отвержении русскости как традиции рабства и тирании в пользу европейской «свободы и демократии». В этой схеме нет и не может быть русской общественности как самостоятельного фактора. В результате представить себе русских, восставших за самоопределение региона, в данном случае Донбасса, просто невозможно: да, русские могут взбунтоваться, но если они объединяются на масштабное противостояние украинским властям — значит, их кто-то организовал. Кто-то — это тот самый тиран.

Вся проблема Донбасса в таком случае видится лишь в том, что его население за постсоветский период не успело пропитаться западным «духом свободы» и по-прежнему ищет хозяина, а тот использует его в злых планах по расширению власти и влияния. Для «свидомого украинца» не может быть «самоопределившегося Донбасса» — только тёмное население и злая тиранская воля, его направляющая. Очень схожая картина вырисовывается при прочтении почти любого западного текста о гражданской войне на юго-востоке Украины.

За этой неадекватностью скрывается и слабость Запада в связке с Киевом, ведь сфера возможного воздействия на ситуацию почти полностью сводится к давлению на «властолюбивого тирана» и подавление неразумного населения. Предложить что-либо приемлемое для самих жителей региона украинская сторона не способна, потому что не хочет и не может этого. И дело не только в идеологической «зашоренности». Если в Киеве откажутся от описания ситуации через русофобский миф, это подорвёт всю идеологию украинской государственности и обесмыслит само её существование. Этот идеологический момент как раз то, от чего украинская сторона отказаться не сможет даже из вполне прагматических соображений, — не позволит инстинкт самосохранения.

В результате Украина никак не готова признать, что воюет с «русскими ополченцами» — вернее, со своими же восставшими гражданами, а не с российской армией. Она не может признать и того, что воюет с «другими украинцами» — других (проросийских) украинцев не может быть, поскольку это тогда уже не украинцы. И Украина, и Запад все свои проблемы сводят к Путину и к его воле, а из-за этого их послы и действия зачастую совершенно неадекватны реальности.

Санкции Запада рассчитаны главным образом на «смещение царя боярами», общественные же реалии игнорируются. На Западе не могут понять, что вообще-то бессмысленно свергать Путина, если в России есть мощное общественное мнение в пользу Новороссии. Они этого не видят, а результаты соцпросов трактуют как плод воздействия пропаганды. Мол, стоит её поменять — изменятся и результаты. Идея договориться с Кремлём может быть и не лишней, но в ней недооценивается то окно возможностей, в котором Кремль может действовать, даже если сам захочет, как говорится, «слить Новороссию». Вне понимания оказываются и общества народных республик, отнюдь не во всём «опослушные Кремлю», а теперь и вовсе весьма скептически к нему настроенные и создающие, несомненно, свой политический проект.

В ту же ловушку русофобского мифа попадает часть российской общественности — наши нелибералы, у них всё построено на том же: критика действий Путина как творца конфликта. Вестернизированность мышления и отвержение русской идентичности побуждают их видеть русский народ и его действия в том же ключе, что и на Западе. Страна-де населена на «84 процента дураками», оболваненными госпропагандой, а само государство ассоциируется с его главой — в результате оппозиционность к нему гармонично добавляется фобией к «его народу».

Национально-освободительные восстания воспринимаются нашими либералами на ура, если они против России (т.е. «против рабства и тирании за права и свободу»). Восстание же или волеизъявление за соединение или воссоединение с Россией, восстание русских, не может быть освободительным, поскольку русские по природе склонны искать не свободу, а рабство. И только органическое отвращение к свету западной цивилизации и страстное желание подчиниться царю может их подвигнуть на такие действия.

Наши «либералы», занявшие в этой войне сторону «против России и русских», — это те же самые украинцы, только лишённые возможности принять украинскую идентичность. Они тоже отвергают русскость и всё, что с нею связано, воспроизводят русофобские мифы и меряют добро по степени приближения к Западу. Наш своеобразный русский «либерализм» и «наше» украинство — это единое явление в русской культуре, плод восприятия в ней западного взгляда на Россию и русских.

Разница лишь в том, что украинство предлагает менять русское самосознание на другое вроде как тоже национальное — украинское, а вот «либерализм» может предложить лишь «общечеловеческие ценности».

Спор о Новороссии, который идёт внутри России, по сути, тот же, что и на полях гражданской войны в Новороссии: между теми, кто сохранил русскую идентичность, и теми, кто от неё отрёкся ради суррогата западных идеологий. Тем, для кого отказ от русскости — это билет на желанный Запад. А мы... Мы для них просто не существуем.

Олег НЕМЕНСКИЙ

Точка зрения авторов колонки может не совпадать с позицией редакции

ФОТОГЛАС

Олег ЕРЕНЧЕВ

В Центральном доме художника проходит фестиваль Русского географического общества, который даёт возможность передвигаться по России, не покупая билетов. Экспозиция рассказывает о самых известных путешественниках, об итогах удивительных экспедиций.

По словам географов, даже в XXI веке на картах ещё остались белые пятна. На Курилах до сих пор находят новые острова. Двери фестиваля будут открыты до 6 ноября.

Олег ЕРЕНЧЕВ

«Окно в Италию» распахнул благотворительный фонд «Арт-Линия» в столичной библиотеке им. Боголюбова, где прошёл одноимённый вечер юных музыкантов. Руководитель музыкально-этических программ Татьяна Малышева и её юные подопечные познакомили собравшихся с творчеством итальянских композиторов, звучали, естественно, и стихи. Аплодисменты и маленькие перцы из Неаполя достались поразившим зал своим мастерством Марии Поляковой, Ярмиле Преподобной, Артёму Шило, Родиону Шакирову, Ксении Агафоновой, Александре Адельгейм, Елизавете Малышевой, Михаилу Митрофанову, Нине Данг, Софии Федотовой.

Просим запомнить эти имена, эти ребята себя ещё покажут. Недаром на их выступлениях уже не хватает мест для слушателей.

В Астрахани состоялась церемония открытия бюста выдающемуся украинскому поэту Тарасу Шевченко. Памятник установлен во дворе средней школы № 4, которая носит его имя. Бюст создан на спонсорские деньги, почти половину суммы добровольно собрали учителя школы.

ДАТА

Разделённое единство

Мы снова отметили День народного единства. В последние годы в его тени оказывается дата, которая ещё не так давно была главным государственным и общенародным праздником — 7 ноября, годовщина Великой Октябрьской социалистической революции 1917 года. С 1995 года — это День воинской славы России, День проведения во-

енного парада на Красной площади в 1941 году в честь двадцать четвёртой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. То есть годовщину революции не отмечаем, а исторический парад в её честь — празднуем. Вот такой наворот, который всё-таки следует осмыслить.

Константин Васильев. Парад сорок первого года

безграмотного, научили читать-писать. Потом честно трудились, держал семью... Затем Великая Отечественная... Не забыть никогда бегства из родного Витебска, нищеты и бездомья в эвакуации, когда отец на фронте, мама в тифозном бараке, а мы, двое малышей, на уздах по чужим углам...

С войны отец вернулся инвалидом, но продолжал добросовестно служить стране, а она ценила в нём мастера кузнечного дела — он признавался лучшим кузнецом до войны Западной, а после войны Оренбургской железной дорог. Именно рождённая Октябрём власть помогла ему обрести человеческое достоинство, скромное благополучие (что он очень ценил) и, главное, дать образование детям.

Для него, кузнеца и солдата, праздник 7 ноября всегда был первым праздником. Сколько таких тружеников и патриотов и сегодня по всей России? И зачем в обиду им манипулировать датами? Ведь отмечной Октябрьского праздника как бы признаётся вина российского народа в начале XX века, восставшего против строя, который, по общему признанию, изжил себя, сгинул изнутри, опозорил себя кровавыми расправами в 1905–1907 годах, когда в стране произошло более 22 тысяч разных по размаху волнений. Этот строй привёл к гибели миллионы солдат в ненужных и бесцельных войнах, довёл страну до краха...

В советские времена были любители позлословить, что мы-де страна с

непредсказуемым прошлым. Неужели ничего не изменилось? И не похоже ли процессы «переоценки ценностей и символов» ради политической выгоды ведутся сейчас на Украине?... Хочу также отметить, что и в советские времена никогда не умалялась победа Минина и Пожарского, она всячески прославлялась.

Для меня события 8 ноября 1612 года и 7 ноября 1917 года имеют одну общую суть — народ смёл неудобную власть. Это редкие в отечественной истории моменты торжества народного единения и победы над неудобными, ненавистными или чужеродными властителями. И было бы, на мой взгляд, правильно в равной степени уважительно признавать оба исторических события чрезвычайно значимыми. Признание равенства побед народа имеет глубокий смысл и для будущего как напоминание всем новым властям страны: нельзя бесконечно манипулировать исторической памятью, сознанием и благополучием народа. Кстати, авторы концепции нового учебника истории страны намереваются объединить Февральскую и Октябрьскую революции 1917 года в единое целое. Иными словами, обе эти революции и последовавшая затем Гражданская война обозначены как этапы Великой народной революции. Очевидно, в этом имеется немалый резон.

Иосиф БРУМИН,
кандидат технических наук,
САМАРСКАЯ ОБЛАСТЬ

ИнтерНЕТ-ИнтерДА

«ЛГ», № 42

■ Смело и решительно. Она чем-то очень напоминает мне решительную работу германских профсоюзов, коммун и муниципалитетов после Второй мировой войны. А также построение социального общества в Скандинавских странах, где трудящиеся уходят на пенсию после 65 и выше лет работы на благо государства. Представляете, как народ этих стран отстаивает свои права на счастливую жизнь?

Рано или поздно Россия также получит подобную привилегию. Правда, для того ей необходимо научиться размножаться в условиях капиталистической разрухи, как это сделали китайцы, живущие в прогрессивном во всех отношениях, пусть в коммунистическом, могучем народном государстве.

Сергей13

■ Всё правильно сказано. Есть очень надёжный свидетель, подтверждающий сказанное: американский экономист Джеффри Сакс, советник правительства Ельцина в 1991–1992 годах. До этого он проводил рыночные реформы в Бразилии и Польше. В 1993 году он отказался от работы в России.

В интервью 2000 года Сакс говорил: «Российское руководство превзошло самые фантастические представления марксистов о капитализме: они сочли, что дело государства — служить узкому кругу капиталистов, перекачивая в их карманы как можно больше денег и поскорее. Это не шоковая терапия. Это злостная, предумышленная, хорошо продуманная акция, имеющая своей целью широкомасштабное перераспределение богатств в интересах узкого круга людей».

В.И. Колесов

■ Жаль, что многие не понимают: лучшей доли для народа, кроме как освоение обществом разумного социализма, не найти, вот только построить его нужно не на собственных костях и привилегиях чиновников, как произошло это в СССР, а на совести и чести самого народа...

В.В. Попов

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА 	ОТДЕЛЫ: «Политика, экономика» тел. 8-499-788-01-06 Игорь Серков, Владимир Сухомлинов «Литература и библиография», тел. 8-499-788-02-05 Максим Замшев, Игорь Панин, Татьяна Шабалева «Искусство» тел. 8-499-788-02-12, Арина Абросимова, Алена Башкирова, Анна Кузнецова «ТелеЕдинение» тел. 8-499-788-02-12 Александр Кондрашов «Общество» тел. 8-499-788-02-08 редактор Людмила Мазурова, Владимир Поляков «Клуб 12 стульев» тел. 8-499-788-00-53	Обозреватели Сергей Мнацканян, Марина Кудимова, Игорь Гамаюнов Спецпроекты и приложения тел. 8-499-788-02-09 Анастасия Ермакова, Арсений Замостянов Отдел оформления тел. 8-499-788-01-13 бывш.-редактор Евгений Федоровский, художественный редактор Антон Меньшов Сайт «ЛГ» редактор Ольга Моторина litgazeta.webeditor@gmail.com Представитель в Санкт-Петербурге и Северо-Западном регионе Валерий Павлов Собственные корреспонденты Вадим Долганов (Крым), Юрий Беликов (Пермь), Жан Миндубаев (Удмуртская область, Татарстан),	Владимир Шемшученко (Санкт-Петербург), Сергей Евстратов (Республика Мордовия), Юрий Шербаков (Астрахань и Калининград), Лия Иванян (Армения), Бахытжан Каналыянов (Республика Казахстан), Ирина Тосунян (США), Алексей Славин (Германия), Мария Хамакер (Центральная Европа), Никита Бараншев (Италия), Светлана Селиванова (Китай), Евгений Минин (Израиль), Эдвард Асланян (Кипр) Исполнительный директор АНО «Редакция «Литературной газеты» Александр Перевощиков Московский тираж — 55 015 экз. Федеральный тираж — 33 815 экз. (печатается в Санкт-Петербурге, Ростове-на-Дону, Воронеже, Новосибирске) Тираж в Крыму — 2500 экз. Тираж в Европе и США — 5050 экз. (печатается во Франкфурте-на-Майне) Тираж в Израиле — 20 050 экз. Тираж в Великобритании — 8500 экз. Тираж в Греции — 2860 экз.	Общий тираж 129 790 экз. Цена договорная Отпечатано в ЗАО «Прайм Принт Москва», 141700, Московская область, г. Долгопрудный, Лихачевский проезд, д. 5В Номер подписан с печати 3 ноября 2014 г. Зак. № 5030 Редакция рассматривает все обращения читателей, оставляя за собой право не рецензировать и не возвращать письма и рукописи. Подписные индексы: 50067, 34189, 34874 и 99168 (для предприятий и организаций) Подписка и распространение: тел. 8-499-788-01-12 начальник отдела Анна Феклина	Экспортная подписка — по каталогам «МК-Периодики» и «East View Publications» Газета зарегистрирована в Федеральной службе по надзору в сфере связи и массовых коммуникаций Свидетельство ПИ № ФС77-35721 от 20.03.2009 г. Адрес редакции: Хохловский переулок, д. 10, стр. 6 Москва, 109028 тел. 8-499-788-02-52 Автоинформатор и соединение с отделами: 8-499-788-02-10 Электронный адрес: litgazeta@lgz.ru Факс: 8-499-788-00-52 Переписка допускается по согласованию с редакцией, ссылка на «ЛГ» обязательна.
--------------------------------	---	--	--	--	--

Ведущий редактор номера Леонид КОЛПАКОВ

ДИСКУССИЯ

Свобода от морального кодекса

Книга Вячеслава Щепоткина «Крик совы перед концом сезона» посвящена уникальной шестилетке, которую советские люди пережили в 1985–1991 гг. и которая окончилась разрушением громадного государства СССР, первым в мире пытавшегося строить социализм и коммунизм. После прочтения, как говорится, «на хлынули воспоминания».

Новый вождь КПСС Михаил Горбачёв заявил тогда: «Видимо, товарищи, всем нам надо перестраиваться». Выступление перед партактивом Ленинградского горкома с той исторической речью впечатлило. Впервые за сознательную жизнь я слушал тогда советского политического деятеля, говорившего перед публикой, а не читающего по бумажке, долго и нудно. Генсек показал себя отличным актёром, делал паузы, жестикулировал, шутил. В речи была программа КПСС. Обозначились перспективы по всем направлениям — экономическому, идеологиче-

что сложную, неоднозначную проблему можно одолеть нахрапом».

Эта стратегия авантюрного нахрапа, избранная генсеком, стала проявляться во всех сферах. Начали с «ускорения» экономики — якобы хотели развивать ведущие отрасли. Не получилось — или программа была плохая, или исполнители никудышные. Или на самом деле была цель иная.

То ли по подкаске чьей-то, то ли сами придумали: стали искать новые экономические механизмы. Даже специальный Пленум ЦК провели. Но его решения не выполнили. Кроме одного — на-

и здоровое возражение: «Что же тогда за система у нас, если его остановить не может?! Где партия — руководящая и направляющая сила? Где ваше *(речь о КГБ)* ведомство? В Америке президентов хоть отстреливают, если нет другой возможности избавиться».

Систему управления в СССР словно создавали под будущее разрушение государства. Партийно-советские кадры, воспитанные при Хрущёве и Брежнев, никак перестраиваться не хотели. Зачем?! Им и так жилось славно и сытно. Сейчас говорят: надо было обязательно демократизировать КПСС, очистив её от балласта. Но других людей, кроме партийцев, для управления страной не было. И возможно ли было преобразовать партию, чтобы она провела реформы без разрушения социализма и СССР?

Аппарат КПСС на всех уровнях привык приспосабливаться к указаниям верхов, чтобы всегда сохранять свои выгоды. Высшая партноменклатура, видя, что

Таким вопросом мучается одна из героинь романа. Для меня это не было тайной, поступив на журфак МГУ, я обнаружил, что мало кто из будущих «партийных пропагандистов» хотел даже развивать социализм, не то что строить «коммунизм». Цинизм был в те годы уже весьма распространённым «учением». Сним же столкнулся и на работе в разных редакциях.

В романе есть персонаж (в нём легко узнаётся известный газетчик) — весьма типичный представитель партийной журналистики. Из маленького городка Западной Украины. Работал за рубежом. И вот стал замом главного редактора крупнейшей газеты. Отличался он двумя качествами — открытой неприязнью к статьям о проблемах русского народа и флюгерным мастерством определения направления властного ветра.

В свой звёздный час, в дни ГКЧП, преобразился радикально: «Пропало рабское почтение к партии. Теперь Никита Семёнович находил о ней самые грубые слова, говорил, будто отдавал армейские команды. Глядел на всех жёстко, с нескрываемым высокомерием».

И таких вмиг преобразившихся было много.

«Что ж это за творение такое — человек? — думал Савельев, слушая этих перевёртышей, — чтобы так, за несколько дней или даже часов, изменить свою суть на прямо противоположную... История повторяется. Циники от политики всегда апеллировали прежде всего к низменным потаённым качествам человека, рассчитывая обрести управляемую тёмными инстинктами массу».

Ставку на подлецов сделали и после демонтажа СССР. Автор напомнил, как в дни противостояния с Верховным Советом они орали: «Красно-коричневые оборотни обнагтели от безнаказанности! Тупые негодяи понимают только кулак! Поддержим символ демократии — нашего президента Ельцина!» Тому якобы мешали работать «коммуно-фашисты». И Ельцин и его приспешники отдали приказ из танков стрелять по законному парламенту. Установив мародёрский режим, они начали разграбление богатейшего государства.

«Четыре года самой разрушительной в нашей истории войны нанесли стране меньше ущерба, чем один год приватизации по Ельцину—Чубайсу! Большинство предприятий продавалось иностранцам. Через подставных людей, по ценам в сотни раз дешевле, чем они стоили. Челябинский тракторный завод, где было 54 тысячи работников, отдали за два миллиона двести тысяч долларов. В Европе столько стоит не-

большая пекарня».

Отчего так безболезненно прошла ваша трансформация из «товарищей» в «господа»? К примеру, в моём городе никто из руководителей КПСС не защищал «родную мамку» от проклятых «демократов». А ведь силы-то были неравные: у КПСС — Политбюро, ЦК, КГБ, прокуратура, суды, армия... Всё сдали. В три дня. Значит, защищать не шибко хотели. А 19 миллионов рядовых членов КПСС выполняли покорно указания верхов, зная, что противиться — себе во вред. Но тогда тоже несите ответственность за разрушение СССР. Удобно считать себя невиноватым, что виноват — ядля.

Сначала номенклатура ещё боялась мнимых преследований. Но после расстрела в 93-м Верховного Совета и разгона местных Советов вдруг обнаружили, что на власть ставят бывших горкомовских, стало быть, уже не надо бояться... Однако директора рядились тогда ещё в «красные одежды».

Помню, как в 93-м в Ковров приехал из Москвы главный приватизатор и на «партхозактиве» убеждал заводских, что скоро на предприятии инвестиции хлынут «бурным потоком».

Инвестиции не хлынули, но вскоре директорату хитро дали взятку, передав им 5-процентный пакет акций заводов. Остальные начальники потом добрали, скупая их по дешёвке у работяг, им специально задерживали зарплату. Прихватили и магазины, и дачи, и стадионы, и много чего ещё... «Красные директора» быстро отказались от «красных идей». Господами они стали.

Народ, однако, у нас забывчивый и прощающий. Да и потом, наверное, как всегда, решили, что «против ветра не плыть». К народу, голосовавшему в 96-м за Ельцина, в романе устами одного персонажа тоже высказаны претензии:

«Да, на него обрушили небывалый в истории словопад дезинформации, прямой лжи и полсудной клеветы. Но разве слушающие всё это безработный инженер, голодная мать, разорённый крестьянин не видели, при ком они получили свои беды? Народ!.. Што ж он за глина такая, из которой то и дело лепят топор на его собственную шею?»

А у бывших «товарищей секретарей» легко получилось выдавить из себя «непримиримость к несправедливости, нечестности, стяжательству» — «Моральный кодекс строителя коммунизма» в их натурах не оставил следов.

Владимир Поляков

ПОСТСКРИПТУМ. Думается, что российский общество так до конца и не разобралось, что же на самом деле происходило перед разрушением СССР. Мы тогда плохо понимали, как же реально было устроено наше государство, с nepocпeкшимой лёгкостью думали о его разрушении, не представляя последствий. И когда жаждающих разрушения и сомневающихся стало достаточно много, произошло примерно то же, что и в феврале 1917-го, — мощнейшее государство «слиняло в три дня». И это фантастическое событие до сих пор остаётся непонятым. А сегодня уже идут разговоры о перестройке-2, которая якобы началась с декабря 2011-го, с митингов на Болотной. И у многих опять в голове мысли, что страна ни на что не годна, что на её месте нужно что-то иное, а нынешнюю просто разрушить, развалить... И это в условиях, когда Запад объявил России новую холодную войну, откровенно говорит о желании нанести непоправимый урон российской экономике. Быть ли перестройке-2? Вопрос совсем не праздный.

РИА «Новости»

Очередь к микрофону. Первый съезд «перестройщиков» — народных депутатов. 25.05.1989

скому, политическому и прочая. Были надежды, но возникли и сильные сомнения.

С напоминания о предыстории перестройки и начинается книга. Брежнев пришёл полсотни лет назад, когда «стране надоело вздрагивать от сумасбродных авантур хитрованца», заставившего сеять кукурузу даже за полярным кругом, душившего свирепыми налогами подсобные хозяйства и объявившего миру: к 1980 году будет построен коммунизм.

«После сумасбродств «колобка в соломенной шляпе», — напоминает автор, — всёёло добродушие черноборового красавца Брежнева наполняло людей оптимизмом, желанием работать. Именно на брежневское время приходится наивысший подъём экономики СССР. Но и тогда же — к концу брежневских лет — начинается его стагнация».

Народ надеялся: может, новому генсеку Горбачёву и удастся радикально перестроить государство, всё более походившее на корабль, тащимый посуху. Правда, начал он перестройку всё же весьма странно, о чём пишет автор в историческом отступлении:

«Горбачёв объявил о начале борьбы против пьянства и алкоголизма. Купаясь в эйфории от доставшейся высшей власти во второй державе мира, он решил,

чали резво размножаться кооперативы. В них сколачивали первоначальный капитал. За счёт разграбления предприятий при активном участии их начальства.

Преступлением было тогда резко отменить госмонополию на внешнюю торговлю. Плохо знал генсек труды Ленина, твердившего, что монополия — надёжная защита от империализма Запада, ибо без неё иностранцы скупят и вывезут за границу всё ценное. Так и случилось. «Внутренние цены, рассчитанные на невысокие зарплаты населения, были намного, а порой в несколько раз ниже стоимости этих же товаров за границей... За границу пошло продовольствие, золото, пушнины, лесоматериалы, удобрения, химтовары и много другой продукции».

Все «реформы» вели к одному: «Разрушение внутреннего рынка и государственной ответственности пошло шагами Гулливера». Государство целенаправленно разрушали. Многие персонажи книги считают именно Горбачёва главным виновником набирающего темпы разрушения: «Мелкий, тщеславный человек, самонадеянно поверивший в свои возможности, оказался слабым и недальновидным функционером».

Однако на это в книге есть

корабль тонет, думала тогда лишь об одном — как самой спастись и какие выгоды можно извлечь из катастрофы. Создавали банки и фирмы, прибыльно спекулировавшие за кордоном созданными за десятилетия тяжёлым трудом народа богатствами. Детей пристраивали на учёбу за рубежом.

Можно ли было тогда повести СССР по другому пути? Теоретически — да. Практически... Не было людей, способных руководить государством лучше. Иначе что ж они вовремя активно не боролись с «линией Горбачёва»? И всё больше усиливаются подозрения, что задолго до перестройки некие силы планировали трансформировать СССР так, чтобы стать полными хозяевами его нефтегазовых богатств.

Одна из сюжетных линий романа — о жизни редакции «второй газеты» страны. Её редактором назначили «верного ленинца» с «бульдोजной хваткой», специализировавшегося на толкованиях работ вождя мирового пролетариата. Но со временем он бюстиком Ильича начал колоть орехи. Освободились, стало быть, от заблуждений. От них легко избавлялись многие журналисты, взращённые на «партийности печати».

Как так быстро возникла совершенно иная журналистика?

ПОЛИТЭКОНОМИКА

Вивисекция госсектора

Слово «приватизация» давно уже стало у наших правящих кругов неким заклятием против злых духов. Приверженность процессу «разгосударствления» можно рассматривать и как маниакальный синдром: чуть стихнет недуг, а потом бросается на наш социальный организм с удвоенной силой.

Ещё на слуху напевы прежних лет. То вдруг острая нужда «в кратчайшие сроки подготовить план приватизации крупных компаний, в которых доля госсобственности превышает пятьдесят процентов», то жажда немедленно снизить процент ограничений на иностранное участие в отечественных компаниях. Так ведь снижали уже, а потом ужасались оттоку капитала.

Вместо того чтобы строго спросить за отсутствие контроля в госсекторе, с необоримым упорством избобртают всё новые схемы увода народной собственности из коллективного ведения. И юные советники по экономике вещают, сколько

денег мы все получим от реализации птицефабрики, где куры несут золотые яйца. С тем же сладострастным упоением нам объясняли в 95-м, сколько от залоговых аукционов казна получит денег, которые из казны же на эти аукционы и выуживались будущими олигархами...

Это уже стало печальной традицией. Помните сакраментальное ельцинское: «Я сокращаю перечень стратегических предприятий в пять раз... Такой указ мною подписан».

Не внемлют господа приватизаторы, и никакие резоны им непонятны. А ведь ещё Аристотель утверждал: богатство — не во владении, а в пользовании. Прудон сказал и того резче: собственность

есть кража. Граф Сен-Симон был не против частного труда, но свято верил в прогресс морали и возгласил: по-настоящему эффективны только те стимулы к труду, что основываются на понятиях справедливости и морального удовлетворения, поэтому «от каждого по способностям — каждому по труду». Утопист, конечно же, но среди его утопий была идея общеевропейского парламента...

В кибуцах (израильских колхозах) вообще до сих пор предпочитают марксову формулу — «каждому по потребности» (иначе — всем по ровну) — и ничего, справляются, всё на доверии. При общей численности колхозников в сто тысяч человек обеспечивают почти половину сельскохозяйственного производства Израиля.

Есть одно «но». Госкапитализм в его нынешнем фазисе и в самом деле неэффективен. И в наших ны-

нешних условиях почти не имеет будущего — как всё, обречённое на заклятие и терпящее системные обструкции. В ресурсных отраслях — потому что слишком прибылен, и эту прибыль в них научились прятать не хуже, чем Клод прятал кроликов в цилиндре. В госкорпорациях — потому что они изначально создавались под последующую приватизацию. В мизерном сегменте народных предприятий так ничего и не забрежжило.

Долгие годы высоких цен на нефть (даже с поправкой на то, что в фискальные органы поступало неизмеримо меньше возможного) привели к социальной стагнации общества и серьёзным мутациям в ментальности населения — в первую очередь молодёжи. Офисных трясок уже давно убедили, что общественная собственность не нужна и неэффективна по определению.

В нынешней России «госкапитализм» неэффективен ввиду своей маргинальности, загнивания в угол. Госсектору создан режим наименьшего благоприятствования. Он уже нежизнеспособен — как отбившийся от прайда львёнок, даром

что царь зверей. Мы бы и примирились с этим, но международная ситуация в последний год осложнилась до предела, что в корне меняет и подход к экономике. Во всём мире признаётся один фундаментальный закон: в случае форс-мажора, когда экономика переходит в мобилизационный режим, государство просто обязано отложить в сторону рыночные инструменты и взять в руки нерыночные, командно-административные.

Режим внешних санкций и стал для нас форс-мажором, настоящим испытанием для экономики России.

Только коллективными усилиями и справедливым распределением общественных благ можно добиться экономической безопасности. Это — сверхприоритет, он заповедан народной мудростью на всех языках мира. Цена человеческим отношениям познаётся в беде, точно так же — и производственным. К чёрту внутривидовую конкуренцию — встают приоритеты всего рода. И если испытание бедой пройдено успешно — значит, действовали правильно, артельно,

всем миром, на общее благо, забыв о частной корысти.

В последнее время мы снова слышим о планах правительства продолжить приватизацию в ключевых отраслях — и особенно в ресурсной. В списках стратегических предприятий, подлежащих приватизации, мы видим те, что демонстративно стабильно высокую эффективность. Делается это вопреки нарастающей в социуме потребности ограничить интересы частного сектора экономики. Ведь Запад заваливает нас санкциями до полного изнеможения. Нефтяные котировки падают, а с ними и курс рубля. Рушится торговля, многие теряют работу... Разве не форс-мажор? По всем правилам мы должны готовить экономику к мобилизационному режиму, а вместо этого опять корыстные химеры приватизации...

Отсутствие логики и здравого смысла? Да нет, логика-то есть, но всё та же — антисоциальная, в духе гайдаризации начала 90-х. Хотя и под патристическую риторику...

ГЕННАДИЙ ДУДАРЕВ

КНИЖНЫЙ РЯД

Солдат всегда солдат

Когда началась война, он прибавил себе год и попал под призыв 1924 года рождения. Был ранен в боях, награждён орденом... Из этого призыва осталось в живых всего три процента... О судьбе поколения 1924-го написано много воспоминаний, книг, но вся правда о нём так и не сказана.

Когда Дмитрия Язова решили назначить министром обороны СССР, он служил уже пятьдесят лет. Кто же мог предположить, что он, фронтовик, пробившийся в военную элиту из самых низов, станет последним маршалом Советского Союза, а на склоне лет окажется в тюрьме с формулировкой «за измену Родине». На свободу он вышел уже в совершенно другой стране...

Дмитрий Язов.
Удары судьбы.
Воспоминания солдата и маршала. — М.: Центрполиграф. 2014. — 316 с. — 2000 экз.

Дмитрий Язов.
Карибский кризис. — М.: Центрполиграф, 2014. — 445 с. — 2000 экз.

Об этом небывалом пути Дмитрий Язов и рассказывает в книге «Удары судьбы». Служба в самых различных уголках нашей Родины — от Карелии до Дальнего Востока. Военная работа за её рубежами — Куба, Чехословакия, Афганистан... Места, где решались судьбы страны и мира. Встречи с самыми примечательными людьми эпохи — Хрущёв, Брежнев, Андропов, Горбачёв, Ахромеев, Кастро, Цзян Цзэмин, Ким Чен Ир, имам Хомейни, Буш...

И вот к какому выводу он приходит, осмысливая пройденное и пережитое:

«Все наши проблемы заключаются в том, что мы, русские, всегда готовы выйти в открытое поле и принять бой. Но мы не ведаем, как противостоять подлости. Нам ещё предстоит научиться встречать подлость и предательство во всеоружии... Но я бы не советовал увлекаться популярной игрой в Апокалипсис. При наших-то возможностях — это малодушие. Надо верить в созидательную энергию русского народа».

Вторая книга посвящена «Карибскому кризису», в дни которого советский офицер Дмитрий Язов служил на Кубе.

«Кризис был, пожалуй, самым острым и опасным эпизодом холодной войны, когда советско-американские взаимоотношения достигли критической черты. Стороны стояли на грани всеобщей ракетно-ядерной войны, а Куба оказалась в самом эпицентре тех событий», — вспоминает он. Но мысль его постоянно возвращается в современность: «Новый мир — новые реалии, которые требуют от политического руководства России политической мудрости, железной воли, настойчивости и твёрдости, решительности действий. А самое главное — чёткого понимания и жёсткого отстаивания национальных интересов России. Любая уступка, сделанная из благих намерений, расценивается нашими оппонентами и недругами как слабость и неизбежно приводит к новым и новым потерям. В этом смысле уроки Карибского кризиса, на мой взгляд, нами до конца ещё не усвоены, не проанализированы и не взяты на вооружение».

И вот ещё примечательная мысль из книги, которую нельзя не привести:

«Я каждый раз задаю вопрос: как так получилось, что маленькая Куба смогла выйти победителем из неравной схватки с американским сверхдержавой? Откуда у крошечного острова в океане столько твёрдости? Откуда у его мирных жителей столько мужества, стойкости, решимости и веры в себя? Откуда взяла силы эта маленькая нация, население которой на протяжении многих веков пребывало в колониальном и полуколониальном состоянии, собирая сахарный тростник на плантациях американских богачей и ублажая богатых туристов?»

Кубинцы нашли в себе силы выступить против рабства духовного, психологического, внутреннего. Любовь к своей стране, патриотизм, возведённый в ранг государственной идеологии, стали основой того духа, о который сломили себе зубы американские империалисты. Кубинцы показали себя нацией, достойной самого глубокого уважения».

ДМИТРИЙ МАКАРОВ

ПИСАТЕЛЬ У ДИКТОФОНА

«События вырастают из глубины...»

В жизни Юрия Беликова не было лёгких периодов

«ЛГ»-ДОСЬЕ

Юрий Александрович БЕЛИКОВ – поэт, журналист. Родился 15 июня 1958 года в городе Чусовом Пермской области. В 1980-м окончил филологический факультет Пермского государственного университета. Автор четырёх книг – «Пульс птицы», «Прости, Леонардо!», «Не такой» и «Я скоро из облака выйду». Обладатель Гран-при и звания «Махатма российских поэтов», лауреат литературных премий: имени Павла Бажова, Алексея Решетова и Антона Дельвига. Основатель трёх поэтических групп – «Времири» (конец 70-х), «Политбюро» (конец 80-х) и «Монарх» (конец 90-х). Лидер движения «дикороссов» и составитель книги «Приют неизвестных поэтов». Входил в редколлегию журнала «Юность», был собкором «Комсомольской правды», «Трибуны», спецкором «Труда». Стихи, кроме периодики, публиковались в антологиях «Самиздат века», «Современная литература народов России», «Антологии русского лиризма. XX век», «Молитвы русских поэтов», «Гениальные стихи» и др. Включены в антологию «10 веков русской поэзии» Евгения Евтушенко. Награждён орденом Велимира «Крест поэта» и орденом Достоевского 1-й степени. Живёт в Перми.

— Как поэт ты печатаешься с 1975 года, то есть без малого сорок лет. Это более чем солидный срок. А сколько всего написал за это время? Ну, скажем, если выпускать полное, на сегодняшний день, собрание стихов и поэм Беликова, — сколько выйдет томов?

— Если речь про «солидные сроки», как говорят у нас на Урале, то вопрос твой лучше развернуть на 180 градусов: «Сколько лет ты не печатался? И сколько ты не написал?!» Много не написал. И эти «градусы» для моего поколения уже принципиальны. Мы — дети тьмы, молчания. Знаешь, какое у меня самое любимое занятие? Молчать. Сидеть на брёвнышке у реки и вслушиваться в говор воды. В Чусовом дом у нас стоял рядом с лесом. И вот ты бродишь по лесу каждый день. Стихи читаешь деревьям. Да-да, это первые мои и, может быть, лучшие слушатели! В один прекрасный или ужасный миг время ошенилось нами, и мы уже начали прозревать и попискивать. И тут — удар сапогом: «А пишите-ка вы в трубу вашей матери!» А наша мать — тьма. И вот мы стали к ней привыкать. Изъясняться — теневыми метафорами. Когда люди читают не стихотворение, а тень от него. Но чем ниже солнце, тем тень длинней. А солнце в России почти всегда низкое. Посему у меня нет дефицита света. Его испытывают те, кто привык к свету изначально. Ну-ка отними у них авансцену! А тьму не отнимешь. И мне в ней вольготно. Не печатаюсь? Не звучу? И ладно. Поэтому у меня такие гигантские паузы между выходами книг: между «Прости, Леонардо!» и «Не таким» — разрыв в 17 лет! А всего — четыре книги. Ещё в 20-летнем возрасте я принял своего рода обет: «Задумавшись в себе бесчисленные колокольчики мелкого вдохновения, чтобы создать одинокий Царь-колокол!» В общем, что дозволено слэмоистам, не дозволено «дикороссам»...

— Кстати, о них, родимых. Ты с 2000 года делаешь проект «Дикороссы», представляя читателям малоизвестных поэтов, преимущественно из российской глубинки. Даже вёл соответствующую рубрику в «ЛГ». Ну и как поживают «дикороссы», есть ли пополнение в их рядах, не изменилась ли концепция проекта? И почему он не стал массовым? Мне кажется, что достойных поэтов сейчас куда больше

того количества, что представлены на одном имённом сайте.

— Много званных, но мало... «дикороссов». «Дикороссы» безошибочно опознают друг друга. На прошедшем вручении «Дельвига» ко мне подошёл человек: «Вы ведь Юрий Беликов? Вождь «дикороссов»?» (Это звучало примерно как «вождь краснокожих». И вручил свою книгу, так и подписав: «Вождю «дикороссов» (к которым я себя отношу)». «Дикороссы» — не совсем проект. Они были до меня и будут после. Это врождённое или приобретённое чувство края бытия. «Дикороссом» был Лермонтов с его «Люблю Отчизну я, но странною любовью». «Дикороссом» был растоптанный Белинским Владимир Бенедиктов, выдохнувший: «Я — на Чортовом мосту!» «Дикороссами» были Павел Васильев, Николай Клюев. А далее — Аркадий Кутилов, Леонид Губанов, Лев Таран... Два года назад, на Волошинском фестивале в Коктебеле, где «дикороссов» представляло мощное сибирское крыло в лице Марины Саввиных, Сергея Кузнецихина и Виталия Науменко, ко мне начали подходить люди, убеждающие, что у них есть «дикоросские» стихи. Едва глянув на бурятского поэта Амарсану Улзытуева, изрыгающего «А копыта коней широкие, как лопаты...», я убедился: типичный «дикоросс»! А когда прочитал в подаренной мне книжке Маши Малиновской из Гомеля, чьё лицо в веснушках напоминало старательский лоток золотиоскателя: «В церквях упорно ставлю свечи за висельников и дворян», понял, что её автор наделён вполне «дикоросским»

сознанием. Помнишь, Брюсов вопрошал: «Где вы, грядущие гунны?» Успокойтесь. Мы здесь. И ещё объявлюсь.

— А откуда у тебя взялся титул «Махатмы российских поэтов»? Что это вообще за должность такая?

— Иван Жданов, который родом с Алтая, как-то подписал мне своего «Фоторобота запретного мира»: «Коронованному алтайцу от некоронованного». В год 1989-й на Алтай, где в Бийске проходил 1-й Всесоюзный фестиваль поэтических искусств «Цветущий посох», съехались-слетелись подпольные поэты ещё не поделённой империи. А раз это Алтай, овеянный легендами о Шамбале, то выбирали не короля поэтов, а махатму. И так случилось, что жюри в чёрную мантию махатмы обрядило меня. Говорят, полголоса не хватило Жене Ройзману, а то бы он был махатмой, а не мэром Екатеринбурга. Ройзман, когда ещё ходил в депутатах Госдумы, как-то мне признался: «Стихи — дело-то серьёзное. Самое, может, серьёзное из всех!» Все бы теперешние и будущие мэры так мыслили!

— Неоднократно о тебе писали, что не вписываешься со своими стихами ни в какие рамки. Да и я сам писал что-то подобное в рецензии на твою книгу. А куда ты вписываешься? Как бы ты обозначил своё место?

— На днях мне матушка моя сказала: «Ты — нестандартный. Как на тебя одежду покупать? Некоторые наденут — любой костюм подходит». Авангардисты говорят: «Так он же традиционалист!» Традиционалисты: «Так он же авангардист!» Это меня устраи-

ивает. Мне нравится есенинское: «Розу белую с чёрною жабой я хотел на земле повенчать».

— Но может ли сейчас у поэта быть своё место? Мы ведь постоянно сталкиваемся с таким явлением, как проекты. Вроде «Фабрики звёзд», только в литературе. Симпатичная девочка с высокой грудью всегда победит на публичных чтениях очастого стихотворца среднего возраста, пусть он даже окажется Николаем Заболоцким. Слэмы, литфестивали и выступления в рестораничках — всё это далеко от того, что совсем ещё недавно считалось поэзией.

— Мой красноярский друг Сергей Кузнецких, например, переименовал общеизвестное: «Поэт в России меньше, чем сержант...» Думаю, что на равных правах существует как этот вариант, так и хрестоматийный. Допустим, я до сей поры, если не вападаю в депрессию, верен собственному заблуждению, что место поэта нечто вроде миссии священника, только с более широкими полномочиями...

— О тебе легенды ходят, вон, даже уже не раз упомянутый Евтушенко написал, что ты — потомок Филиппа Беликова, служившего при Анне Иоанновне в ипостасях алхимика и экономиста, ставшего впоследствии узником Шлиссельбурга, а затем ссыльным на Урале. А легенда — это то, без чего поэта быть не может. С другой стороны — времена изменились. Кому нужна эта легенда?

— А вот когда я, как сейчас ты, начинаю забрасывать себя депрессивными вопросами, то прихожу к мнению, что эта легенда не только не нужна никому, кроме великого романтика Евтушенко, она не нужна даже мне. Как, собственно, и книги, которые мы пишем и издаём. Недавнюю свою книжищу «Я скоро из облака выйду» я умудрился закончить так:

Скряга я пусть, сквалыга, столпник, чернец в дому, только нет слаще мига — знать: у тебя есть книга, отданная — Никому!

Иногда мне мнится, что поэзия и вообще художественное преобразование читателя — из разряда человеческих рудиментов. Но вот, предположим, на днях оказался на пермском вещевом рынке. Долго примеряю пиджаки (поскольку я нестандартный) и вдруг с си-

Три обязательных вопроса:

— В начале XX века критики поперебильно говорили, что писатель измечтался. А что можно сказать о нынешнем времени? Почему писатели перестали быть «властителями дум»?

— Книжная пыль — самая тяжёлая и вредная. А «властителями дум» перестали быть не только писатели нынешние, а вообще — все, начиная с Гомера. Почему? Потому что человек неисправим. Он сейчас твердит по-пушкински: «Над вымыслом слезами обольюсь», а захопленную книжку — и уже к топору тынешся. И чем больше литература пытается человека исправить, тем быстрее она выветривается из людей.

— Можешь ли представить ситуацию «литература без читателя» и будешь ли продолжать писать, если это станет явью?

— Для меня это давно — явь. Я и раньше писал стихи для себя и... для деревьев.

— На какой вопрос ты хотел бы ответить, но я его не задал?

— Вот если б ты меня спросил: «Чем на Земле всё закончится?» Сначала человечество предаст своих поэтов (впрочем, может, они того заслуживают), затем расплатится за всё содеянное на Земле, попробует спастись, и, спасаясь, поднимется на лермонтовскую высоту и убедится, что «спит Земля», но уже не «в сныные голубом», и ступит на другую планету, и начнёт к ней приторачиваться, и вот тогда — там, на другой планете, оно вспомнит главный свой земной атавизм — поэзию.

ЖУРНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ

Планшетная проза

Это повествование одессита, который был непосредственным свидетелем событий 2 мая. «Десять дней», где художественное изображение соседствует с документальной хроникой и её стилизацией и границы между ними размыты, — можно назвать романом-стримом (стрим — видео прямо с сервера, без загрузки на локальную машину).

Герой, он же автор, помышляет о написании сценариев. Его сознание вполне «кинематографично». (Редкие эпизоды, когда Веня расслаблен и погружен в «златое безмыслие», — чтение на одесском прибрежных склонах сценариев любимого Шпаликова.) Но подручные технические средства, задействованные в видеоряде «Десяти дней», ограничены «планшетной» стилистикой. Одесские события таковы, что ни режиссёр «бесого», ни ангел, который «кричит в огромный рупор», не в состоянии были бы объяснить исполнителей. Автор может довольствоваться лишь ролью стримера. Он не всегда успевает осмыслить происходящее — только транслирует его. По мере возможности вклинивается с отстранёнными комментариями или ретроспективными отступлениями. Но даже когда темп действия спадает, сознание продолжает «стримить». От планшета нельзя требовать совершенного изображения и оптимальной картинки. Его обладатель далеко не всегда волен в выборе ракурса. У стрима — другая «оптика». Но она позволяет охватить то, что не попадает в кадр к профессиональному телепортёру. Планшет фиксирует и голоса улиц, и

прямую речь стримера, которые могут обернуться и против персонажей, и против автора... Узвизмой позицией, саморазоблачительными проговорками стримеру приходится платить за эффект присутствия. Как эти голоса неотделимы от стрима, так узвизмая прямая речь персонажей «Десяти дней» неотделима от ткани повествования. Стилистика стрима важна для «Десяти дней в мае». На то, чтобы скрыть правду об Одессе и снять ответственность за случившееся с киевской власти, в поте лица работали украинская пропагандистская машина, её журналистская служба. Но уличный стример — головная боль «пропагандонистов»... Ведь что такое пропаганда? Она сродни цыганскому гипнозу. Она облопошит того, кто даст ей приблизиться вплотную. Герой Непогодина не подпускает её к себе. Иногда сам слишком близко подносит к ней свой планшет. Идеологические тирады Вени — «отговорки», которыми он заглушает «цыганский заговор».

3 мая герой садится писать репортаж для российского издания: «*Бывает состояние, когда необходимо срочно выговориться, потому что невозможно держать боль*

Всеволод Непогодин. Десять дней в мае: Роман. — Нева, № 10, 2014.

непреходящая одесская полнота: Медушевская, Херсонский, Казанжи... Поле (базарной) брани остаётся за ними. Их список вариативен. Все персонажи карикатурны. Просят в кассиратуру. Попадают в неё. Журналист Александр Роджерс сказал об одесской чиновнице и писательнице Зое Казанжи: «Казан лжи». И это, пожалуй, самая точная и ёмкая рецензия на её прозу, самая исчерпывающая характеристика той одесской деятельности (особенно той, что связана с оценкой и расследованием событий 2 мая). У Бориса Херсонского карикатуре даже ник в ЖЖ — претенциозный *borkhers*. Поисковик услужливо вываливает Адольфа Борхерса, немецкого аса люфтваффе, и его брата, танкиста-эсэсовца Германа... Непогодин оставил свой выбор именно на Херсонском (в романе — Берл Хернскимский), как на представителе той одесской интеллигенции, которая вывралась «долго и нудно раскисывать, почему жертва была виновата сама».

Вени негодует: «*Одесса — это город предателей, готовых продать кому угодно при первом удобном случае. Одесса — это город спекулянтов собственной совестью и честью. Тораешеская ментальность — это бомба замедленного действия*». Эта Одесса уже не заслуживает орнаментальной прозы, овчинка не стоит выделки. Автор готов превратить роман в памфлет. Непогодинская проза лапидарна. Внутренние и публичные монологи

Вени обходятся без длинных периодов. Любой из девяти дней романа может распадаться на публицистические колонки.

Вени охотно представляет услугу за коллективные бессознательные своей части Одессы. Суждения героя легковесны. Он словно готовится к выходу на какое-нибудь телевизионное ток-шоу, оперируя идеологическими клише, столкновения с которыми не выдерживает «новая правда» одесской интеллигенции. О чём это говорит? Только о невысокой ценовой категории той «новой правды», которую можно без труда посрамить таким споксом. С чего бы герою выбирать благородное оружие для поединка с публикой, которую можно (и нужно) гнать поганой метлой? Не станет же Вени беседовать со жлобом на Привозе о своём любимом Шпаликове. Так с каковой праздности ему вступать в полемику с вырождающейся интеллигенцией и самопровозглашёнными интеллектуалами Одессы, да ещё по их правилам? Нет, только безжалостная дымовуха под дверь — туда, где курится фициями поэту Хернскимскому: «*Они наивно верили в то, что новая независимая Украина непременно одарит их всеми благами цивилизации за неумелый пересказ баек. Утёсова и знание рецепта приготовления фаршированной рыбы. Чуда не случилось, и ленивые болтуны оказались на обочине жизни. Им постоянно приходилось унижаться. Каждые выходные либеральные тугодумы ходили утром по Привозу и с важным видом пробовали балык, творог и брынзу. Они имитировали дегустиацию с целью последующего приобретения продуктов, а на самом деле пытались досытно наесться бесплатными ку-*

сочками. Продавщицы вскоре раскусили трюк никогда ничего не покупавших снобов и стали гнать их половыми тряпками от своих прилавков».

Научно-теоретическая конференция «Творчество Юрия Полякова: традиция и новаторство» (к 60-летию писателя) 10 ноября 2014 г.

Участвуют известные учёные, филологи, историки литературы, писатели из Москвы, других городов России, СНГ.

Регистрация участников (10:00-11:00)

Конференция состоится по адресу: 105005, Москва, ул. Радио, 10а. Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования Московский государственный областной университет. Зал заседаний учёного совета, аудитория № 78.

Проезд: от ст. м. «Курская» — трамвай № 24 (до ост. «Доброслободская ул.»); от ст. м. «Красные Ворота» — троллейбус № 24 (до ост. «Ул. Радио»); от ст. м. «Бауманская» — трамвай № 37, 45, 50 (до ост. МГТУ им. Н.Э. Баумана)

Телефон для справок: +7 916 931 96 62
Программа конференции на сайте

www.lgz.ru

Андрей ДМИТРИЕВ, ХАРЬКОВ

ПАМЯТЬ

Булычёву – 80, или Универсальный писатель

Под этим именем нескольким поколениям читателей был известен учёный-историк, доктор исторических наук Игорь Всеволодович Можейко (1934–2003). Сам писатель признался однажды, что даже его коллеги по работе из Института востоковедения долгое время не подозревали о «второй работе» учёного и никак не связывали имя фантаста «Кир Булычёв» с уважаемым доктором наук И.В. Можейко.

Писатель родился в 1934 году в Москве, окончил Московский педагогический институт иностранных языков им. Мориса Тореза с дипломом востоковеда. Затем он несколько лет работал в Бирме, объездил множество других стран. В середине 1960-х годов Игорь Всеволодович пришёл на работу в Институт востоковедения РАН, которому остался верен до самой смерти.

В 1960 году в печати появились его первые публикации – очерки о Бирме. А несколькими годами позже, в 1965-м, в журналах замелькало новое имя – писателя-фантаста Кира Булычёва: сначала появился рассказ-мистификация «Долг гостеприимства», а затем и первые новеллы из ныне знаменитого цикла детской фантастики – «Девочка, с которой ничего не случится».

Творчество Кира Булычёва, до конца жизни удерживавшего статус одного из самых популярных фантастов России, хорошо известно уже трём поколениям читателей. Десятки книг очень разной и удивительно доброй, мудрой фантастики – будь то детские повести про Алису Селезнёву, «космическая» серия о докторе Павлыше, весёлые и грустные истории о славном городе Великий Гусляр или совсем «взрослый» цикл произведений под общим названием «Река Хронос». Многие повести и романы Булычёва стали классикой современной российской научной фантастики – «Меч генерала

Игорь Можейко

Бандулы» (1968), «Последняя война» (1970), «Люди как люди» (1975), «Летнее утро» (1979), «Перевал» (1983), «Посёлок» (1988), «Похищение чародея» (1989), «Агент КФ» (1986) и многие-многие другие. Едва ли меньшей популярностью пользуются художественные и анимационные фильмы, снятые по произведениям и сценариям Кира Булычёва. Назовём только самые знаменитые из них: «Тайна третьей планеты», «Перевал», «Шанс», «Через тернии к звёздам», «Гостя из будущего». За сценарий фильма «Через тернии к звёздам» писатель в 1982 году был удостоен Госпремии СССР. Игорь Всеволодович, человек колоссальной эрудиции, постоянно удивлял своей уникальной работоспособностью и многосторонностью. Помимо произведений художественной прозы и научных монографий, из-под его пера вышло большое количество книг самой разнообразной тематики: научно-популярные издания по истории, нумизматике, фалеристике, критические и литературоведческие очер-

ки... И уж совсем немногие знали, что Игорь Всеволодович – замечательный художник-пейзажист и остроумный поэт, автор трёх поэтических сборников, вышедших небольшими, коллекционными, тиражами: *«Я пришёл к тебе с пакетом / Рассказать, что Солнце село. / Что Луна и все планеты / Взаты по тому же делу»*.

Писатель никогда не вступал ни в какие творческие союзы, трепетно относясь к личной свободе, пренебрегал наградами и регалиями. Может быть, поэтому жанровых премий в коллекции писателя не так много – призовые фантастических симпатий «Сигма-Ф», «Бронзовая улитка», «АБС-премия»... Только в 1997 году он согласился наконец принять старейшую отечественную награду в области фантастики – премию «Аэлита».

В конце 2003 года увидела свет последняя книга писателя – роман-сказка «Убежище». По итогам читательского голосования, состоявшегося на конгрессе фантастики «Роскон», она единодушно была признана лучшей фантастической книгой для детей прошедшего года. Увы, сам писатель не успел увидеть роман изданным. Пятого сентября 2003 года Кира Булычёва не стало.

После смерти знаменитого фантаста редакцией старейшего отечественного журнала фантастики «Если» (увы, уже не существующего) была учреждена Мемориальная премия имени Кира Булычёва, которая с 2004 года ежегодно присуждается за лучшее фантастическое произведение с ярко выраженным гуманистическим посылом.

Главное испытание для любого писателя – испытание временем. По счастью, Кир Булычёв это испытание выдержал: его книги регулярно переиздаются и пользуются неизменной любовью у читателей разных возрастов.

Евгений ХАРИТОНОВ

ШТУДИИ

По Графоману тоскую...

Тоскую по громадному, честному, былому Графоману. Такому настоящему, с толстой рукописной, плотно зашнурованной папкой. Только увидишь его на пороге редакции (а он почему-то любил по обыкновению белую сукунюю – парадную!) – одежду и летом иногда соломенную с широкими полями шляпу), только заглянешь в рукописи – и всё сразу ясно: Графоман. Где ты, дорогой человек, великий прожектор, мечтатель, радетель за всемирную справедливость? Нету тебя. Вымер, как мамонт.

А кто остался взамен? Свято место пусто не бывает? Не бывает. Взамен остались ладненские, гладненские, лысенские слонки, похожие на скинхедов в отличие от мохнатых мамонтов. Иногда до того гладенькие, что кажется – марморные. Да и графоманами их сразу не назовёшь, с ходу не распознаешь. Особенно в стане стихотворцев.

Техника стихосложения на высоком уровне, как правило. Плюс изощрённые форм и тропов. Всё знают, всё умеют, всему обучены. Верлибр – на западный манер, частенько без знаков препинания. А если рифма, то уж такая закрученная, что сам Семён Кирсанов, виртуоз из виртуозов, языком бы, пожалуй, прищёлкнул от восхищения!

Слушая или же читая их молодые, отлично скроенные стихи, ты искренне восхищаешься и думаешь про себя: «Вот же племя народилось! Они ошеломят мир, они перевернут устаревшие представления, они, они...»

Но вот что удивительно: только окончилось чтение, только вышел из зала, через какой-то десяток шагов по улице, сился вспомнить, что слушал, чем восхищался, вдруг с ужасом осознаёшь – не можешь вспомнить ни строчки! Да какое там строчки, ты вообще не помнишь ничего. О чём это было? Что это было? И было ли что-то вообще?

И понимаешь – тебя просто надули... не фокусники даже, а ловкие жулики, разводящие людей на «шарики-марики». Напёрсточники!

Боже ты мой, что же это за чародейство творилось в зале? Ведь владеют,

Вячеслав КИТЕНКО

ВПЕРВЫЕ В «ЛГ»

Квантовый ритм

Поэзия – прежде всего здесь и сейчас тромб: кризис мироздания, скрепляемый лишь сугубо личностным дыханием и – вдохновением автора. Это особое царство: вдруг – где решение любых «последних» вопросов самодеятельно и симфонично... в своей положительной неразрешимости. Сродни самой Вечности и тайне Бытия. Вся эта парадоксальная содержательность органично преисполняется в творчестве молодого русского поэта Вадима Черемных, открывшего для себя ни много ни мало «Белый» космос в его внечеловеческой объективности: «без нулей и единиц» – и одновременно (=одноречно!) в его «юной», вечно смелой пассионарной открытости: «ветру ноября». Сокровенно-квантовому ритму и собственно космоса, и собственно стихов: души – нашего перекрёстного: «автостопом» – дебютанта.

ПЁТР КАЛИТИН

Вадим ЧЕРЕМНЫХ

ЧЁРНЫЕ ЛОШАДИ

*Нескромная осень – остывшая сталь
Тупой парикмахерской бритвы.
А город безмолвный причёсан под ноль,
В гримёрке помадой – молитвы.*

*Гвоздями прогнулся худой календарь,
Здесь празднично красные лимбы.
Ветра, выдувайте из раны всю соль,
С голов – маскарадные нимбы.*

*А чёрные лошади – ветер ноября
Аллора тяжёлая кода.
Срываюся к дьяволу все якоря,
Чтоб сгинуть в проблеме болота.*

*Артист заползает на сцену – как в кров,
И рампа темплом согревает.
Артист оживляет холодную роль,
На минном помосте играет.*

*Он стал неотъемлемой частью ветров,
Срываюся старые маски.
Какой будет боли богатый улов,
Как выцветут мёртвые краски!*

*Пусть чёрные кони в театр ноября
Проскачут надменным галопом.
На дне затопились мои якоря.
Взлетела душа – автостопом.*

СКАНДАЛ

Против клеветы и самоуправства

Открытое письмо писателей членам СРП

15 октября 2014 года в «Доме Ростовых» на Поварской улице в Москве состоялось так называемое Открытое писательское собрание, в котором участвовала первый секретарь правления Союза российских писателей Светлана Владимировна Василенко.

Без согласования с правлением, без обсуждения с писательским сообществом С.В. Василенко делегировала себя в качестве полномочного представителя нашего союза на мероприятие, участники которого оклеветали советника Президента по культуре Владимира Ильича Толстого.

С пренебрежением к нормам демократии и человеческой порядочности, без решения правления, без выяснения мнений писателей материалы этого собрания были опубликованы 22 октября 2014 года на официальном сайте Союза российских писателей, а 27 октября были спешно удалены, что прямо указывает на признание самим публикатором своей недобросовестности.

С.В. Василенко хорошо понимала, что в случае предварительного обсуждения этих материалов ей не удалось бы внушить писателям, которые участвуют в реальном литературном процессе, что Владимир Толстой (цитируем) «вместо делового сотрудничества, внимания и поддержки

литературных талантов поощряет в творческой среде доноительство», «прибегает к постыдным приёмам – угрозам, шельмованию» и т.д.

Если бы Василенко решилась отстаивать эти измышления перед нами, прежде чем их публиковать, ей не удалось бы выступить от имени всего Союза.

Мы знаем Владимира Толстого с 90-х годов – не только как публициста, издателя, музейного работника, но и глубоко порядочного человека. Мы знаем и помним, что именно он ещё в 1996 году основал и на протяжении 18 лет организационно обеспечивал Международные Яснополянские писательские встречи, был и остаётся душой и руководителем этого форума, который снискал уважение писателей России, славистов, переводчиков, учёных, литераторов из разных стран мира. Эти встречи сегодня являются одной из наиболее конструктивных площадок культурного сотрудничества и диалога между представителями разнонаправленных течений в русской и мировой словесности. Мы знаем Толстого как человека, который стоял у истоков одной из самых авторитетных литературных премий в стране «Ясная Поляна», отмечавшей все заметные и яркие таланты нового вре-

мени. Мы знаем об издательских программах Толстого, которые поддерживают выпуск книг и грантами литераторов по всей стране. О его реальной поддержке отечественных «толстых» журналов. О его инициативе учреждения Года литературы в России.

Принимая в обход законных процедур свои единоличные решения, Василенко хотела переложить на членов СРП ответственность за свою несамостоятельность и злоупотребления полномочиями председателя правления Союза российских писателей. Но Светлана Владимировна ошиблась, если думала, что мы безропотно примем любые её решения.

Мы заявляем С.В. Василенко своё недоверие как руководителю СРП и призываем добровольно сложить с себя полномочия первого секретаря правления Союза российских писателей.

Мы также сообщаем, что наше письмо открыто для подписей всех писателей, которые разделяют нашу позицию и взгляд на нынешнюю ситуацию в СРП.

Члены Союза российских писателей:

ПАВЕЛ БАСИНСКИЙ, АЛЕКСЕЙ ВАРЛАМОВ, БОРИС ЕВСЕЕВ, ВЛАДИСЛАВ ОТРОШЕНКО, ОЛЕГ ПАВЛОВ

От редакции

«ЛГ» многократно писало о странных сближениях С. Василенко, председателицы Союза российских писателей, позиционирующей себя как демократическое объединение, с литфондовским деятелем И. Переверзинным, известным своим радикальным почвенничеством. Во всяком случае, и на конференциях, и в судах, и при написании писем в инстанции, в которых содержались оскорбительные выпады в адрес известных писателей и нашей газеты, Василенко с Переверзинным всегда действовали рука об руку. Странно, что члены правления СРП этого не замечали. Но лучше поздно, чем никогда. И «Литературная газета»

разделяет возмущение литераторов, подписавших публикуемое обращение в связи с хулиганской травлей Владимира Толстого, развязанной И. Переверзинным, С. Кунаевым и примкнувшей к ним С. Василенко.

Справедливости ради нужно добавить, что ещё один член руководства СРП всегда горячо поддерживал неадекватных людей из литфондов. Речь идёт о питерском писателе Михаиле Кураеве, принимавшем, кстати сказать, самое активное участие в пресловутом майдане на Поварской, о котором мы подробно писали. Мы поддерживаем позицию Павла Басинского, Алексея Варламова, Бориса Евсеева, Владислава Отрошенко, Олега Павлова и считаем, что их выступление – это шаг к оздоровлению литературного сообщества.

ПОВЕРХ БАРЬЕРОВ

«Пламя» – Лермонтову

Вышел в свет новый номер журнала «Пламя» («Пламя»), посвящённый 200-летию великого русского поэта и писателя Михаила Юрьевича Лермонтова.

Журнал «Пламя» основан в 1924 году великим болгарским прозаиком, поэтом, антифашистом Гео Милевым. В последние несколько десятилетий журнал возглавляет известный болгарский поэт Георгий Константинов, автор около 30 поэтических сборников, около десятка детских книг.

Верная своим традициям, редколлегия журнала представляет лучшие переводы стихов поэта, осуществлённые как известными болгарскими поэтами и переводчиками: Петром Велчевым, Андреем Германовым, Григором Ленковым, Любеном Любеновым, Стояном Бакърджиевым, Найденом Вилчевым, так и новыми молодыми переводчиками из провинции: Георгием Ангеловым, Татьяной Любеновой, Георгием Христовым.

Юношеские стихи Лермонтова перевёл и вынес на суд читателей молодой переводчик Димитр Карачивиев. Редактор журнала Румен Шомов, награждённый в 2014 г. Союзом переводчиков Болгарии за яркий перевод

произведений Альберта Лиханова и Светланы Савицкой, в новой, переработанной редакции представил перевод 2-й части «Героя нашего времени». В разделе «Литературная критика XIX века» помещена малоизвестная статья Николая Гумилёва «Читатель», касающаяся стихотворной техники Михаила Лермонтова. Эпистолярное наследие поэта, опубликованное в журнале в переводе Георгия Германо-ва, даёт представление о литературных связях поэта.

В номере в разделе «Новая болгарская поэзия» опубликовано стихотворение известного болгарского поэта Матея Шопкина «Обращение к Михаилу Ю. Лермонтову».

Номер богат иллюстрирован редкими рисунками самого автора и репродукциями великого Михаила Врубеля.

На встрече главного редактора журнала Георгия Константинова и руководителя представительства Рос-сотрудничества в Болгарии Виктора Баженова были обсуждены вопросы дальнейшего сотрудничества.

Они всегда пребудут молодыми

III ежегодные литературные чтения «Они ушли. Они остались» памяти поэтов, ушедших молодыми в конце XX – начале XXI века, пройдут с 14 по 16 ноября в следующих московских аудиториях: **14 ноября (пятница)** – Российская государственная библиотека для молодёжи (ул. Б. Черкизовская, д. 4, м. «Преображенская площадь»). Начало в 18.00.

15 ноября (суббота) – Государственная центральная библиотека им. М.Ю. Лермонтова (ул. Барболина, д. 6, м. «Сокольники»). Начало в 15.30.

16 ноября (воскресенье) – Институт журналистики и литературного творчества (Калашный пер., д. 3, м. «Арбатская»). Начало в 15.30, круглый стол в 18.45.

На мероприятиях будут прочитаны доклады более чем о тридцати поэтах, среди которых **Александр Бардодым, Юлия Бондалетова, Марина Георгадзе, Константин Григорьев, Влад Клён, Михаил Лап-**

тев, Эдуард Кирсанов, Андрей Новиков, Борис Рыжий, Ника Турбина, Андрей Туркин.

В числе докладчиков – **Клементина Ширшова, Николай Звягинцев, Алексей Караковский, Владимир Коркунов, Алексей Прокопьев, Алексей Сосна, Наталия Черных, Андрей Щербак-Жуков.**

Мелодраматично по стихам ушедших поэтов исполнят актёры **Максимилиан Потёмкин и Светлана Андричук.**

На круглом столе «Поэтическая молодость и ранняя смерть» в воскресенье **Александр Лаврин** прочитает доклад «Поэт и смерть: быт, экзистенция, выбор пути».

Организаторы и участники памятных чтений – **Борис Кутенков, Ирина Медведева, Елена Семёнова.**

Вход свободный.

Соб. инф.

ЛИТ-ИНФОРМБЮРО

ЛИТПРЕМИЯ

В Санкт-Петербурге наградили лауреатов X Всероссийской литературной премии имени С.Я. Маршак. Лауреатами стали издатель Илья Берштейн («За издательскую самоотверженность»), иллюстратор Михаил Бычков («Лучший художник») и поэт Михаил Яснов («Лучший автор»).

Премия в номинации «За лучшую книгу» присудили «Истории государства Российского в отрывках из школьных сочинений» собирателя и иллюстратора детского фольклора Леонида Каминского.

ЛИТФОРУМ

В Российской государственной детской библиотеке состоялся Всероссийский фестиваль детской книги, объединивший писателей, издателей, художников, редакторов, библиотечкарей, преподавателей,

критиков и журналистов.

На стендах 50 российских издательств были представлены новинки детской литературы как современных писателей и поэтов, так и переиздания классики, познавательная и учебная литература.

ЛИТБИЛЕТ

Драматург Леонид Зорин отметил своё 90-летие. С праздником его поздравил премьер-министр Дмитрий Медведев.

Исполнилось 80 лет известному писателю,

культурологу и переводчику Герольду Карловичу Бельгеру, автору многих книг прозы и переводов на русский с казахского и немецкого языков. Он за-служенный работник культуры Казахстана, кавалер ордена «Парасат», лауреат литературных премий. К юбилею писателя в издательстве «Жибек жолы» – «Шёлковый путь» вышли две книги Г.К. Бельгера – «Казахские арабески» и «Возлизи и рядом».

ЛИТПАМЯТЬ

В деревне Чухраи Брянской области открылся музей поэта, прозаика и философа Даниила Андреева. В экспозицию входят книги и фотографии Андреева, а также материалы о его нахождении в он здумал главное своё произведение – роман «Роза мира».

ЛИТМОЗАИКА

Испанские археологи возобновляют поиски места погребения поэта Федерико Гарсиа Лорки, ко-

торый, как считается, был расстрелян и похоронен в братской могиле в 1936 году во времена гражданской войны в Испании. Поиски начнутся 17 ноября на площади в 300 квадратных метров на склоне холма недалеко от города Гранада.

ЛИТЖЕСТ

Писатель Михаил Задорнов заявил, что отказывается выступать на территории Латвии. По его словам, такое решение было принято по политическим мотивам.

Великоросский глагол

В этой подборке представлены поэты, заслужившие себе в литературе не только известность, но добившиеся того, что их имена прочно ассоциируются с высоким художественным уровнем и безупречным чутьём и вкусом. Михаил Синельников поэт очень тонкий, выстраивающий свою поэзию на деталях. Он пристально всматривается в чувственный мир человека. Каждая его стихотворная строка отделана до блеска, а форма безупречна. Максим

Лаврентьев — достаточно заметная фигура среди поэтов, приближающихся к роковой для мужчины отметке сорокалетия. С каждым своим поэтическим годом он становится всё взвешенней в словах, всё больше уходит к аскетизму в приёмах, настойчиво ища свою единственную тропу на поэтический Олимп. Андрей Шацков из тех, кто стоически тянет русскую литературную линию, несмотря на все тяготы этого занятия. Он укоренён в русскую природу, в

русскую эстетику, его талант взращён на национальных художественных ценностях. Александр Хабаров, бесспорно, знает секреты поэтического ремесла. Его строки переворачивают душу. Это прямой и прекрасный поток энергии лучших слов. В каждом из четырёх этих авторов преломляется величие русского слова в разных его художественных ипостасях.

МАКСИМ ЗАМШЕВ

Михаил
СИНЕЛЬНИКОВ

РАВНОВЕСИЕ

Люблю я день прозрачный, чуть осенний
В напыльях то прохлады, то тепла,
Пока в траву и на гранит ступеней
Ещё листва покорно не легла.

И равновесье властвует повсюду,
Когда судьба печаянно сбывалась,
И обнажилась родственная чуду
Всего со всем таинственная связь.

О, никогда ни в холоде, ни в зное
Так явственно не выступают на свет
Моё существование двойное
И перепады миновавших лет!

ЕЛИЗАВЕТГРАД

Памяти Тарковского

Бахчевой пьянящий запах
И черешневый закат,
Это — русский Юго-Запад,
Сербский Елизаветград.

Смех задорных украинок,
Синагоги скорбный мрак,
А за городом — барвинок,
Благодатный буерак.

Вольный шлях, колёсный обод,
Убегающий Ингул...
И татарских сотен топот,
И горячих танков гул.

То Григорьев, то Петлюра,
И Тютюнник, и Махно...
Телескоп и партитура,
Стук прикладами в окно.

Горицвет в степи весенней,
Листа конченый клавир,
Подрастающий Арсений,
Черноусый кирасир.

Это — Новая Россия,
Где в костре нетленных лет
Всё горит, горит Мария,
Ногу в стремя ставит Фет.

ПАЛЕХ

Войду ли в чернеющий лак
Сияющей палехской сказки,
Где ночью любой буерак
Святят животворные краски?

Они — на яичном желтке,
И чудится в сонных долинах
Кудахтанье невдалеке
И хлопанье крыльев куриных.

И нежность письма родилась
Из жизней немых, нерождённых,
Как праздника яркая вязь
Из долгих оброков подённых...

Однако настала пора,
Когда, поистративши разум,
Велели писать трактора
Смирненным твоим богوماзам.

Но красный тянулся обоз
Куда-то из чуда в мещёру,
Грустящие рощи берёз
Вставали за старую веру.

ТИШИНА

Пройдись, расхаживая ноги,
Пока машина не видна
И на пустой лесной дороге
Установилась тишина.

Максим
ЛАВРЕНТЬЕВ

ФОТО

Сделал фото. Вижу теперь, что в хвост
на макушке волосы собирая,
с недовольной миной, нарядом прост,
я похож на бедного самурая —
одного из тех, кто идёт босой,
презирая даль, не пугаясь риска
(цаплей по живищу, как сказал Басё),
чтобы убивать за мешочек риса,
а потом, под сакурой возлезаю,
притворяться спящим на травах сада,
наблюдать украдкой полёт стрижа,
наслаждаться тем, как весна свежа
и как часто-часто трещит цикада.

Услыхав какофонию дня,
закрываюсь от мира мгновенно.

Тебе спешить уже не надо.
Все отлетающие дни,
Как свежий воздух листопада,
В уединении вдохни.

То, что обрёл и что утратил,
Всё воскрешает листопад,
Пока постукивает дятел
И сосны старые скрипят.

БРОНЕПОЕЗД

Как разбивается глечик,
Рушилась жизнь и вошёл
В говор унылых местечек
Великоросский глагол.

Неодолимая сила
Древней обиды и зла
Тёмной энергией была
И бронепоезд вела.

Так, но и ветер суровый,
Сормовский, злой ссоряча,
Мчался зелёной дубровкой,
В топке гудел, клокоча.

Даже уездный Касимов
Миру спасение нёс
В лозунах вихрем носимых,
Рвавшихся в битву с колёс.

ПРОВАЛЬНЫЙ ТУПИК

Сквозь годы и лица из व्यожного сна
Бежит весовищца, и память нежна.

И место свиданий, Провальный тупик —
Из повести ранней внезапно возник...

Твои неуклонны названья, Москва,
И вязнут вагоны и тонут слова.

Там пар тепловозов и смена бригад,
И долог и розов на рельсах закат...

И гулкие годы нагрянули вдруг,
Как ветер свободы и поезд на юг.

МАЙ В ГОРОДЕ

Переулки Покровки, Плющици дворы...
Снова в мае пейзаж полупуст.
Над тобою в преддверье великой жары
Отцветает сиреневый куст.

От безлюдья замедленной тянутся дни
И отчётливей всё голоса.
Что там — девичий смех или в окнах огни?
Но свободе твоей — полчася.

Манил призрак прохлады в полуденный зной,
Или веет вечерняя мгла,
Переулки — возможность в них жизни иной,
Если б эта продлилась могла.

Андрей
ШАЦКОВ

КАНОН МАРТА

В марте — нету ни славы, ни корысти,
Только одурь от зимнего сна.
Вот ужко потеплеет и вскорости
Настоящая грянет весна.

Вот ужко... Но пока над заливами
Не шедохнут поросов гряды.
И грачи над плакущими ивами
Хрипло плачут от горькой беды.

Плачет стая... А может быть, кается,
Что вернулась совсем не в черёд
В край, где мартовской ночью смыкается
Разошедшийся ополдень лёд.

Где слова той единственной женщине
Зависают в тумане густом.
И не скоро придёт Благовещенье,
И покроется верба листом...

И чтоб сгнуло напрочь безвременье —
Для спасенья души и плоти
Ты каноном средь смуты и темени
Уиконы себя оградил.

А трава ещё вырастет, вырастет.
Домахнёт, досяжёт до небес.
И очнувшись от мартовской сырости,
Запестрит первоцветами лес!

В СЕРЕДИНЕ ЛЕТА

Вот и всё... Переломлен у лета хребет.
Раньше — всколзь, ныне —
в лоб эти дни замечаю.
Иван-чай, да полынь —
там, где цвёл первоцвет,
Да, пожалуй, не быть ни Ивану, ни чаю.

И соловушка в светлой дубраве умолк.
И ползут по Руси заполошные толки...
Потоптал луговины толь конь, толи воля.
Если только остались былинные волки.

Этим серым — Ивану служить нипочём,
Вынося на хребте из смертельного боя...
Перерублен у лета хребет не мечом —
Острым стрелнем
Днепровской воды голубою.

Что за диво? О чём бы сейчас ни писал,
Ожидая подспудно печальной развязки.
Это только Кощей своё царство проспал,
И добром завершаются детские сказки.

Но откуда стоят вековые леса,
И кузнечики в поле звенят беспечально,
Пусть в глазах у тебя не проглянет роса.
Не окончена лета великая тайна.

И быть может, на месте, доселе пустом,
Называемом истари — Дикое поле,
Мы посадим свой сад, мы построим свой дом,
Чтобы места хватило двоим — и не боле.

ПРОСКОМИДИЯ

Памяти Андрея Романова

Друг далёкий, как скорбен
тот древний погост.
Где умолкла твоя Петрозградская лира...
Млечный Путь опадает слезинками звёзд.
Ты об этом мечтал, отрешаясь от мира?

От безумного мира, где каждый был рад,
Подтолкнуть тебя в путь к роковому порогу.
Ты об этом скорбел, мой ушедший собрат,
Так внезапно собравший пожитки в дорогу.

А пожитки поэта — как воздух легки,
Но порой тяжелее, чем камень Сизифа.
Ты зачем не подал на прощанье руки,
А исчез в лихорадке весеннего тифа.

Купоросную зелень газонов клаяня,
На которые вылились майские струи.
Ленинград не пройдёт мимо судного дня,
Если память поэта забудется всеу.

Мне останется — съездить в гранитный удел,
Ощущая, как горло сдавила рубаша.
И увидеть, что стол от стихов твоих — бел,
От стихов оперенья лебяжьего праха!

СУМЕРКИ

Под вечер навалится... Впору не жить.
Ухабы беды превращаются в горы.
И мытарь — летучею мышью кружит.
И входит печаль за замки и заборы.

Чадит и не плавится воска свеча.
И шедест химер прозвучал за оградой.
И звёзды не бросят на землю луча
Утешной отрадой,
последней отрадой.

Читаешь синодик ушедших друзей,
А сердце стучится всё глуше, всё реже...
Россия — одна! И не будет Расей
Средь палым и кипящих волной побережий.

С родного погоста, за пару минут,
Стакан, оградив полукружием хлеба,
Коль скоро родные тебя позовут,
Ты должен подняться в холодное небо!

Фотопортрет

И чтобы полёта мгновенья — легки,
И встречи с грядущим не горькими были,
За всё заплати и не делай долги,
Оставь пятаки бесполезные в пыли.

Под вечер навалится... Впору не жить.
Светило ушло за леса и просёлки.
Но там, за покосами, в облаке ржи,
Кричат перелётки, зовут перелётки.

И зов их подхватят с утра петухи...
Со взглядом бесконечным, из призрачной дали,
Ты к ним возвратишься пунктиром строки,
Певца непонятной, закатной печали.

Александр
ХАБАРОВ

НОЧНЫЕ НОВОСТИ

Ночь катится шаром.
Под хруст костей
Слоною брызжет служба новостей...
Враг на экране, враг уже повсюду,
Он на дворе скулит среди собак,
Он во дворце примеривает фрак
И водку плещет в царскую посуду.
Сейчас он выйдет вон из тех ворот,
Дыхнёт едва — и дерево умрёт,
Зашкой станет бедная сиротка,
Застрелится у гроба караул,
Очертится кинжалами аул,
Прольётся кровь, и кровью станет водка...
Отделятся: от Марса Колыма,
Душа — от тела, тело — от ума;
Взорвутся терминалы в Эмиратах;
Падёт звезда; свихнётся конвоир...
Я выключаю этот странный мир,
Где места нет для нас —
святых, проклятых...

ОГОНЬ

Меня сожгли на юге Украины,
Мной, как золой, посыпали руины
и срезы ядовитого живья.
Но я не растворился, не распался,
Мой скорбный дух не умер, он остался
В пространстве мирового бытия.

Давно готовы крылья для полёта,
Мне ангел дал огонь для огнемёта
И чёрный шлем небесного бойца.
Вожу прицелом по суконным спинам,
Ищу тебя, пропавшего бензином,
Ведь я тебя запомнил, подлца!

УСТАЛОСТЬ

Я устал от верности словам,
От любви, свершившейся как смерть,
Я устал идти по головам,
Презирая травяную твердь.
Я устал от голода и тьмы,
Беспросветной как любовь, как страх...
Я устал держать святое «мы»
Сigaretкой в собственных устах.
Я устал кричать во все концы,
Собирать безликую толпу.
Я устал — так устают жнецы
Убивать собратьев по серпу.
Я устал от города-дыры,
От дорог и от звериных троп;
Я, как волхв, тащу свои дары,
Волчьей мордой падая в суроб.
Я устал от всех ремней и пут,
Что растёрли плечи до костей.
Я устал — так дети устают
Ненавидеть остальных детей.

ВИЗАНТИЯ

Белым-бела моя бумага,
Хитон мой грязен, пуст мой рот.
Я византийский доходяга,
Космополит и патриот.

Рука невидимая рынка
Определяет жизнь мою.
Мой завтрак — бледная сардинка,
Обед — поэзия в раю.

Хожу, голодный и свободный,
Цепями ржавыми звена,
И Константин Багрянородный
Как брата честуует меня.

ПРОЧЁЛ

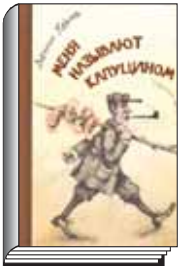
Я прочёл на странице
семьсот двадцать два,
Что из жёлтых костей
прорастает трава,
И не выжечё её сквозняками;
А однажды и люди воспрянут из пут,
И сквозь чёрное небо они прорастут,
Облака раздвигая руками.

Я прочёл на какой-то из главных страниц,
Что мы, люди, прекраснее лилий и птиц,
И чудеснее ангелов Божьих;
Мы спасёмся с тобой от воды и огня,
Только крепче, мой ангел, держись за меня
На подножках и на подножьях...

Я и сам-то держусь ослабевшей рукой
За уют, за уклад, за приклад, за покой,
За насечки по счёту убитых;
Только где-то прочёл я — спасут не стволы,
А престол, пред которым ослы да воны
И повозки волхвов даровитых...

ПЯТИКНИЖИЕ

ПРОЗА

Даниил Хармс.
**Меня называют
капуцином.** — М.:
Колибри, Азбука-Ат-
тикус, 2014. — 304 с.:
ил. — 4000 экз.

Эта книга выстроена по хронологии. Здесь нет стихов и детской прозы, нет наиболее знаменитых хармсовских вещей. Многие записи обрывочны. Тем удивительнее видеть яркий талант даже в набросках, сделанных чуть ли не на салфетках. «Я долго изучал женщин и теперь знаю их на пять с плюсом. Прежде всего женщина любит, чтобы её не замечали». «Я не считаю себя особенно умным человеком, и всё-таки должен сказать, что я умнее всех». «А картёжников я бы казнил. Это самый правильный метод борьбы с азартными играми. Вместо того чтобы играть в карты, лучше бы собрались, да почитали бы друг другу морали». Зачины Хармса изумительны. Некоторые эпизоды — чудо как хороши. Отдельные куски скучны и непонятно зачем написаны. Это всё Хармс. Хармс — это именно так. Гениальность вперемежку с монотонностью, афористическая точность обок с небрежностью, человеколюбие и отчаянная мизантропия — всё рядом, всё искреннее, всё это он.

ПОЭЗИЯ

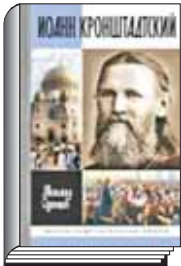

Леонид Завальнюк.
**Слово и цвет.
Сто стихов —
сто картин.** —
Санкт-Петербург:
Алетейя, 2014. —
208 с.: — ил. — Ти-
раж не указан.

В этой книге большого формата собраны стихи и живописные произведения замечательного поэта Леонида Завальнюка (1931–2010). При жизни поэт мечтал о такой книге. Она вышла благодаря помощи города Благовещенска, где 12 декабря откроется посвящённая поэту мемориальная доска. Каждое стихотворение в книге сопровождается живописью поэта. Сто разворотов: яркие стихи и прекрасные сочетания цветов. Самого Завальнюка читатели знали как поэта. Однако его живопись хранится в частных коллекциях России, Италии и других стран мира. Его работы экспонировались в Москве, Париже, Нью-Йорке. А сами стихи Леонида Завальнюка не только остры, мудры, философичны, они ещё и предельно выразительны — в них горят те же цвета, что и на его акварелях: *«Как воспеть эту землю под высокими зорями, С песней белого севера, с небом юга лазоревым, С тем, что в сердце прописано и вовек не стирается? Над седыми Курилами новый день загорается».*

Стихи и живопись Леонида Завальнюка полны любви к России и её людям. Хорошо, что издатели не забывают о таком поэте.

ЖЗЛ

Михаил Одинцов
**Иоанн Кронштадт-
ский.** — М.: Моло-
дая гвардия, 2014. —
349 с.: ил. — 3000
экз.

Более чем полтора столетия назад студент Санкт-Петербургской духовной академии Иван Сергиев подумывал, не стать ли миссионером в Азии. Но увидел, что рядом хватает «своих язычников». И в 1855 году скромный выпускник академии, сын нищего деревенского акадечки Иван Сергиев становится третьим священником Андреевского собора Кронштадта. Началась его огромная, до самой смерти непрестанная работа над собой — и одновременно неутомимый труд по исправлению окружающей духовной и материальной нищеты, труд, который спустя четверть века начнёт приносить плоды. «Возьми себе за правило перед знатыми и сильными людьми, стоящими в церкви или в дому на молитве, сильнее возвышать голос свой, чтобы, если можно, смирить их гордость словами истины и христовского смирения», — пишет молодой отец Иоанн. Исполнять это правило и многие другие, придётся десятилетиями. Но мало-помалу священник, которого сперва считали не в меру ретивым, сельским, юродивым, получит славу всероссийского батюшки.

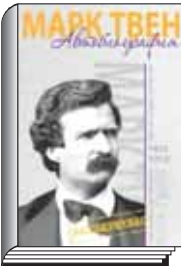
ЛИНГВИСТИКА

Сергей Ениколопов,
Юлия Кузнецова,
Наталья Чудова.
**Агрессия в обывден-
ной жизни.** — М.:
Политическая энци-
клопедия, 2014. —
493 с. — 1000 экз.

Собственно вербальной агрессии (аспект, прежде всего интересный лингвисту) посвящена только вторая часть этой книги. Первая — о психологии и социологии агрессии, её возрастном и социальном распределении. В этой части много статистики, рассматриваются корни и мотивы агрессивного поведения. Однако вербальная агрессия, несомненно, относится к числу особых поводов для изучения, и ей отведена вторая половина книги, начиная с коммуникативного пространства личности и форм речевой агрессии — до неоправданных иноязычных заимствований и насилия над языком. Казалось бы, как связаны малоосмысленные заимствования и агрессия? Дело в том, что и то и другое является следствием неуверенности в себе и так или иначе имеет в основе психотравму. Речь, которую мы не понимаем, картина мира, которую мы заимствуем слепо, эмоциональная отчуждённость — приметы общественного нездоровья, из которого вырастает агрессия.

МЕНЮАРЫ

Марк Твен.
Автобиография. —
М.: АСТ, 2014. —
574 с. — 2000 экз.

Знаменитый Марк Твен долго не мог написать свою автобиографию. Он подступал к ней так и сяк, писал и тасовал куски, но лишь под конец жизни решился объединить их в более-менее цельное повествование. Но и тут придумал условие: автобиографию можно было публиковать лишь по частям, а всё полностью — не ранее, чем через сто лет после его смерти. Эта отметка была пройдена в 2010 году, и вот перед нами впервые полностью изданная автобиография Марка Твена — книга столь же познавательная (знали ли вы, например, что прототипом строгой тёти Полли была нежно любимая мать Эма Клеменса?), сколь и сумбурная. Местами её лирические и юмористические пассажи превосходны — местами же она представляет собой не вполне связанную компиляцию. Твен надиктовывал автобиографию, явно страдая от смерти дочери Сузи, включая в книгу и отрывки из написанной ею «биографии папы», и всевозможные письма, дневниковые записи разных лет. В итоге получилось не столько последовательное жизнеописание, сколько рассуждение о характере времени.

КНИЖНЫЙ РЯД

«Вечность плещется во мне»

Сборником стихов молодой украинской поэтессы Ольги Архангельской издательство «Страга Севера» при участии и попечительстве Сергея Алексеева открывает проект поддержки авторов, пишущих на русском языке.

Стихотворения Ольги Архангельской многоцветны и упруги, как радуга, дерзки и нежны одновременно. И хотя они с точки зрения версификационного мастерства ещё не совсем умелые, многие из них уже вполне зрелые по мысли.

*Я ранима,
как дикий цвет.
Я слаба, ведь я
пишу о боли...*

Почти не замечаешь неловкую инверсию или балльную рифму, потому что есть главное: искренность переживания и своя интонация, интонация острого юного счастья. А это настоящая диловинка в сегодняшнем поэтическом пространстве, пропитанном всевозможными печальями и причитаниями. Обаятельный максимализм, бесстрашие и доверие к миру — вот что подкупает в книге Ольги Архангельской:

*Мне предстоит,
томясь от жажды,
Пройти две тысячи дорог,
Пока одна из них однажды
Не приведёт
на твой порог.*

Ольга Архангельская.
Плыву я во времени...
Стихи. — М.: ООО Изда-
тельство «Страга Севе-
ра», 2014. — 80 с.: 28 ил. —
3000 экз.

Романтические настроения порой спрессовываются до философского осмысления жизни, автор делает попытку ответить на главные вопросы бытия: о смысле жизни, о любви, о вечности. И если не находит окончательных ответов, а поэзия и не должна находить их, то создаёт зримые, осязаемые образы, которым веришь:

*Декабрь.
Вытал первый снег.
Я на морозе с сигаретой.
Сегодня я лишь человек,
И так смешно
и грустно это.*

*Снежинки тают на окне,
Миры далёкие
так близко...
И вечность плещется
во мне,
Такой возвышенной
и низкой.*

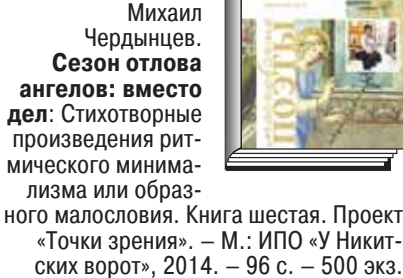
КИРА ТВЕРДЕЕВА

Максимализм минималиста

Существуют такие картинки — стереограммы. На первый взгляд — абстрактная мешанина цветовых пятен, пёстрое полотно, от которого рябит в глазах. Но если приутишь зрение к такому типу визуализации реальности, выработаешь правильное видение — происходит чудесное. Не пользуясь никакими хитрыми устройствами, вместо плоского изображения начинаешь видеть объёмное. Поразительным образом своеобразный вид стереограммы возможен и в поэзии. И блестящее доказательство тому — стихи Михаила Чердынцева. Собственно, как и любые тексты основанного им литературного направления — образное многословие или ритмического минимализма. С чем же доведётся столкнуться читателю, решившему ознакомиться с книгой «Сезон отлова ангелов: вместо дель»? Открываем первую страницу. Первое стихотворение:

*Ангел света, свидетель достойный
окормляет свидания временем
неожиданно нежно,
открывая с тиссами тему
желаний пристойных решений.*

Сложно? Сложно. Дальше какое-то время будет так же. Сквозь первые пять-шесть текстов приходится «продираться». Сознание, приученное к более традиционным формам словесности, изю всех сил старается уловить смысл прочитанного. И не может. Потому как сколько-нибудь прямого высказывания в стихах Чердынцева нет. Длинные, сложно согласованные предложения, деэпричастные обороты, постоянные инверсии и парадоксальные метафоры только усложняют задачу. И в какой-то момент перестаёшь пытаться угадать, о чём же пишет автор. Вот! Поворотная, по-настоящему важная точка. Мож-

Михаил Чердынцев.
**Сезон отлова
ангелов: вместо
дель:** Стихотворные
произведения рит-
мического минимали-
зма или образ-
ного малословия. Книга шестая. Проект
«Точки зрения». — М.: ИПО «У Никит-
ских ворот», 2014. — 96 с. — 500 экз.

но сказать, вхождение в транс. Ни в коем случае сейчас нельзя откладывать книгу. Нужное состояние почти достигнуто. Отчаявшись понять мысль автора, читаешь уже по инерции. И тексты «собираются», в голове непроизвольно начинают возникать образы, по яркости и фактурности сопоставимые с твоими собственными воспоминаниями. Минимализм при ближайшем рассмотрении оказывается на редкость сложным явлением. Что ж — начнём копать.

Первое, что приходит в голову, — стихи Чердынцева построены по принципу мантры. Единый, хотя и трудно отлавливаемый, ритм, повторение почти идентичных фраз, непонятность (если не ставить задачей «врубиться» в процессе непрерывного чтения) многих словесных оборотов. Простота восприятия — полностью исключена. Мастер сделал всё, чтобы его произведения не дошли до сознания. На что же он рассчитывает? Правильно — на подсознание. Проверим гипотезу. Если работа идёт на глубинном уровне, текст должен содержать множество слов-архетипов. И действительно: стихи перенасыщены такими понятиями, как «река», «огонь», «ветер», «дом», «имя». Порой они — и интуитивно связанные с ними понятия — рефреном идут от строчки к строчке. Возьмём стихотворение «Зелёный реверс мира»:

*Когда мы близко
Пустых скамеек в лодке
не осталось.
Чтобы унять волнения
и усталость —
когда возникла очередь
к реке...*

Какова же функция архетипов? Задействовать ту часть личности, о которой мы зачастую даже не подозреваем. Войдя в околотрансовое состояние, читатель становится как бы музыкальным инструментом, этаким пианино, на клавишах-архетипах которого играет виртуоз-автор. И разумеется, картина, возникающая у нас в голове, сильно отличается от той, которая была бы, разбери мы скрупулёзно и сознательно отдельный текст. Вот оно — чудо превращения плоского в объёмное, мысли — в ощущение. Не олодочной прогулке начинаешь думать, а о жизни и смерти.

Что же дают подобные эксперименты? В первую очередь позволяют нащупать границы возможного языка. Михаил Чердынцев ещё в 70-е, задолго до того, как в нашей стране стало известно понятие нейролингвистического программирования (НЛП), основал поэтическое направление, по факту активно использовавшее основные принципы работы с подсознанием человека. Разумеется, корни метода уходят в гораздо более глубокое прошлое — к Хлебникову и Обриутам. И всё-таки нельзя не восхититься тем, насколько законченную форму за годы использования приобрела манера Чердынцева. Постулировал художественный принцип, минималист, пожалуй, с удивительным максимализмом придал своему детищу законченность и своеобразное совершенство. Что ж, «...у всего произшедшего // есть имя и отчество // и даже фамилия, кстати...»

ИВАН СМЕРНОВ

«Прекрасное в обывденном»

«Неразделённая любовь» — небольшой сборник рассказов о жизни простых людей. Это рассказы о жизни, о любви к прекрасному: ко всему, что нас окружает. Каждая история занимает всего несколько страниц, но представляет собой целый мир. Истории из повседневной жизни русских людей автор превращает в поучительные рассказы. Герои Валерия Хлыстова — мечтатели с русской душой. Они полны доброты и мудрости. Из обыкновенных сотрудников милиции, рыбаков, грузчиков, шофёров Хлыстов делает людей эмоциональных, способных к творчеству. Он прививает им любовь к музыке и природе, он превращает их в поэтов. Его герои учатся на своих ошибках, переживают, сбиваются с пути, но в итоге — обретают себя.

Свою увлекательную книгу автор посвящает друзьям и близким. Именно поэтому тема дружбы в его рассказах занимает особое место — это очень светлая, проверенная годами привязанность героев. Наверняка образы Валерия Хлыстова — это отражения людей, таких или иначе повлиявших на его жизнь. Его герои почти все немногие герои. Так, в рассказе «Победа»

Валерий Хлыстов.
**Неразделённая
любовь.** — Рязань:
Зёрна — Слово, 2013. —
182 с. — 1000 экз.

подполковник Василий Коробков своей верой в прекрасное спасает от пьянства поэта Сергея Медведева. «Судьбы у нас, конечно, разные, да вот только пересеклись наши судьбы не случайно. Ты в меня надежду вселил. Жизнь смыслом наполнил, то есть судьбу мою изменил. Значит, и я в твоей судьбе тоже не проста», — говорил подполковник.

«Неразделённая любовь» читается на одном дыхании, она написана лёгким и доступным разговорным языком. В книге нет отрицательных героев, даже самый отчуждённый образ вселяет в читателя надежду, характеры, мастерски созданные автором, вызывают исключительно добрые ассоциации.

ОЛЬГА БОЙКОВА

ОБЪЕКТИВ

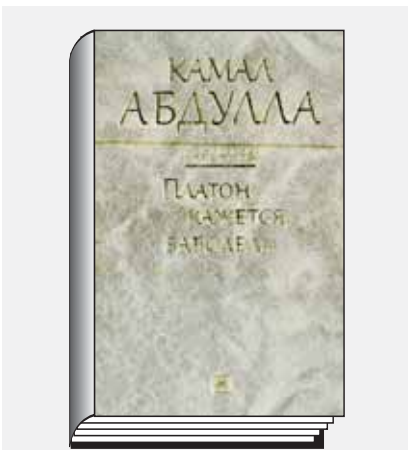
Сон длинной в книгу

Бывают сны, после которых полдня стараешься понять, проснулся ты или нет. Яркие, объёмные, но уже через день начисто забывающиеся. Через день будет через день. Но пока ты тишишься отличить реальность от сновидения, и в голову лезут всяческие странные мысли. Я отражаюсь в зеркале — или сам являюсь отражением? Стокан сначала упал, а потом разбился — или наоборот? Существуют ли вещи, когда на них не смотришь? Есть ли смерть — и есть ли жизнь? И хочется описать всё это, поделиться с миром. Но в итоге не доходят руки. Впрочем, иногда в эти самые руки попадают книги, авторам которых всё-таки удалось вылить на страницы пограничное меж сном и явью состояние. Сегодня — именно такое «иногда». Камал Абдулла, сборник «Платон, кажется, заболел...». Рассказы, вошедшие в книгу, относятся к четырём разным циклам, каждый из которых отвечает на отдельный метафизический вопрос. Даже нет, не так. Каждый из них даёт читателю отправную точку для размышлений на тему, заданную автором.

Цикл «Выбор Париса» предлагает поразмыслить о том, насколько незбылем видимый мир. Ну, и о параллельных реальностях тоже соответственно. В рассказе «Двойники»

герой, Камал, встречает самого себя — но со сложившейся совершенно иначе судьбой. «Выбор Париса» — блестящая попытка построить альтернативную версию истории с тремя богинями и яблоком раздора. «Харон, милосердный Харон» — поэтичная история о том, как душа после смерти сохраняет свои воспоминания. Особенность рассказов из «Выбора Париса» — отношение героев к происходящему. Их сознание как бы раздваивается, странные и чудесные вещи поначалу воспринимаются как некоторая ошибка, сбой программы, вышибающий из привычного состояния. Но потом неувольно (самое интересное, по тексту не определишь, в какой момент это происходит) выстраивается новая система координат, в которой происходящее уже становится нормой. И вот вместе с героями погружаешься в реальность, созданную Абдуллой, — и ждёшь, когда из соседней комнаты выйдет, скажем, кентавр.

В цикле «Лабиринт» затронуты вопросы жизни и смерти. Точнее, их отсутствия. Да-да, оказывается, нет ни того, ни другого. Только некое состояние, разные фазы которого воспринимаются так или иначе. В рассказе «Окно» переход из бытия в небытие показан через встраивание в городские реалии нетипичных объектов и персонажей.

Камал Абдулла.
Платон, кажется, заболел...
Рассказы. — М.: Художествен-
ная литература, 2014. — 320 с. —
1000 экз.

Герой идёт по улицам Баку — и видит смешавшихся с толпой обывателей ангелов, гурий, античных богов. Оживают памятники. На месте Каспийского моря появляется Сахара, а вместо кинотеатра вырастает Эйфелева башня. «Лабиринт» составлен из историй, в которых супруги стараются договориться о том, как им встретиться в следующем по-

смертном воплощении. Договариваются-договариваются, в итоге и впрямь встречаются, — и расходятся, каждый своей дорогой. А в «Камерном театре» показан человек, запутавшийся во сне. Причём сон этот — наша с вами объективная реальность.

Цикл «Грамматика наших ошибок» — осмысление того, как связаны пути Ученика и Учителя. «Смерти Корнелиуса» — история-перевёртыш, в которой ученик сливается с именем учителя практически полностью, — и это даёт ему возможность решить неразрешимую, в общем-то, задачу. Впрочем, кто является кем — тоже вопрос. Гаджи Мир Гасан Сайях и Корнелиус, возможно, — один и тот же человек. Рассказ, давший название книге, — «Платон, кажется, заболел...» даёт понять, что Учитель и Ученик — не просто обозначения статуса того или иного лица. Они могут быть далеко друг от друга, они могут быть вообще не знакомыми, связь между ними — космическая. Подростку Самхари достаточно просто посмотреть, что чертит на песке поэт Самхари — и вот уже полузасохший арык превращается в полноводную реку. Самхари в страхе восклицает: «Эту страшную реку, убей меня, я не переплыл бы даже на судне». Правильно, не переплыл

бы — потому что, оказавшись с Учителем на одной стороне, на другую уже никогда не попадёшь.

События цикла «Происшествия маленького двора», казалось бы, наиболее близки к тому, как воспринимается мир обычным человеком. Элементы чудесности спрятаны за маской легенды, а то и вовсе отсутствуют. Но именно рассказы, в которых нет ничего формально-сказочного, заставляют глубже всего задуматься над природой вещей. Случайная встреча с женщиной через много лет в рассказе «Однажды летним вечером», в «Лунном свете» — история тёти, обманом отговорившей племянника от второй женитьбы (и мучившейся виной всю оставшуюся жизнь), терзания взрослого человека парня, который не может сдержать данного друзьям слова в «Курочке Рябе». На первый взгляд незамысловатые темы идеально ложатся на сознание, подготовленное прочими рассказами книги. И начинаешь задумываться — уже совсем серьёзно — так ли устроен мир, как нам кажется. Всему ли есть объективные причины или то, что доступно восприятию и осмыслению — только бледные тени, колышущиеся на стенах платоновской пещеры.

Проза Абдуллы обладает, казалось бы, парадоксальным свой-

ством. Она объединяет в себе предельную сложность и предельную простоту. Сложность — в том, как автор выходит за рамки реальности, ставит своих героев в иррациональные, сказочные — ситуации. Простота — в бытовых деталях, обывденной жизни, в которую-то и вплетается элемент волшебства. Борхес? Да, но лишь отчасти. Корни Абдуллы уходят глубже. Вспомните — у Георгия Иванова: «Есть воспоминания, как сны. Есть сны — как воспоминания. И когда думаешь о бывшем «так недавно и так бесконечно давно», иногда не знаешь, — где воспоминания, где сны». Или «Заблудившийся трамвай» Гумилёва. Или даже сказки «Тысячи и одной ночи». Особенность художественной манеры автора — в глубоком проникновении в историческое наследие своей страны. В рассказах воскресают времена, когда путнику на дороге впопыхах могла попасться бутылка с длинным, а поэт мог броситься в воду, стараясь поймать отражение луны. Абдулла говорит нам, что рациональный взгляд на вещи — только один из возможных. И, наоборот, далеко не самый лучший. «Можно ли не верить тому, кто принёс эту весть?! Восточку прочитали птицы».

ИВАН КУПРЕЯНОВ

Как Гоголь ГИТИС с Ипполитовкой «поженил»

Мировая премьера силами студентов

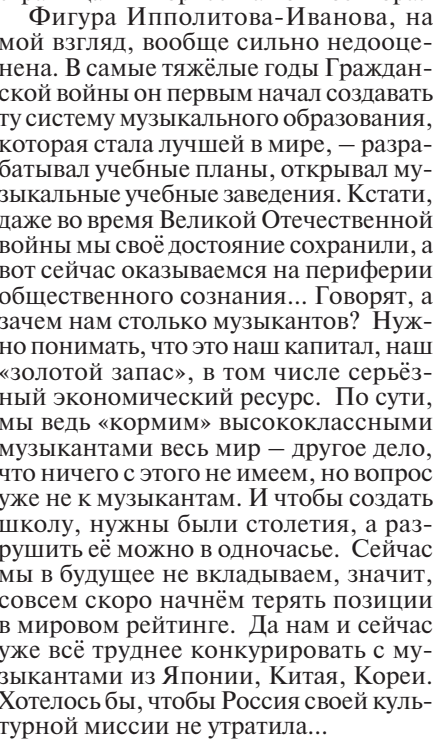
стемы музыкального образования, крупнейшего русского композитора, дирижёра, этнографа, педагога, общественного деятеля, первого выборного ректора Московской консерватории.

Несколько лет назад известнейшая немецкая группа

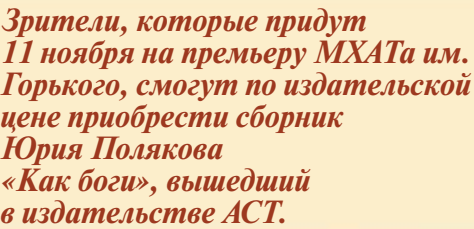

**ЛЕОНИД
КОЛПАКОВ**

С 11 по 14 ноября в 14.05 в эфире - экранизация одного из самых популярных романов Полякова – «Козлёнок в молоке» с участием Юрия Васильева, Александра Семчева, Алёны Яковлевой, Татьяны Абрамовой, Юрия Смирнова, Андрея Ильина, Натальи Хорохориной. Режиссёры: Кирилл Мозгалеvич, Владимир Нахабцев-мл., Георгий Гаврилов. 2005 год.

Беседу вела
ПОЛИНА ХАРИТОНОВА

КАЛЕНДАРЬ

Некруглые даты ноября

177 лет назад, 11 ноября 1837 года, в России была открыта первая пассажирская железная дорога — Петербург—Царское Село. Как описал Нестор Кукольник:

*Дым столбом — кипит, дымится пароход...
Пестрота, разгул, волнение,
Ожиданье, нетерпенье...
Веселится и ликует весь народ!
И быстрее, шибче воли
Поезд мчится в чисто поле.*

Средства для выполнения работ — три миллиона рублей — были собраны по подписке в течение шести месяцев. К весне 1836 года всё было подготовлено для начала работ. Насыпь начали возводить в мае 1836 года.

Всю трассу, за исключением местности, прилегающей к Петербургу, распределили на участки, отданные подрядчикам и артелям в 30–40 человек. Техническое руководство строительством осуществляли 17 инженеров, пятеро из которых уже выполняли подобные работы на железных дорогах Англии. Стройку охраняли 30 смотрителей и столько же солдат и сторожей.

69 лет назад, 20 ноября 1945 года, начался Нюрнбергский процесс — суд над военными преступниками Третьего рейха.

Это был первый в истории международный суд, признавший агрессию тяжчайшим уголовным преступлением. Он продолжался до 1 октября 1946 года. Обвиняемым было предъявлено обвинение в совершении тяжчайших военных преступлений и в составлении и осуществлении заговора против мира и человечности — убийство военнопленных и гражданского населения, жестокое обращение с ними, разграбление собственности, установление системы рабского труда.

239 лет назад, 18 ноября 1775 года, был издан Манифест о новом областном делении России — империя разделилась на 50 губерний.

У существовавшего с Петра I областного управления было несколько крупных недостатков: губернии представляли слишком обширные административные округа, где не хватало госучреждений. Дополнительным толчком явилась необходимость укрепления центральной власти на местах после Пугачёвского восстания. По решению Екатерины II вместо губерний, уездов и провинций вводилось деление страны на губернии (300–400 тысяч человек) и уезды (20–30 тысяч человек). В основе этого деления лежал принцип численности податного населения.

ОТКРЫТЫЙ ДОСТУП

Жизнь и смерть «бессмертного»

Пожалуй, никто из персонажей, вошедших в историю последней четверти XVIII века, не был в Европе так популярен, как граф Калиостро. Масон, пророк и вызыватель духов, этот сицилиец, чьё настоящее имя Джузеппе Балзано, обладал поистине неистощимой изобретательностью и незаурядными гипнотическими способностями, позволившими ему заморочить голову едва ли не всей просвещённой Европе. Пышный

шлейф слухов, сопровождавший каждый шаг Калиостро, уже при жизни превратил его в личность загадочную, ставшую неистощимым источником вдохновения для прозаиков, поэтов, мистиков и оккультистов.

Но, уверовав в свою звезду, Калиостро не заметил, как стал разменной монетой в политических играх сильных мира сего, напуганных французской революцией. В книге Балзано-Калиостро представлен челове-

ком своего времени, не только талантливо эксплуатировавшим извечные человеческие страсти, но и сумевшим уловить духовные искания своих современников.

У нас в стране хорошо известна повесть Алексея Толстого о знаменитом мистификаторе и авантюристе. В России, куда он забрался, поначалу ему сопутствовал успех. Калиостро благоволил Потёмкин, его принимали в высшем свете. Но всё-таки российское общество в целом

Ольга Володарская. **Калиостро. Великий маг или великий грешник.** — М.: Вече, 2014. — 256 с. — (Человек-загадка). — 10 000 экз.

оказалось гораздо более скептическим, чем пылкие французы или романтические курляндцы. Покровительство Потёмкина в конце концов вышло графу боком. Матушка Екатерина быстро смекнула, что её фаворит увлечён вовсе не тайными науками, а прелестью госпожи Калиостро. Будучи женщиной решительной,

она тут же поставила светлейшего князя на место, а Калиостро повелела «елико возможно поспешно» покинуть дом на Дворцовой набережной да и вообще пределы Российской империи. И вдобавок императрица сочинила о нём комедию под названием «Обманщик», где вывела его под именем шарлатана Калифлакжерстона. Вышший свет над комедией очень смеялся, а о графе Калиостро и его снадобях особенно не жалел. Так бес-

славно закончились похождения Калиостро в России.

В Италии он был арестован по обвинению во франкмасонстве и приговорён к публичной смерти, то есть к публичному сожжению. Но в последний момент папа римский заменил смертную казнь пожизненным заключением. «7 апреля 1791 г. в церкви Санта-Мария на площади Минервы состоялся торжественный ритуал покаяния. Калиостро, босой, в простой рубаше, стоял на коленях со свечой в руках и молил Бога о прощении, а в это время на площади перед церковью палач сжигал все магические книги Калиостро и весь его

волшебный инвентарь...»

Затем Калиостро был препровождён в замок Сан-Лео. Замок построен на вершине огромной скалы, почти отвесной с обеих сторон. Преступника здесь доставляли в камеру в специальном ящике, в котором тюремщик при помощи верёвок и блоков поднимал его со скоростью ветра.

Калиостро провёл четыре года в тесном сыром каменном мешке, там же «бессмертный» граф скончался... Смерть его окружена множеством слухов. Никто не знает, где именно он похоронен.

Татьяна ГАЛЕГО

НЕИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ

Когда гонор губит страну

В современной Польше утвердился миф о трёх разделах Речи Посполитой, о трёх алчных державах, которые раздирали на части великое государство... Но судьба Польши в XVIII веке — это не квартирный взлом с убийством, а суицид на социальной почве.

Опьянение демократическими идеями, отказ от централизованной власти — и, как результат, несколько гражданских войн, ослабление некогда могущественной страны и гибель независимого королевства Польского 220 лет назад — в 1794 году.

Шляхетское гражданское общество к 1794 году истощило Польшу. Проводить самостоятельную политику страна не могла: много лет Польша металась от Франции к России, от России к Пруссии. Король Станислав-Август всем был обязан Екатерине — сердечной подружке юности.

Речь Посполитую раздирали на части задолго до вторжения русских войск. В неразберихе конкуренции политических группировок страна потеряла единство управления. Этот самоубийственный утар шляхты продолжался несколько десятилетий, а французская революция дала польским бунтарям новый сильный импульс.

Революция вызревала в тайне, а наружу прорвалась, когда генерал Игельстрём, командовавший войсками Российской империи, пребывавшими в Польше, начал роспуск польских войск. Игельстрём не хватало дипломатических дарований, но польское свободолобие и без внешних раздражителей рвалось из тесни государственного кризиса. Генерал Антоний Мадалинский не подчинился, выступил из Пултуска со своими кавалеристами. К нему присоединялись другие отряды. Мятежный корпус напал на русский полк, затем — на прусский эскадрон, разбил их и с триумфом отошёл к Кракову. Тут же в Польшу, в Краков, явился Тадеуш Костюшко, признанный вождь республиканского движения. На рыночной площади Кракова он произнёс свою клятву и был избран главным начальником, диктатором восстания. Это эффектное событие навсегда останется культовым в истории Польши. Военный инженер по образованию и революционер по призванию, он уже воевал против русских в рядах барских конфедератов, после чего сражался за океаном, в армии Джорджа Вашингтона, от которого получил генеральское звание. В 94-м, на волне революции, он примет звание генералиссимуса — за пять лет до Суворова!

Не в первый раз назревала слаженная международная кампания против России: кроме Польши, удар могли нанести турки и шведы. Очередная война с турками месяц за месяцем назревала. Надо думать, решительность Костюшко была подкреплена этими обстоятельствами (как и французским золотом).

Станислав-Август пытался сотрудничать с Костюшко, не искал антиреволюционных тайных связей с русскими и пруссаками. Тем временем в Варшаве говорили о традициях французской революции, действовали якобинские клубы, с кафедр возносились хвала Робеспьеру. Король в такой ситуации не мог чувствовать себя комфортно. «Смерть королям!» — якобинский символ веры ни для кого не был секретом.

Но Костюшко не стал разжигать антимонархический костёр; борясь с иноземцами, он искал компромисса в отношениях с королём-поляком. Революционный Верховный совет отдавал Станиславу-Августу знаки почтения. В то же время Костюшко заключил короля в своеобразную блокаду, контролируя его переписку и передвижения. Когда Станислав-Август посетил строительство пражских укреплений на подступах к Варшаве, горожане оказали ему весьма холодный приём. Кто-то даже бросил дерзкую фразу: «Лучше уйдите отсюда, ваше величество, всё, за что вы берётесь, заканчивается неудачей». Борясь против польской армии, против инсургентов, русские генералы, а в первую голову — Суворов, к королю относились с подчёркнутым уважением.

Инсургенты решили атаковать русских воинов в великую субботу, что стало неожиданностью для Игельстрёма. Это был трагический день для русской армии, величайшее потрясение екатерининской России. Четыре тысячи солдат и офицеров убито, остальные с потерями отступили из Варшавы к Ловичу. Прискорбные подробности того дня возмutilи русское общество: говорили, что солдат одного из батальонов Киевского пехотного полка перерезали в православном храме во время службы. Король попытался сгладить ситуацию, предлагая выпустить русских из города, но в тот день его не слушала даже собственная гвардия. 6 апреля 1794 года осталось в истории как варшавская Варфоломеевская ночь.

Побоище русского гарнизона случилось и в Вильне. Гарнизон генерала Исленьева был перебит и пленён: многих поляки застали врасплох во сне. Части гарнизона удалось выбраться из города: эти войска добрались до Гродно, на соединение с отрядом генерала Цицианова. Этому неунывающему, решительному и изобретательному воину удалось предотвратить аналогичный погром в Гродно: Цицианов пригрозил при первой попытке восстания ударить по городу артиллерией. Угроза возымела действие. Неслучайно Суворов порой ставил в пример офицерам храбрость Цицианова. Но гродненский эпизод был редким успехом русских в первые месяцы восстания...

Успехи Костюшко продолжались вплоть до августа, когда в поход двинулся Суворов. Поразительно быстро он разбивает основные силы Сераковского при Крупичах и у Бреста. Открыт путь на Варшаву! По пути к польской столице, у Кобылок, авангард разбивает пятидесятный польский отряд:

Ян Матейко. «Битва под Рацлавицами»

«Неприятель весь погиб и взят в полон» — говорилось в рапорте.

Основные укрепления ждали Суворова в Праге. Это еврейское предместье польской столицы превратилось в крепость. Считалось, что в осеннюю распутицу Суворов не рискнёт на штурм...

Как бы не так! «В дома не забегать. Неприятеля, просящего пощады, щадить, безоружных не убивать, с бабами не воевать; малолеток не трогать. Кого из нас убьют — Царство Небесное; живым — Слава, Слава, Слава», — с таким приказом войска готовились к штурму. Первыми пошли колонны генералов Лассия и Лобанова-Ростовского, они преодолевали волчьи ямы, забрасывая их плетнями, прошли ров и бросились на вал, наткнувшись на войска сторонника отчаянной обороны генерала Ясинского. В бою польский генерал был смертельно ранен, перебили и большую часть его солдат.

Разрушение Варшавы не входило в планы Суворова. Он рассчитывал штурмом взять Прагу и уничтожить войско противника. Беззащитная Варшава сама должна была слатся на милость победителя. А неизбежные новые жертвы среди обывателей, новые взаимные счёты поляков и русских — всего этого Суворов намеревался избежать.

Ворвавшись в Прагу, сломив первоначальное сопротивление поляков, русские войска принялись добивать противника — тех, кто не сдавался. В кровавой суматохе поляки перебирались через Вислу. До поры до времени — по мосту, потом — и вплавь. Солдаты преследовали их ожесточённо, многие защитники Праги погибли в водах. Висла в районе Праги кишела мёртвыми телами. Это избитие поляков в занятой Праге очень быстро стало легендарным, его пересказывали с впечатляющими добавлениями: у страха глаза велики, а у ужаса — ещё больше. Если бы Суворов не приказал сжечь мост через Вислу — побоище переместилось бы на людные улицы Варшавы. Граф Рымникский спас польскую столицу!

Итоги пражского сражения впечатляли: 104 пушки, три пленных генерала (Мейн, Геслер, Крупинский), 500 пленных офицеров. Генералы Ясинский, Корсак, Квашневский и Грабовский погибли в бою. Добыча у солдат была не та, что в Измаиле. Захватили немало лошадей, которых потом пришлось сбывать за бесенок тем же пражским жителям.

24 октября Суворов пишет Румянцеву одно из самых известных своих кратких и выразительных донесений: «Сиятельнойший граф, ура! Прага наша».

В Варшаву по приказу Суворова армия входила с незаряженными ружьями в восемь часов утра 29 октября. Было приказано даже не отвечать на возможные провокационные выстрелы из домов. Русские колонны входили в польскую столицу под громкую музыку, с развёрнутыми знамёнами. В хвосте первой колонны ехал Суворов. Представители городского магистрата вручили ему ключи от города и хлеб-соль. Суворов поцеловал ключи, возблагодарил Бога, что в Варшаве не пришлось проливать кровь и передавал ключи Исленьеву, своему дежурному генералу. Он целовался с панами из магистрата, многим пожимал руки, был взволнован и радущан.

Вот так и уничтожаются государства — после стремительных походов, кровопролитных сражений, после муторных переговоров и жарких рукопожатий с поцелуями. Суворов видел, что Пруссия и Австрия готовы воспользоваться победами русских, раздирая Польшу, и был сторонником воссоздания польской монархии — суверенной, но политической зависимой от России. В Петербурге его политические ходы вызывали раздражение. А Суворов с радостью доносил Румянцеву об отношении поляков к русским: «Всё предано забвению. В беседах обращаемся как друзья и братья. Немцев не любят. Нас обожают».

Державин напишет о Суворове: «Шагну — и царство покорил». Да, за сластью и за распри бьём: работа у нас такая.

Рассуждая о моральном состоянии суворовских войск (а эта проблема относилась к Праге и Варшаве поднималась на шит оппонентами России аж с 1794 года!), Денис Давыдов писал: «Во время штурма Праги остервенение наших войск, пылавших мстостью за изменническое побиение поляками товарищей, достигло крайних пределов. Суворов, вступая в Варшаву, взял с собою лишь те полки, которые не занимали этой столицы с Игельстрёмом в эпоху вероломного побоища русских. Полки, наиболее тогда потерпевшие, были оставлены в Праге, дабы не дать им случая удовлетворить своё мщение. Этот поступок, о котором многие не знают, достаточно говорит в пользу человеколюбия Суворова». Это правда, пражское кровопролитие произошло на Суворова такое впечатление, что солдат не желал повторения жестокого избития поляков. По многим свидетельствам, Суворов не раз высказывал удовлетворение бескровным занятием Варшавы и даже со слезами на глазах указывал на руины Праги, не желая повторения подобного.

Сохранилось свидетельство: когда король попросил Суворова отпустить из плена знакомого офицера, русский генерал ответил в своей манере: «Если угодно, я освобожу вам их сотню... двести... триста... четыреста... так и быть — пятьсот...» Он отпускал даже тех, кто яростно сражался с русскими: после подписания реверса — обещания не поднимать оружия против России. Почти все они нарушат клятву — начиная с будущего наполеоновского генерала Домбровского.

Отношение Суворова к пленным после пражского штурма резко контрастирует с аналогичными прецедентами того времени. Известно, что после кровопролитного штурма Яффы в 1799 году генерал Бонапарт приказал расстрелять сдавшихся в плен янычар — их было около трёх тысяч. В те же годы англичане в Индии действовали ещё мститель-

Евгений ТРОСТИН

ТЕЛЕСЕРИАЛ

Реабилитация старца Г.

Н е успели мы прийти в себя от Григория Распутина в исполнении Жерара Депардьё, где российская история на глазах зрителей превращалась в дешёвое фэнтези — с исцелениями, бородастым магом, распахивающим глаза на дне Невы, и чёрными бесовскими тенями, пляшущими вокруг священного трона, как Владимир Машков, перескочив из фильма по французскому сценарию, где он играл не безвольного, а brutalного царя Николая, явился в мрамеладно-демоническом образе самого старца Григория.

Бывают же удивительно «злободневные» фильмы! Только что отметили 100-летие Первой мировой войны, почтили память её героев, президент даже посетовал на «упущенную победу». А оказывается, войны-то и вообще могло не быть, если бы царь Николай во всём слушался... Распутина. Только такой вывод и напрашивается после просмотра восьмисерийного телевизионного фильма «Григорий Р.» на Первом канале.

Распутин стал положительным героем, целителем и благодетелем вся Руси! Потрясающее явление: почти сошлись позиции националистической газеты «Русский вестник» и западника К. Эрнста, создателей фильма и сайта «Русский монархист»: «Царственные мученики Николай II и Александра Фёдоровна всегда почитали Григория Распутина за праведника. Ещё при жизни старца Григория, царица Александра Фёдоровна и её дети, царевны и царевич, вместе с нательным крестиком носили его образ, написанный на медальончиках. А когда Распутин был убит, царь Николай II, как великую святыню надел на себя нательный крестик, снятый с убиенного мученика Григория... Увы, на Архиерейском соборе 2000 года канониза-

ции Распутина не произошло».

Через 14 лет за дело взялся Первый канал, и самодельные иконы старца, наконец, заморочили. Как, впрочем, и полоса газеты «Московский комсомолец»: «По Климову (режиссёру «Агонии». — А.Б.), Распутин — не прямой виновник, то уж точно один из главных символов падения Российской империи. Порочный, алчный, ненасытный — настоящий демон во плоти. Двадцать с лишним лет спустя Андрей Малюков, опираясь на недавно рассекреченные документы с деталями расследования убийства Распутина, показывает обратную сторону легендарной истории. У Малюкова «Григорий Р.» в исполнении Владимира Машкова — наоборот, чуть ли не последний праведник, который мог бы спасти Россию. Мог бы, но не спас». А почему не спас — не захотел, не тудя силы трагил (Машков крилит: «Этим вот руками голову сверну тому, кто государыню обидит!») или проклятый революционный народ не дал?

Режиссёр в интервью открывает сегодняшней не образованной толпе глаза:

— Когда же начинаешь перебирать, как бусинки, все факты, выясняется, что ничего из придуманного о «великом старце» и в помине не было. Наоборот, выясняется, что это был человек, искренне болевший за Российскую империю, за царя, за царяицу, категорически выступавший против войны. Это был человек с большим знаком «плюс».

Кто ж придумал? — да самые разные люди! Буквально заденью начала знаменитого прорыва австро-венгерских позиций, 21 мая, генерала Брусилова вызвал к прямому проводу начальник штаба Ставки Алексеев. Он «передал мне, что Верховный главнокомандующий желал бы отложить атаку, чтобы собрался

кулак и ударил в одном месте, — вспоминал Брусилов. — На это я ему ответил, что каждый имеет свою методу, а я залудмал ударить по всему фронту и менять этого не могу и не хочу. Если недовольны мною, то надо сменить, а не требовать перемены действий». Алексей Алексеевич не ведал, что сие странное пожелание у царя возникло сразу после того, как его в могилёвской Ставке посетила царица, а 4 июня, когда обозначился крупный успех Брусилова, Александра Фёдоровна передала мужу новую порцию «веших слов» Распутина-Новых, из которых следовало, что Северный фронт надо с наступлением придержать. Прорыв выдыхался от бездействия соседних фронтов, но 25 июля — очередное откровение «святого»: «Не следует так упорно наступать». Усилия германофильской придворной партии возымели действие, и Николай II отдал командующему Юго-Западным фронтом прямой приказ о приостановке наступления... Вы можете себе представить, чтобы Жуков по приказу Сталина наступал на Берлин, а какой-то «друг» («Он наш единственный друг!» — произносит И. Дапкунайте, прекрасно сыгравшая несимпатичную Александру) отговаривал их от разгрома врага. А ведь подобное было, но в кино не вошло — зачем разрушать букволический образ?

Прославленный генерал и многие другие — против Распутина. В начале фильма он в кривизне и пьянстве захлебывается: конокрадство, убийства, драки, раны, а потом — кровь заговаривает, останавливает. А кто ж кровопокусание России устроил? Конечно, только не святой целитель, провидец, пацифист, бесребренник и благодетель, которого истово играет Машков. Фрейлина Вырубова спрашивает его, взяв ладонями за виски: «Что ты делаешь, когда вот так голову держишь?» — «Люблю». Сильно! Вся картинка озарена распутинской «любовью», покоряет зрителя красотой. Костюмы пошиты прекрасные, съёмки изышные, даже послереволюционный Петроград — в романтической дымке, матросский патруль — во всём новеньком, столничные дамы с детишками на набережной нарядны и беспечны. Что портит всё? — знание о реальной истории про окайянные дни, которые ждут всех героев впереди.

АЛЕКСАНДР БОБРОВ

ЛИТЕРАТУРА В ЯЩИКЕ

Про что «ПРОчение»?

Если в названии чего бы то ни было смешана кириллица с латиницей — это уже серьёзный повод напрячься. Потому что всякий человек, имеющий вкус, болезненно реагирующий на пошлость, твёрдо знает: водка с портвейном не сочетается.

Н ичему не удивляйся. Что бы ни показывали по телевизору. Де-лай вид, что и не такое видал. Не разговаривай с электроприбором. Не раздражай своим раздражением близких.

На Первом канале внук актрисы из «Белорусского вокзала» смачно интервьюирует американскую «порнозвезду». Молчи, не закатывая драматично глаза. Переключи с канала со значительным финансовым участием государства на другой — totallyно государственный.

Девушка модельной внешности бодро говорит, улыбаясь в камеру: «...Читательницы волнуются, не исчерпал ли автор своей фантазии? Конечно, не исчерпал! Эротические эксперименты героев продолжают удивлять аудиторию не только числом, но и умением. Как результат — 15 000 проданных экземпляров!»

Это программа «ПРОчение» на «России 24». Через пару недель, месяцев или даже лет, вдруг попав на очередной выпуск той же передачи, не удивляйтесь. Там будут рекламировать всё того же автора: «Откровенно провокационные сексуальные фантазии для тех, кто любит побольнее и погорчее. Как всегда, в списке бестселлеров — не то любовное пиршество, не то утешение проголодавшимся...»

Ну а что подлаеашь, если эта книжка всё время в топе? Приходится демонстрировать изобретательность, придумывая каждый раз новую подводу к одной и той же порнушке. У людей такая работа, так что отметим их творческий подход к делу.

Программа «ПРОчение» раскрывает тему «книжной индустрии». Где-то в бизнес-планах, предварительных обоснованиях значимости проекта наверхука заявлялось нечто о популяризации Книги. И в каком-то смысле так оно и есть — передача рекламирует бестселлеры. Это ведь очень важно придать новый импульс читательского интереса к произведениям Донцовой, Марининой, Роулинг (или Роуминг?). Государственному каналу нужно обязательно привлечь внимание аудитории к таким государствообразующим явлениям, как Дэн Браун, Акунин или Пелевин...

Когда у ведущей на «России 24» иссякает вдохновение, необходимое для рекламы порнографической книжки, она может сказать что-нибудь адекватное, характеризую, к примеру, Франкфуртскую книжную ярмарку: «За пять дней проведено более тысячи мероприятий и акций...» Это, так сказать, в качестве аналитики. А чтоб разбавить некото-

рую суховатость слога, режиссёры дадут короткий синхрон из Германии, где литературный аферист Козлюк выскажется о «комиксах для сексуальных фетишистов».

Нет, ну а как ещё, скажите, популяризовать Книгу?... Хорошо, пускай ещё Прилепин с Глуховским скажут пару слов, впечатлённые собственным присутствием на главном книжном форуме сезона... Но только пару слов — не более. У нас хронометраж восемнадцать минут. А ведущей ещё надо пройти от бедра вдоль стеллажей крупного книжного магазина с евроремонтом...

О, литература! Что же ты, скажи на милость, такое есть? Хотите узнать — обратитесь в «ПРОчение». Литература — это лайф-стайл магазины, это тренды, это билборды, это бизнес-модели, это пиар-стратегии и

даже бук-трейлеры... В какой-то момент кажется, что ведущая пошла на авантюру и, эх-ма, таки перешла на органичный английский... Нет, показалося. «В день всех влюблённых» появится роман Сесилии Ахерн «Как влюбиться без памяти», — возвращается она к нашему родному бытию — Дню святого Валентина. Ахерн, Ахерн (неужели действительно «Ахерн»?) — продолжает звенеть в ушах ещё какое-то время, когда уже и передача закончилась, и новая идёт — «Индустрия кино» называется...

А потому что, понимаете, либо так, либо, если вам не близок продвинутый взгляд на вещи, останется единственная альтернатива — «социалистическая индустрия». Со всеми её агитационными натянками: «За пять дней проведено более тысячи мероприятий и акций»... Выбирайте, либо — тоталитаризм плановой экономики, либо — свобода предпринимательства, невидимая рука рынка, слепая рука судьбы — в кинематографе, изобразительном искусстве, литературе. Не нравится киноголичная ведущая-бухгалтерша с выкладками продаж, столбчатými и круговыми диаграммами, будет вам русский писатель. В свитере с эмблемой Олимпиады-80, с перемудром во взоре и перегаром на устах. Он ведь именно таков, русский писатель? Или не таков? Да кто же его знает, кто же его видел...

ОЛЕГ ПУХНАЦЕВ

А ВЫ СМОТРЕЛИ?

televed@mail.ru

Изнанка мечты

Семейство Бэйтс (мать и сын) после долгих жизненных мытарств решает поселиться в тихом небольшом городке, открыв свой бизнес и жить спокойно, счастливой жизнью. Такова завязка американского сериала «Мотель Бэйтсов», являющегося приквелом к знаменитому фильму А. Хичкока «Психос». Но вместо мелодраматической истории или простого нагнетания картонных ужасов перед зрителем неожиданно разворачивается глубокая и беспощадная критика существующего социального порядка.

Провинциальный городок Вайт-Пайн Бэй становится неким воплощением Америки в миниатюре. За благопристойной внешностью «тихого угла» скрывается тёмная изнанка американской мечты. Прощетание городка обеспечено торговлей марихуаной с окрестных полей. Полиция связана с целой сетью секс-борделей, а уважаемые люди — мафиозы. Единственное средство заработать для молодого человека — заняться охраной этих самых полей марихуаны, стать сборщиком её обильного урожая или вступить в ряды одной из группировок, поделивших между собой город.

Сериал, показанный в ночном эфире Первого канала, рисует бесприсветный мрак человеческой души, царящую атмосферу постоянного страха, подлости, обмана, прикритого внешней вежливостью и благопристойностью. Перед нами живое, порящееся в пороке и жестокости общество, в котором стремление начать новое чистое и честное дело выглядит как нечто глубоко наивное, детское. В сравнении с картинками свихнувшегося общества обезумевшая от материнской любви героиня и подрастающий маньяк-убийца Норман Бэйтс смотрятся как нечто далеко не самое страшное в этой американской истории ужасов.

БОРИС НИКИТИН

Вакансия поэта

Канал «Культура» показал художественный фильм о Марине Цветаевой «Зеркала» (режиссёр Марина Мигунова, сценарий Анастасии Саркисян при участии Юрия Арабова). Болезненный, горестный, унылый слепок судьбы. Цветаева предстала не великим поэтом, а сумасбродной женщиной, которая открыто изменяет мужу, мучит его и тиранит своих детей. Всё не по ней, всё против неё. И время с жуткими революциями и войнами. И люди: бесчувственные эмигранты в Праге, не понимающие её в Париже, а после возвращения в Россию — пошлые коллеги и беспощадные спецслужбы. В фильме не было главного — любви и стихов, зато сора, из какого «они растут», было чересчур много. Как будто авторы, «не ведая стыда», хотели доказать, что поэт в России не имеет права на жизнь.

А вот документальный фильм «В поисках героини романа. Дни и зимы Давида Самойлова» из цикла «Больше, чем любовь» на том же канале доказывает обратное. В нём как раз было главное. И поэт, и его любовь. И любовь к поэту. И замечательные стихи, которых в фильме прозвучало много.

АНДРЕЙ СЕРДЮК

А НАМ ПРИСЛАЛИ

Непутёвый москвичанин

Первый канал посвятил две серии «Непутёвых заметок» Пскову и Пушкинским местам. Интереснейшая история древнего города была представлена в каком-то издевательском-уничижительном тоне. Псевдонародные фразочки наподобие «вот как была справедливость» или словечко «псковские», обязательный атрибут дремучести — пьянство («а псковичи любили заложить за воротник»). Ну а свободу независимой Псковской республики надо аллегорически урвать что свободой проституции выбрать себе клиента «либо под Литву, либо под Москву».

Есть какой-то странный психологический парадокс — очень часто переживший в Москву провинциал (Крылов рассказывал, что родом из Звенигорода) начинает с пеной у рта доказывать, что за МКАДом живут полулюди, развлекающие себя хроническим алкоголизмом и частушками, в тексте которых цензурным является лишь слово «милёнок».

В серии про Пушкинские места автор продолжил свою «дерёвня-городовую» линию. Байка о брошенках, пытающихся утопиться в мелководном ручье, извозчик в косоворотке, джинсах и бейсболке. Дети тут не дети, а местные Митрофанушки. Почти столько же времени, сколько Пушкину, автор уделил Довлатову. Наверное, надеясь на то, что живых свидетелей советского периода не осталось, автор описывает быт жителей Пушкинских Гор, которые пили запоями, селились почти что в пещерах, не имели обуви, а выходили из запоя только для того, чтобы сходить в лес за грибами да помыться в озере. Вообще ситуация с тех пор не сильно изменилась, ведь «кроме мусора и вони там всё, как при Довлатове». Покончив с вонью, автор программы опять демонстрирует нам каких-то неадекватных частушечник с дурацким псевдодеревенским говором. После чего, наверное, вспомнив, что программа о Пушкинских местах, автор показывает нам девочку, читающую «бура мглюю небо кроет...», но, не забывая про то, что это дремучая провинция, ставит ей в качестве фона жующего мальчика с голыми глазами.

Свою передачу автор завершил именованием «псковичане» — не удосужился даже выяснить, как правильно называть жителей нашего города.

АЛЕКСАНДР БОРОВИКОВ,

ПСКОВ

ТЕЛЕБРАТЬЯ

Соломенный фашизм

Под выборы в Раду 26 октября передачи на украинскую тему шли каскадом. «Специальный корреспондент» с Евгением Поповым по RTP, откуда некоторые персонажи переезжают на субботу в программу «Право знать» с Сергеем Минаевым и в «Право голоса» к Роману Бабяну. «Центральное телевидение» на НТВ лынуinou долю времени посвящает Украине... Допускаю, что эта телеинформация всё же протискивается на подцензурное украинское пространство и в попадании в Раду хоть части оппозиции есть заслуга нашего ТВ.

П онятно, что живём мы в свободной стране, где можем слышать «апологета» нынешней власти Киева Вадима Карасёва и депутата Николая Левченко. В их позициях, кстати, несмотря на видимый конфликт, много общего. Левченко, который не скрывает близости с олигархом Ахметовым, вроде бы за «наших», но проговорился Сергею Минаеву: «Лучше бы всё шло, как было, лишь бы не гибли люди». И сразу понятно — это воля Ахметова, которому надо вернуть свой бизнес в Донбассе. Да и Левченко — тоже. А то, что лучше «худой мир», верно до определённого предела. До того, когда тебя «нагибают» до неприличия, до рабства. А то, что нынешний «майданный» режим воспринимает каждую уступку, как свою победу — очевидно. И будет «гнуть» русских до тех пор, пока они не восстанут, как Крым и Донбасс. Или не уедут со своей земли. Или не умрут.

С другой стороны, типичны высказывания, которые слышим, к примеру, от Сергея Кургина в «Специальном корреспонденте». Он (да и многие другие) проводит аналогии с гитлеровской Герма-

культурой и историей. Всё это нацисты не отрицали, а возводили в абсолют. Да, немецкая аристократия, особенно военная, внутренне не принимала Гитлера, однако он сумел их склонить к сотрудничеству, уговорить, купить. Но было кого...

На сегодняшней Украине военной аристократии нет. Там вообще нет никакой аристократии. Есть параноик, бывший министр обороны, Гелетей, открывший миру «факт» ядерной бомбардировки Россией Луганска. Есть его преемник, Полторак, явивший всем зрителям наших новостных программ новое географическое направление «юго-север». Есть подобие «СС» под американским «брэндом» — «нацгвардия», мутант из бандеровцев с махновцами. Есть плохо вооружённые стада согнанных по призыву обывателей, которые не разбегутся только из страха перед заградотрядами тех же «нацгвардейцев» или из боязни оказаться за решёткой. Из этого же страха они стреляют куда попало, по принципу «умри ты сегодня, а я завтра».

На Гитлера работала вся Европа. Украине Европа не хочет помогать, здесь со скрипом ремонтируют (а иногда даже выпускают) советские танки и уже не первый десяток лет ждут чудесного «прорыва» самолёта ЧБ Антонова, который за это время уже устарел. Все эти произведения сосредоточены там, где говорят и думают по-русски, а не по-украински. Касательно «опорной» философии, какой бы ни был Фридрих Ницше, но даже рядом с ними все шухевичи, бандеры и

«Если вокруг Шемакина чем-то папахивает, может быть, ему надо принять душ?»

— Так уж получилось, но близкая по духу многим читателям нашей газеты обновлённая «Культура» отмечает 85-й день рождения на финише Года культуры. А со 185-летия «Литературной газеты» начнётся впервые учреждённый в нашей стране Год литературы. Есть в этом некая символичность. Тем более что в 1942-м наши издания были объединены в газету «Литература и искусство». Так что портрет Александра Фадеева, висящий в кабинете главного редактора «ЛГ», — это наша общая история. Девять лет мы жили одной семьёй. Газет, которые по привычке называют культурологическими, выражаясь словами поэта, адски мало.

— Самое главное — мы не врозь. Но насчёт культурологических газет... По-моему, ни наша, ни ваша таковыми не являются. Мало по-настоящему патриотически настроенных изданий — вот это правда. Не тех, кто готов цинично, за деньги обслуживать действующую власть, держа при этом кукиш в кармане, а тех, кто искренне поддерживает нынешний вектор развития России и зачастую бежит вперёд властного «паровоза», работает «разведчиком».

— А не нужны сегодня — есть такое мнение — узкоспециальные газеты — театральные, киношные, как говорится, чисто конкретно для художников? Вы ведь работали когда-то в театральном медийном проекте...

— В газету, которой сейчас руковожу, я впервые пришла в 18 лет, когда училась в ГИТИСе. Первая запись в моей трудовой книжке — «корреспондент отдела театра газеты «Культура». Тогда специальная пресса ещё пользовалась спросом. Сейчас, мне кажется, время не то. Не верю в успешность узкоспециальных изданий в ближайшем будущем. Потому что искусство — это не только «как» (а подобные издания занимаются прежде всего вопросами формы). Искусство, а тем более культура — в широком понимании — это в первую очередь «что». То есть набор смыслов, общественные ориентиры, иерархия ценностей. Сейчас идёт страшная борьба за эти ценности и ориентиры. Вот когда мы с ними определимся, когда уляжется пыль и наступит хоть какая-то ясность, можно снова заняться тонкостями формотворчества. Наверное, и сейчас они важны — узкому кругу. Но мне как профессионалу в журналистике это сегодня неинтересно. Для меня в тысячу раз важнее, куда моя страна, где я родилась, живу и уезжать из которой не собираюсь, будет двигаться дальше. И очень бы хотелось, чтобы наша газета помогала ей в пути, чтобы в общей копилке обретения ценностей и возвращения смыслов были, как говорится, и наши пять копеек.

Я радуюсь тому, что вовремя ушла из театральной критики, и удивляюсь тому, насколько вовремя наше поколение в неё вступило. Лет двенадцать занималась только этим. Была, в общем-то, очень «распалёванной» критиком, говорю без ложной скромности — номером один в последние годы практики, пока не надоело. Но вдруг поняла, что обедняю свою жизнь, лишая себя массы возможностей — и творческих, и карьерных. При этом точно могу сказать: в театрах нас ждали. Волновались, что завтра напишем. Это старшее поколение могло позволить себе месяц вымучивать рецензию, а мы работали в ежедневной прессе: вечером — премьера, наутро — текст. Друг друга не любили, были такие волчары, конкуренты. У кого завтра материал выйдет лучше — в «Известиях», «Коммерсанте», ещё где-то... Театры stalkивали нас, потом долго обсуждали, ревновали, завлечти звонили... А сейчас что происходит? Ну, кто-то что-то написал. Ну, вывесили на доску. Ну, актёр, пробега мимо, глянул в полглаза... Интерес к критике пропал. А вы говорите — специальные издания... Не только в театре, вообще в искусстве, теперь это две параллельные реальности — те, что производит культурный продукт, и те, что его оценивает. Может быть, поэтому среди молодых критиков нет ярких имён. Мы фактически закрыли тему. Нет нового Должанского, Давыдовой, Заславского — как бы мы друг к другу ни относились, на нашем поколении критика заканчивается.

— Ямпольской новой тоже нет.

— Второй нет. Новая есть — появилась несколько лет назад. Придя в «Известия» — уже по второму кругу — и возглавив там отдел культуры, я стала интересоваться, какова посещаемость на сайте театральных материалов. И поняла, что нас никто не читает. В рамках арифметической погрешности. Мы плещемся в своём мирке, считаем себя пупами земли, а это крохотный аквариум. Вокруг Мировой океан, а здесь гулпи радеуют, что написала рецензию лучше вузальхостики... Я видела пожилых критиков, которые еле-еле приходили в театр, доставали ручку, блокнот... Ужаснулся и

спросила себя: ты хочешь вот так закончить свою жизнь? Приволакиваться немощной в театр, который ты, наверное, уже ненавидишь. Как сказал один человек, критик — это Золушка, которой каждый вечер приходится ездить на бал. В общем, я поняла: если хочу что-то полезное сделать в жизни, страницу театральной критики надо перевернуть...

— И вот уже три года возглавляете пророссийское общественно-политическое издание — газету «Культура». Каков промежуточный итог в канун юбилея?

— 12 декабря будет ровно три года, как мы — новый главный инвестор и я — зашли в это здание на Новослободской улице. Из этого времени примерно года полтора — тяжелейшая пахота, черновая работа, не поднимающая головы, практически не выходя из редакции. Я не могла позволить себе отдохнуть, была издёрганная, уставшая. И ребята мои были издёрганными и уставшими. А тут ещё капитальный ремонт... Мы ведь не просто вытащили из небытия газету, которая благополучно умерла за месяц

Главный редактор газеты «Культура», член президиума Совета по культуре при Президенте России Елена ЯМПОЛЬСКАЯ о своём издании — накануне его 85-летия, умении вести дискуссию и многом другом.

до нашего прихода. Здесь были не только духовные, но и материальные руины: из рассыпшихся окон дул ледяной ветер, коридоры завалены бумагами, всё прокуренное, грязное. Компьютеры стояли такие — я и не подозревала о существовании подобных моделей, какие-то дедушки компьютерные. Всё начинали с нуля, всё на коленках. 20 января 2012-го вышел первый номер, сделанный на двух-трёх новых компьютерах, на тех же коленках, среди окружающего ужаса и кошмара: тут воду прорвало, тут лифт не работает... Борясь с бытом и нездоровыми рецидивами в прежнем коллективе и постепенно меняя его на новый, мы пытались понять, какую газету хотим делать. А ближе к концу второго года произошёл приятный перелом. Коллектив уже был сформирован, появилась возможность кое-что переложить на другие плечи. Хотя я по-прежнему вычитываю в каждом номере каждую строчку, контролирую абсолютно всё. Не было ни единого номера, в котором бы хоть один текст — вплоть до новостей и рекламы — прошёл мимо меня. На сайт, в бумагу: ОТК — это я. Но тем не менее сформировался состав заместителей, сложился журналистский коллектив, жить стало значительно красивее, чище и...

— И веселее.

— И веселее, естественно. А главное — мы почувствовали резонанс. При том, что мы работаем без рекламы. Газета — дело дорогое, и требовать от инвесторов, чтобы они ещё и в рекламу вкладывались, — бессовестно. При том, что реальный эффект даёт только телевизионная реклама. А она стоит бешеных денег. С самого начала мне многие говорили: ничего у тебя не получится, кому сейчас нужен новый продукт, не подкреплённый рекламой? Но я внутри себя какую-то пружину сжала и ближайшему кругу — тем, кого с собой привела, сказала так: давайте, ребята, честно, по максимуму, поработаем, будем делать то, что считаем правильным, а дальше — как Бог даст. Моё твёрдое убеждение: честный труд всегда вознаграждается. И действительно, для нас прошло время пожинать первые плоды. Приятно, не скрою. Отклики идут с самых разных сторон. Теперь я не удивляюсь, когда, например, звонят из Министерства обороны: хотим сотрудничать с вашей газетой. Это почётно, но абсолютно не естественно. По большому счёту, а с кем ещё им сотрудничать? У нас даже новый слоган появился, перефразируя императора Александра III: у России три союзника — армия, флот и газета «Культура»... Нас ценят спецслужбы — мы много внимания им уделяем. У нас хорошие отношения с Церковью. Много работаем в регионах, сама с удовольствием езжу на интервью с губернаторами, встречаюся среди них люди поразительные — Евгений Степанович Савченко, к примеру, превративший Белгородчину в такой «небесный Советский Союз».

Сегодня, куда бы я ни приходила, ни приезжала, слышу от людей такие прекрасные слова о «Культуре», что порой плакать хочется от

счастья. Ведь был страх, конечно, был: вдруг не получится высоко голову поднять, вдруг нас не заметят... Заметили. Очень даже заметили. На всех уровнях...

— Тираж...

— Указываем честно, экземпляр в экземпляр — около 35 тысяч. Газета, которая канула в Лету до нас, печатала три тысячи экземпляров, и в основном они уходили в возврат. Бумажная пресса, вы сами знаете, обходится дорого — так что рост тиража сознательно сдерживаем, дабы не вылететь в трубу. Не раз повторяла: мы стараемся делать самую красивую газету в стране. Я очень люблю, когда всё красиво — и эстетически, и этически. Чисто, ясно и со вкусом.

— Выпуск журнала «Свой» — это шаг к созданию издательского дома? А иногда к свежему номеру ещё и CD прикладывается. У меня уже целая коллекция. Контакты с фирмой «Мелодия» будут продолжаться?

— Про издательский дом пока речи нет. Журнал Никиты Михалкова «Свой» останется пока единственным приложением к нашей газете.

но там сохранялся особый известинский дух, большой имперский стиль. Первая газета страны (ибо «Правды» уже не существовало), Пушкинская площадь, целый набор легенд и мифов, архивы, от которых дух захватывает... Всё это придавало тебе ощущение собственной значимости, статуса. Когда я покинула «Известия», у меня в машине постоянно крутилась песня Визбора «Я сердце оставил в Фанских горах». Казалось, «Известия» — это мои Фанские горы, где действительно оставлено сердце. Утешало лишь то, что тех «Известий» всё равно больше нет. Знаете, наверное, проще оплакивать человека, который ушёл от жизни, нежели того, кто ушёл лично от тебя. Это более чистые слёзы, они не замутнены никаким злым негативным чувством...

Я привела в «Культуру» немало известинцев — настоящих, как теперь говорят, «олдскульных», и мы попытались на этой почве создать «Известия», о которых мечтали. Яркое, умное, солидное имперское издание. Главная трудность — сей-

ный отдел проверки, приведённый мною из «Известий». И мы прекрасное знаем, что говорил Александр Исаевич Солженицын, а чего не говорил, и к чему именно он призывал Соединённые Штаты Америки. Но официально отвечать по столь ничтожному поводу — смешно. А если мы начнём «защищать» Полякова, думаю, он сочтёт это оскорбительным. Он — сильный, умный, независимый человек, вполне способен ясно выразить свою точку зрения и самостоятельно её аргументировать. Да, ему, мужчине, нелегко полемизировать с дамой, он обязан при любых обстоятельствах оставаться вежливым и галантным — но это норма жизни, другого я вообще не приемлю. Знаете, довелось недавно сниматься на канале ТВЦ в авторской программе одного крайне дешёвого, но очень известного нынче писателя. Большого хама в жизни не встречала. Он бросался на меня так, как за заборами подмосковных дач алабай бросаются на прохожих. Правда, получил отлуп и всю эту пикировку затем трусливо из программы вырезал.

от тебя. Кстати, понимает ли он сам, что обрушился на газету, которой каждый год даёт большие интервью? Мы всегда предоставляли ему площадку, никогда не затыкали рот, были вежливы и лояльны. А вот Шемакин, которого прорвало на «Свободе», — это Бела Кун и Розалия Землячка в одном лице. Полнейшая нетерпимость к чужому мнению. Всех, кто тебе по тем или другим причинам не нравится, надо погрузить на баржу и затопить. Или — как минимум — лишить этих людей слова, трибуны, площадки, возможности работать. Боюсь, Михаил Шемакин так долго создавал монстров, что теперь живёт среди них.

— Елена Александровна, вы потомственная москвичка. Ну и как вам культурная политика нынешней столичной власти? Как вы её оцениваете?

— Если бы в московском правительстве была должность министра паркового хозяйства, то более идеального кандидата на эту вакансию чем Сергей Александрович Капков, не нашлось бы. Я люблю заниматься спортом, кататься на велосипеде, ходить, наматывая километры, — и не могу не заметить, в какое великолепное состояние приведены столичные парки. Правда, они все похожи друг на друга...

— А гордость Капкова — парк Горького?

— Он лишился своей характерности. Это не то место, где гуляли наши родители, не то, о чём Высоцкий пел «тут стоит культурный парк по-над речкою». Это среднестатистическая европейская зона отдыха, чистая, удобная. Но, как бы то ни было, Капков привёл в порядок парки — это его гигантский вклад в развитие города, за что ему пять с плюсом и земной поклон.

А вот то, что делается в Москве в области театрального искусства, считаю безобразием. Близкий по времени пример — «Борис Годунов» в подведомственном Департаменту культуры театре «Ленком», поставленный режиссёром Богомоловым. Когда я уехала в антракте с этого зрелища и со мной вместе покидало зал немалое количество зрителей, слышала краем уха возмущённые реплики: надо вводить уголовную ответственность за оскорвление классики! Вот, ребята, к чему приводит псевдодемократическая политика в области культуры. Значительная часть общества говорит уже не о цензуре, не о Главлите. Она говорит о репрессиях против тех, кто позволяет себе так обращаться с национальным достоянием. Всё срывается с точностью до наоборот: вы ладонь полностью разжали, ничего не контролируете, не сдерживаете, а у народа кулаки сжимаются. Когда я вижу Пимена в образе тюремного наркомана, вырезающего летопись на спине у сокамерника, такого же обдолбанного и обкуренного, и понимаю, что на это потрачены городские деньги, деньги из наших карманов, перестаю понимать: культурой в Москве вообще кто-нибудь руководит? А если да, то это сознательное поощрение бесовщины или просто полнейшая некомпетентность?

— В «Культуре» сейчас нет телевизионной странички...

— Честно вам скажу, это мера вынужденная. Телевидением надо заниматься регулярно, оно даёт поводы — фильмы приличные периодически появляются, программы интересные выходят. Но трудно найти журналиста, который отвечал бы нашим требованиям — и предмет знал досконально, и позиция газеты принципиально разделял. За последние годы — это не только к телекритике относится — сформировался перекос: большинство умеющих складывать слова журналистов придерживаются либеральных взглядов. Это связано в первую очередь с тем, кто и как их учил. Так что про телевидение пока пишем точно — от события к событию.

— А литературы не маловато? Хорошая рубрика «Литфонд» — из «ЛГ» это особо видно — редко выходит.

— Не спорю. Но сейчас сама жизнь требует усилить общественно-политическую составляющую, все силы брошены на это. Появились полосы «Пятая власть» — про экономику, «Большая игра» — о геополитических отношениях России и Запада. Привлекаем всё новых колумнистов, «Авторское право» — одна из самых востребованных читателями рубрик. Что касается литературы — нам с вами, конечно, не соревноваться. Да мы и не пытаемся, искренне радуясь успехам «большого брата». У нас с «Литературкой» сложился прекрасный дружеский тандем, чем мы очень дорожим. Делить «Культуре» с «ЛГ» абсолютно нечего: читателей хватит и вам, и нам.

— Ещё раз с юбилеем! Как принять участие в России, дай Бог — не с последним!

Беседа вел Леоид КОЛПАКОВ

Особо хочу заметить — бесплатным приложением. Как и диски, которые мы выпускаем совместно с легендарной фирмой «Мелодия», — это подарок. То есть по обычной цене — 22–23 рубля — человек получает либо качественное чтение на пару недель вперёд, ведь «Свой» — это философия, религия, история, либо CD — всегда с уникальной, специально подобранной программой. Скажем, в номере за 7 ноября мы будем отмечать не только собственное 85-летие, но и аналогичный юбилей Александры Николаевны Пахмутовой. У нас разница в датах — всего лишь три дня! А диск с песнями Пахмутовой — по-моему, лучший подарок.

— Елена Александровна, вы действительно начали с чистого листа. Но была ведь некогда популярная «Советская культура». Вы её не вспоминаете?

— Сейчас, перед 85-летием, вспоминаем. Делаем репринты в юбилейный номер — не только как иллюстративные элементы. Смыслообразующих материалов, к сожалению, обнаружить не удалось, хотя изучали подшивки очень внимательно. Увы, в «Культуре» не было ни легендарных главных редакторов — пропустим общего с «ЛГ» Александра Фадеева, ни публикаций, о которых бы говорила вся страна. Вообще на вопрос, что за издание «Культура», обычно вспоминают: это одна из двух газет, которые напечатали извещение о смерти Владимира Высоцкого...

«Культура», как бы она ни называлась — от «Рабочий и искусство» до «Советской культуры», — была во многом вторичным журналистским продуктом. С засильем идеологии — так что зря упрекают, будто именно я ввела здесь моду на политику. Публикация партийных документов, руководящих речей, писем трудящихся — целыми полосами. Очень мало эксклюзива. Не «Известия», прямо скажем...

Поначалу я тосковала по «Известиям» — не тем, из которых ушла, а по тем, куда приходила совсем девочкой. Да, газета на тот момент была либеральной, ельцинской,

час объективно мало сильных журналистов, журналистов-писателей. Это самая элитарная порода, ради неё, на мой взгляд, профессия и существует. В основании пирамиды — новостники, корреспонденты, репортёры, те, кого ноги кормят, а на вершине — те, кого кормят талант и ум. Таких журналистов сегодня — по пальцам перечесть. Но мы стараемся каждому тексту придать достойный художественный уровень. Чтобы в газете был полёт, были горизонты, ощущение пространства, наполненного смыслами, образами, символами.

— Подходит к концу Год культуры. Что, на ваш взгляд, было главным?

— О его итогах можно будет судить после того, как будут приняты Основы государственной культурной политики. Важнее этого ничего нет. Год закончился — документ останется и задаст векторы для принятия закона о культуре, вообще — для дальнейшей работы в том самом направлении «что», о чём мы говорили.

— Юрий Поляков опубликовал в журнале «Свой» мнение о предстоящем через четыре года юбилее Александра Солженицына. Небольшая заметка вызвала такую бурю эмоций, статей, выступлений, радио- и телеобсуждений... «Культура» как бы дистанцировалась от этого...

— Что значит дистанцировалась? Текст написал Юрий Михайлович Поляков. Наталья Дмитриевна Солженицына направила открытое письмо — ему, но почему-то на наш адрес. Мы сразу опубликовали. Поляков отреагировал — на нашем портале немедленно появился его ответ. Не очень понимаю, на каком этапе в спор должна была вступить «Культура»? «Российская газета», опубликовавшая всё то же самое, но несколько позже, без комментариев однойкобой тональности обойтись не смогла. Нашей газеты там касалось единственное замечание: где был отдел проверки, почему он не посмотрел, призывал ли Солженицын... Могут заверить коллег из «РГ» (кстати, всегда изумляюсь, когда государство щедро спонсирует либеральную прессу): у нас очень силь-

Юрий Поляков — человек абсолютно иного класса. Он и пишет иначе, и дискуссии ведёт на совершенно другом уровне. Меня крайне огорчило, когда к спору был привлечён Евгений Миронов. Да, у актёров эмоции всегда опережают сознание, но ведь суть разговора между Поляковым и Солженицыной — не взаимная перепалка. Они поднимают очень важные вопросы, принципиальные и для истории России, и для её будущего. Если тебе есть что сказать по содержанию, смысловое — это одно дело. Но оскорблять уважаемого человека без всякого на то повода... Несерьёзно.

Юрий Михайлович сказал ровно то, что сказал. И кто захотел его услышать, услышали правильно: давайте ценить крупных отечественных писателей, никого не забывая, не пропуская, и отмечать их юбилей в соответствии с хронологией. В мае 2015-го грядёт 110-летие Михаила Александровича Шолохова. В ноябре — вековой юбилей рождения Константина Михайловича Симонова. Сейчас важно сосредоточиться на этом. Так, постепенно, даст Бог, дойдём до 2018 года, столетия интереснейшей личности — Александра Исаевича Солженицына. Мне эта точка зрения близка и понятна.

— Елена Александровна, а что за история с Шемакиным, напрямую связанная с «Культурой»?

— Михаил Шемакин, ещё недавно позиционировавший себя как русский патриот за рубежами Отчизны, дал очень странное интервью радио «Свобода». Точнее, ничего особенно странного тут нет: мы видим, как на глазах перекувыркаются «патриоты», чья жизнь напрямую завязана с Западом. Газету нашу господин художник почему-то обозвал «черносотенной» и заявил, что Ямпольская на первой полосе якобы указывает ему, Шемакину, как себя вести по отношению к власти. Интервью называется «Папахивает фашизмом». Но если вокруг Шемакина чем-то папахивает, может, ему надо принять душ? Это первое, что следует сделать в подобной ситуации: удостовериться, что запах исходит не

ПОЭЗИЯ СОЕДИНЁННЫХ ШТАТОВ АМЕРИКИ

Пульс русского безрубежья

В Соединённых Штатах Америки идёт бурная литературная жизнь. Это объясняется прежде всего тем, что многие наши соотечественники довольно прочно обосновались там. И среди них немало талантливых людей. Некоторые из них преподают в вузах русскую литературу, пишут стихи и прозу. Называют они себя поэтами русского безрубежья, намекая на то, что географические границы не определяют внутренней сути человека, важны лишь духовные ориентиры, сохраняющие через русский язык связь с родиной.

Вера ЗУБАРЕВА

Родилась в Одессе. Доктор филологических наук. Лауреат Международной премии им. Беллы Ахмадулиной, муниципальной премии им. Константина Паустовского и других литературных премий. Публиковалась в журналах «Арион», «Вопросы литературы», «Нева», «Новый мир», «Дружба народов» и др. Преподаёт в Пенсильванском университете. Живёт в Филадельфии.

Предчувствие ВОДЫ

МАГИЯ ДОЖДЕЙ

Опять тревожит образ ливней,
И память запахов земли
Вытает в отстранённо-зимней
Морозом стиснутой дали.
Исподтишка туманя воздух,
Жизнь подлавляет лёд нуля.
И рваней сон, и меньше в звёздах
От высоты и февраля.
Прорвав зимовья оболочку,
Едва очнувшись от глубин,
Ум облюбовывает точку,
Где обнажён и уязвим.
И то невятнее, то резче
Приливы неба вдалеке,
Как первые попытки речи
На неизвестном языке.

Вновь пасмурно с утра.
Покойный день вчерашний
Уже парит, как дух
Расплаты и дождя.
Готовые сыреть,
Податливые башни
Темнеют среди туч
Старинного литья.
В предчувствии воды
Отяжелели кроны.
Им так же, как душе,
Несносна эта кладь.
И снова тот же звук,
Напевный, монотонный,
Готовится сердить
И тишить, и ласкать.

Дождь закончился. Настежь окно.
В занавеске запутались капли.
Ослепительно взмыло пятно
К потолку, и подтёки иссякли.
Хлопнул дверью весёлый сквозняк
И качнул отражения в раме.
Опрокинулась ваза в слезах,
И огнём полыхнули все грани.
Две промокших пчелы на лету
Сговорились и тихо присели
Просто так — созерцать красоту,
Вне трудов и не ведая цели.

За сентябрём потянутся дожди,
Размножат все пути и перепутья.
От них бы затворить мне часть души,
Чуть-чуть бездомней и бездольней будь я.
А так — пускай поют себе навзрыд.
Прошлёпано по праздникам и будням
Под перебор ветров по дровам-лютям,
Под коими корней ковчег зарыл.
А между звёзд, качаясь на ветвях,
Мечтает тихо дом, почти скворечник.
Там пишет мальчик, словно второпях,
В безбрежность обмакнув перо бесечно.
Пузырит дождь, и пишет он легко,
Как Лель свирелью капли выдувая.
И облаком бушует молоко
Над блёсткой алюминьевого края.
Он шепчет, как осияная листва,
И першит осень алая в гортани,
И дождь кипит на ветках и устах,
И небо разбивается на грани.
А я иду — как будто ничоём
Мне дождь его над древом с колокольней,
Как будто не свирель меня влечёт,
Как будто бы не я всего бездольней...

В дождь сильнее привязанность к дому,
Долгие улицы выотся к теплу,
Придётся значенье подёму
И разрытой трубе на углу.
В дождь все время приходят к единству
По слезе, по струе, по реке —
По земному размазавшись диску —
И молчат на одном языке.
Как с педали не снятая нота,
Резонируют капли в окно.
В дождь всегда вспоминается что-то,
Что, казалось, произошло давно.

Точки притяжения для русскоязычных писателей США и других стран — литературно-художественный журнал «Гостиная» и сайт ОРЛИТА (Объединение Русских ЛИТераторов Америки). Здесь есть возможность заявить о себе, прочитать произведения своих коллег, живущих в разных уголках планеты. Объединяет представленных поэтов, пожалуй, только место жительства — разные города США. При том, что все эти поэты сторонники традиционного стихосложения, каждый имеет свой голос. Давид Паташинский резок и бескомпромиссен,

Елена ЛИТИНСКАЯ

Родилась в Москве. Выпускница филологического факультета МГУ. В 1979 г. эмигрировала в США. Автор пяти книг стихов и прозы. Публиковалась в журналах «Новый мир», «Новый журнал», «Слово/Word», «День и ночь», «Зарубежные записки», «Дети Ра», «Гостиная», «Ковчег» и др. Президент Бруклинского клуба русских поэтов, заместитель главного редактора журнала «Гостиная» и вице-президент творческого объединения ОРЛИТА. Живёт в Нью-Йорке.

Первый снег в младенческих глазах

Вот и вся печальная сказка
с безнадёжно банальным сюжетом.
Есть конфетку — сладко и вязко.
Интернирована Интернетом,
я, блаженно наркоманкой,
виртуальным посылком крепко
накачалась. Играла шарманка
так шарманно. Я — птицей в клетку.
Щебетала — и впрямь канарейка.
Околдована ложью лести,
позабыла, что оперенье
потеряло и цвет, и блеск свой.
Ты принёс мне воды и корма
и отчалил в сюрпризном скерцо.
Ни укора. Меняю карму.
Кто-нибудь, отпшите дверцу!

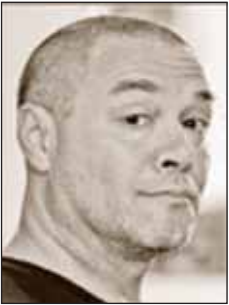
РАСПЛАТА

За всё, за всё тебя благодарю я...
М.Ю. Лермонтов

За всё, за всё мы в этой жизни платим.
За первый свет в младенческих глазах.
Беспомощный бунтарь зашёлся в плаче —
где первый свет, там первая слеза.

За первые шаги, отважно-робкие,
за дерзновенность детскую и прыть.
Канатоходу без балансировки
падением придётся заплатить.

За первую любовь, трусливо-нежную,
когда победу празднует Платон,
заплатишь одиночеством безгрешия
за тусклый свет его и полутон.

Давид ПАТАШИНСКИЙ

Родился в 1960 г. в Москве, жил в Сибири. Эмигрировал в Израиль, а потом в Америку. Инженер электронной техники, фотограф, строитель, часовщик. Публиковался в журналах «Октябрь», «Крещатик», «Слово-Word», «Волга», «Новый берег», «Зарубежные записки». Автор книг «Немного цвета» (2006), «Случайная почта» и «Рассвет перед сном» (2008). Живёт в г. Манси (штат Индиана).

Стало холодно жить...

Я живу за стеной, только шёпот иной
раздаётся тугими ночами.
Там ребёнок больной, там всегда выходной,
там звонят, но совсем не ключали.

Там играют смешную простую игру,
слышишь — падает мелочь густая?
Если вдруг я сегодня под утро умру,
я, наверное, просто растаю.

Так-то, друг, — если вдруг. Всё бывает тогда.
Даже водка бывает колючей.
Даже, будешь смеяться, сухая вода,
что в коробке на всякий случай.

Я читаю своё, ты читаешь своё,
остальное осталось за кадром.
Ты бы знал, кто сегодня меня узнаёт,
кто поёт в этом мире цикадном.

Я живу у стены. Все углы не равны.
Все собаки скулят об одном.
И не знают цены старики пацаны,
выключая рассвет перед сном.

Последнее время стало холодно жить,
последние песни поёт молодой рассвет.
А ты держи меня, спать уложи.
Не говори, что состоим в родстве.

Это родство душ убивает хуже любви.
Жена, муж. Варёные соловьи
пустых сердец уже не дают дрозда.
Такая судьба. Оказалась тоже пуста.

Если горит, это горит звезда.
Как правило, на самом конце креста.
Последнее время ляжет на горло сну.
Если воем, значит, зовём весту.

Как труден выбор правильной дороги!
Камо срядёши? Рядом враг иль друг?
Путь виртуален, и не стёрты ноги.
Вокруг бескрайняя страна Facebook...

Выпуск 6

В МЕТРО

Я сказала бы раньше: «Старик!»
А теперь: «Средних лет... человек».
Это бунт во мне говорит.
Маскирую свой долгий век.
Кружит голову вид с моста
на Манхэттен. Стучит вагон.
И старик, который не стар,
раздирает аккордеон.
На фуражке символ потёрт.
Вроде был офицер морской.
Иль бродячий актёр хитёр?
Не могу понять, кто такой.
Да и важно ли это? Бог с ним!
Вальс плывёт, в безвозвратность маня:
снова тот, кто когда-то любим,
приглашает на танец меня.
Я — девица твоя, музыкант.
Вальс окончен. Быстрей, быстрей —
ищет доллар моя рука.
В сумке столько лишних вещей!

В кошельке — лишь коэти́р¹ и дайм²,
и двадцатка — весь капитал.
Искуситель: «Двадцатку дай!»
Многовато! Прости, капитан!

¹Монета в 25 центов (англ.).

²Монета в 10 центов (англ.).

ПИСЬМО ДРУГУ НА НЕБО

Звонит телефон. Сказали: тебя больше нет.
Нам не пересечёшь на этой Земле.
На том свете, если есть тот свет,
наши силуэты сойдутся во мгле
запутанных Туманно-Андромедных дорог.
И мы с тобой не полюбим друг друга
в бескровном, безорномном обличье. Бог
так распорядился. Ангельская прислуга
проявила о нашей нравственности заботу.
И даже избрательный бес
не смог добиться у Всевышнего квоты
на малую погрешность в стенах небес.
Стыну скульптурно не Евой — нищенкой —
с яблоком в протянутой руке.
У тебя теперь — духовная пища
в твоём райско-адовом далеке.

Нью-Йорк

Если холодно, значит, ложимся спать.
Знаешь, куда во сне придём умирать,
в какую страну, где нас забыли все,
в густой траве, на речной золотой косе.

ЛИШНИЕ СЛОВА

Хрусталь рассыпаясь,
окно звенело солнечно пылью.
Верлен задумался.
В глазах бежали мальчики по льду.
Мы толковали толочно,
крепили крашеные крылья,
когда чудовищный казах играл степную чехарду.

Принять чужие ордена
готовим дыры на груди мы.
Налей ещё, как больно спать,
но жить становится больней.
Такая мёртвая страна,
а мы остались невредимы.
Надменна выпсренная статья
великовозрастных камней.

Такая бронзовая тьма,
что бьёт клокча промокший воздух.
Не жди меня теперь уже,
закройся, выброси ключи.
Мерцают окнами дома,
как нарисованные звёзды,
и что-то говорит душе язык оплавленной свечи.

Мы живём в Мезозое, и наши шаги сочтены.
Наши панцири стали мячечать
парниковым загаром.
Мы своей не узнаем чудовищной величины,
если время, не став молодым,
остановится старым.

И когда разглядеть ничоём не удастся лица,
прижимаем луны ослепительно звонкую линзу,
растворяя ключом, чтоб ловила генома пыльца
умирающей скважины тёплую влажную брызгу.

Мы живём на рассвете, когда раскалённый неон
улькает обратно в стеклянные серые трубы.
Поднимается ветер, ты ловишь его, окрылён,
горизонта целуя холодные сжатые губы.

Мезозой наступил, над душой нависает ледник.
Посмотри на себя. Ты такого же точно боялся.
Динозавры в душе, мы идём наизусть, напрямик,
зарывая в песок бесполезные хрупкие яйца.

БОРИС КУШНЕР

Родился в г. Красноуральске Свердловской области. С 1989 года живёт в США. Профессор математики Питтсбургского университета. Стихи, переводы и эссе публиковались в Израиле, США, Германии, России, на Украине и в Белоруссии. Автор книг стихотворений «Стихи и переводы», «Причина печали», «Бессонница Солнца», «Иней времени», «Эхо эпохи», «Причал вечности», «Контрапункты» (совместно с В. Зубаревой и Б. Кокотовым). Живёт в Питтсбурге.

Вот уже и осень за углом

OBITER DICTUM

Ты шепнула мимоходом,
Я едва успел вздохнуть:
«Жду Тебя за Дальним Бродом,
Там, где тонок Млечный Путь»...

Шереметьево гудело
В круглосуточном бреду... —
Ты едва шепнуть успела —
«Я за Дальним Бродом жду»...

Солнце — каплею опало,
А над ним — аэроплан... —
Ты исчезла, Ты пропала
В черноте зазвёздных стран...

Но с тех пор я спать не в силах —
Жду, когда придёт черёд
Где-то в звёздных Фермопилах
Пересечь Твой Дальний Брод...

Отправленья на экране,
Шляпы, зонтики, плащи... —
В станционном ресторане
Шницель, супочные щи...
Скатерть в старых винных пятнах,
Заскорузлый хлеб ржаной —
Разговор не из приятных
У соседей за спиной.
Время жалкому досугу,
Время следствиям причин —
Мы глядим в глаза друг другу
И молчим, молчим, молчим.
И ещё с Тобою весь я,
Но, как это повелось,

Грянет голос с поднебесья —
И дороги наши — врозь.

В одном окне Луна ушла,
В другом восстало Солнце —
Взлетает, падает Душа
И парусом несётся
В тот океан, что из окон,
В бездонной сини пеньбе,
Где царствует один Закон —
Любви и тяготенья.

Вот уже и осень за углом,
Призраки распада в небе голом, —
И звучит Печаль моим глаголом,
Что ещё вчера звенел щеголом.
Щёголь-клён пока во всём зелёном,
Но уже желтеет тленья нить —
Миг вздохнёт, и этим гордым клёнам
Лето вместе с нами хоронить.
Не подставить времени ладони,
Бесполезны шёпоты имён —
Мчатся дни, как осенние кони,
И уносят за черту времён.

До излёта взора
Чайки над водой,
Солнце ремажора,
Моцарт молодой.
Над волненьем рожи
Пенные поля —
В небесах Настройщик
Тихо тронул «ля»...

ЭПИТАФИЯ

Жизнь ради людей

Памяти Л.И. Швецовой

Она осиротила многих. Самых разных людей. Своего крестника Олежку, которого спасала от родовой травмы заботами и повседневным вниманием. Ещё несколько десятков крестников и крестниц, матери несли их ей отовсюду. Отслеживала всех. Слегка сердилась, когда крёстные дети надолго исчезали. Посылала им подарки к дням рождения.

В домах престарелых тоже глубокий траур. Там помнят её частые приезды с подарками и неподдельным вниманием к нуждам каждого пожилого человека. Кто теперь так искренне, щедро и адресно позаботится о них?

Вокруг неё был огромный мир друзей, уверенных в её неизменном желании всегда и во всём быть им полезной. Каково им теперь?

Она была окружена подругами всех возрастов и разных социальных групп. Все они сегодня плачут о себе.

Она была настоящая красавица. Возраст оказывался невластным над нею. Никакие ухищрения были не нужны лицу, исполненному безграничной доброты и сияющему чуть ли не небесным светом.

Она своим уходом из жизни нанесла непоправимый удар сотрудникам, работавшим с нею долгие годы. Они шли за нею из одного учреждения в другое, хотя она редко меняла место работы, шли, не задумываясь о благах. Она всегда участвовала в их проблемах, радовалась и печалилась обо всём, что случалось с ними, создавала семью в коллективе.

Она обнимала Москву, любившую её творческие замыслы, та-

лантливые идеи, вдохновенные выдумки.

Она смело шла навстречу людям, нуждающимся в её помощи. Ей мог дозвониться простой человек.

Она была естественна и тепла, как солнце, неслучайно её любимым цветком был подсолнух.

Женщина-праздник, говорили о ней. Я не встречала никого, кто не любил бы её, милую людям.

Жизнь не слишком баловала Людмилу — она потеряла мужа, отца, мать, сына, брата.

Она не предала идеалов молодости, как бы ни поворачивались рули страны-корабля.

Меня с Людмилой соединило нечто суровое. Наши отцы были связаны с танком Т-34, мой — конструктор, её — пехотинец, прошедший войну на тридцатьчетвёрке. С её поддержкой я создавала единственный в мире музей этого танка.

Она была первой русской, возглавившей Всемирный женский форум. Когда недавно она возглавила ещё и общество «Знание» — во всех уголках России оно ожило в надежде на новые повороты в своей судьбе.

На моём письменном столе сегодня лежит близкая к завершению рукопись книги «Откровения Людмилы». В ней запечатлён живой голос настоящей женщины, потрясающего человека нашего времени. И такие в ней откровения, как открытия!

Знак судьбы — она ушла в День комсомола, с ним её связывала вся жизнь.

Душа болит.

ЛАРИСА ВАСИЛЬЕВА

Чуть больше месяца назад мы поздравляли её с 65-м днём рождения, оказавшимся последним в недолгой жизни Людмилы Ивановны Швецовой. Для литгазетовцев её смерть — событие, горькое вдвойне. Многие годы она не только была другом «ЛГ», дважды гостем нашей «Комнаты 206». Всегда была готова ответить на наши вопросы, дать оперативный комментарий. Людмила Ивановна — наш автор с более чем десятилетним стажем. Она сама писала свои материалы, не прибегая к помощи пресс-секретаря — о любимой Москве, о социальном блоке, о ветеранах, которых по-настоящему любила. Как она заботилась о Егоре Александровиче

Исаеве, до последнего дня поэта-фронтовика. Укладывала его в больницы, уговаривала на обследования, отправляла в санатории. Мы знали об этом от самого Исаева. И когда однажды лауреат Ленинской премии и Герой Социалистического Труда принёс в редакцию стихотворение, посвящённое Л.И. Швецовой, с удовольствием его напечатали. Думаем, будет нелишним повторить поэтические строки Е.А. Исаева как последний наш поклон замечательной женщине, профессионалу высочайшего класса, автору и другу. Людмила Ивановна Швецовой будет всем нам не хватать.

«ЛГ»

ОДНОЙ МОСКВИЧКЕ

Скажу, как подобает

не льстецу:
Вы к городу — лицом,
и город вам — к лицу
И доскажу всерьёз,
без куража:
Вам жест к лицу
и от лица — душа,
И плюс екатерининская статья.
За это вам вся лирика в тетрадь.

ЕГОР ИСАЕВ,

«ЛГ», № 38, 2009 год

ИТАР-ТАСС

ЗДРАВООХРАНЕНИЕ

Морозовская будет лучшей

На 2016 год намечен ввод в эксплуатацию многопрофильного лечебного корпуса Морозовской детской городской клинической больницы.

Новое здание площадью 71,2 тысячи квадратных метров появится на месте одноэтажных больничных корпусов, построенных в 30-е годы прошлого века и находившихся в аварийном состоянии. «Фактически мы строим не корпус, а новую детскую клинику на 500 коек, оснащённую самым современным оборудованием», — заявил Сергей Собянин во время осмотра строящегося многопрофильного лечебного корпуса в 4-м Добрынинском переулке.

Морозовская детская больница и сегодня является крупнейшим лечебно-профилактическим учреждением города. Стационар был основан купцом Викулой Морозовым в 1903 году для помощи детям из бедных семей. Задумав построить больницу «не хуже, чем в Европе», меценат попросил известного хирурга Т.П. Краснобаева изучить передовой опыт лучших клиник Швейцарии, Германии, Италии. За прошедшие сто с лишним лет Морозовская больница превратилась в настоящий лечебный городок, расположенный в центре Москвы. В состав многопрофильного стационара входит 47 отделений и подразделений, где медицинскую помощь оказывают по пяти основным профилям — педиатрическому, терапевтическому, хирургическому, инфекционному и

реанимационному. Ежегодно в Морозовскую больницу, включая консультативно-диагностический центр, обращаются около 200 тысяч пациентов; почти 90% из них — московские дети.

Мэр Москвы напомнил, что в рамках программы модернизации столичного здравоохранения в 2012–2013 годах в Морозовскую детскую больницу было поставлено без малого 3000 единиц современной медтехники, включая комплексы цифрового рентгеновского оборудования, магнитно-резонансный компьютерный томографы. Тогда же завершилась реконструкция корпуса, в котором находятся три отделения: инфекционно-боксированное для детей младшего возраста; отделение неонатологии, неврологии и микрохирургии глаза для детей грудного возраста и отделение реанимации и интенсивной терапии для новорождённых и недоношенных детей. Кроме того, привели в порядок кровли больничных зданий и пищеблока, заменили лифтовое оборудование в трёх корпусах.

Градоначальник отметил, что возведение нового корпуса Морозовской больницы — это федеральный проект, подготовкой которого столица и Минздрав России занимались не-

сколько лет. На строительство планируется потратить более 11 млрд. рублей — их в равных долях выделят из городского и федерального бюджетов. Сергей Собянин добавил, что по уровню оснащения и спектру оказываемой медицинской помощи строящийся корпус не имеет аналогов в России. Здесь откроются отделения экстренной абдоминальной и гнойной хирургии, оториноларингологии, эндокринологии, функциональной диагностики, эндоскопии, травматологии, ортопедии, онкологии и гематологии, а также отделения офтальмологии и микрохирургии глаза, трансплантации костного мозга, лучевой диагностики и многие другие. А ещё в современном семизэтажном здании расположатся операционный блок, клиничко-диагностическая лаборатория, конференц-зал, буфет и пищеблок, а в цокольной и подземной частях — автостоянка, технические и служебно-бытовые помещения.

Все палаты для маленьких пациентов в новой лечебнице будут одно- или двухместными; каждую из них оборудуют системой видеонаблюдения и «тревожной кнопкой» для вызова персонала. Пребывание мам рядом с малышами тоже станет более комфортным: для них проектом предусмотрены спальные места. «Мы рассчитываем, что обновлённая Морозовская больница станет лучшим детским стационаром не только в городе Москве, но и в России», — подытожил Сергей Собянин.

ПЕРСПЕКТИВА

Прогуляемся по Зарядью

Новый уникальный парк в историческом центре столицы станет подарком горожанам к 870-летию Москвы.

Название района Зарядье связано с его местоположением относительно Красной площади и Кремля — от них территорию когда-то отделяли торговые ряды, тянувшиеся вдоль Москворецкой улицы, от Варварки до Москвы-реки. «Район был идеален, он передавал дух города сильнее, чем какой-либо другой, это был неповторимый «город в городе», целый отдельный мир в самом центре столицы, — ностальгически вспоминает любимый уголок один из коренных москвичей. — Если бы Зарядье сохранилось, я, наверное, не слезал бы с его крыш, а впрочем, иногда бы слезал — побродить по зарядским дворам и подворотням». Может статься, что через пару лет это место, имеющее не только богатую историю, но и значительный ландшафтный потенциал, вновь станет центром притяжения для жителей Москвы, России и зарубежных гостей.

В 2012 году было принято решение о создании на месте снесённой парка, который объединит в себе несколько функций — рекреационную, культурную, историко-архитектурную. Столичное правительство провело конкурс на концепцию развития территории района, в котором приняли участие ведущие проекторувщики России и мира. Проект-победитель — международный консорциум во главе с архитектурным бюро Diller Scofidio + Renfro (Нью-Йорк) — основан на принципах ландшафтного урбанизма, гарантирующего комфортное взаимодействие между

природой, городом и людьми. В соответствии с проектом посетители парка «Зарядье» смогут ознакомиться с растительностью различных климатических зон нашей страны — в ход пойдут технологии создания искусственного климата. Среди деревьев и кустарников, высаженных на площади в 11 гектаров, появятся не только «резиденты» средней полосы, тундры, субтропиков и Сибири, но и копии, адаптированные для московских условий. На пешеходных дорожках парка используют как твёрдые, так и мягкие типы покрытия: дерево, камень, плитку, грунт, траву. Экспозиционный культурный комплекс и медиапавильон «Заповедное посольство», маршруты для прогулок и смотровая площадка с выходом к Москве-реке, ледяная пещера и самая крутая городская горка в снежный сезон — предполагается, что в парк «Зарядье» будут наведываться до 12 миллионов человек ежегодно.

Проект реновации и благоустройства Зарядья включает не только создание нового городского парка, но и строительство филармонии, а также обустройство расширенной пешеходной зоны с уменьшением количества полос для движения машин на Москворецкой набережной и по Москворецкому мосту. Особенно-стью филармонии, которая вместит 1,5 тысячи гостей, станут раздвижные стены. Они присоединят к залу открытый амфитеатр ещё на 5 тысяч мест. А в случае непогоды слушатель защитит так называемая стеклянная кора — специальные прозрачные

конструкции, встроенные в парковый ландшафт.

Кроме этого, запланирована масштабная реставрация исторических памятников на улице Варварка, которая в будущем станет пешеходной. «На этой территории находится девять уникальных объектов, имеющих муниципальное или федеральное значение, в том числе шесть храмов, — пояснил руководитель Департамента культурного наследия Александр Кибовский. — К сожалению, этот великопленный архитектурный ансамбль никогда не смотрелся в своей подлинной красоте — в конце XIX века здесь были построены высокие дома, потом гостиница «Россия». А после реконструкции видовая панорама Зарядья станет такой же визитной карточкой Москвы и России, как храм Василия Блаженного, Кремль, Суздальская панорама». По двум объектам работы уже завершены: ранее отреставрирован Братский корпус Старого Государева двора (Знаменский монастырь); сегодня полностью восстановлен Старый Английский двор XVI–XVII веков (музей «Английское подворье»). На очереди — реконструкция Патриаршего подворья: церкви Зачатия Святой Анны, церкви Святой Варвары, церкви Святого Максима Блаженного и церкви Святого Георгия на Псковской Горке. Эти памятники будут воссозданы за счёт городского бюджета к 2016 году.

«По сути, мы создаём своеобразный музей под открытым небом, экспозицией которого станет сама Москва и богатая российская природа. Надеюсь, парк «Зарядье» будет одним из самых любимых и посещаемых мест в центре города», — предположил столичный мэр Сергей Собянин.

Автор материалов ИРИНА ЛАЗАРЕВА

Дмитрий ДАРИН

ОСИЯННАЯ РУСЬ

Проснись вот-вот
от стука мокрых веток,
Сойду с крыльца в сияющий рассвет,
Я много видел мест по белу свету,
Но хлебнее России в мире нет.

И может, жить
уютней в странах многих,
Но где родился, там я и умру,
Где поутру роса омоет ноги,
Где шепчутся рябины на ветру.

И как тебя ни жгли, ни поносили,
Но кости переломанных крестов
Срастались в душу гордую России,
Что пьёт Господь из чаш колоколов.

Не нагляжусь в твои седые дали —
И нет войны, и села тихо спят,
А солнце перековано в медали
В полях твоих оставшихся солдат.

Не спит река, течёт в тумане белом,
Как жизнь моя течёт меж берегов.
Пологий — та любовь, что отзвенела,
Высокий берег — к Родине любовь.

И мне теперь с него виднее дальше
Туда, за бирюзовый окоем.
Где сохранит Россия души наши,
Где мы её всем миром сбережём!

Я люблю красоту белоствольную эту,
Что не высказать словом,
а только вздохнуть,
Осиянная Русь, разве сыщется где-то
Край такой,
чтоб под ветки берёз не уснуть?
Я люблю красоту белоствольную эту,
Дальний дым над трубой и дорогу в полях,
Осиянная Русь, я люблю беззаветно
Слёзы синих озёр и печаль в соловьях! 2014.

БЕЗЫМЯННЫЙ БАТАЛЬОН

Как повязка на рану —
Ранний снег на поля.
На гранёном стакане
Корка хлеба моя.
Не сегодня закопан,
Я расстрелян в упор,
По военным законам
Призываюсь на сбор.
Орды смотрят сурово
В пополнении сил,
И приходится снова
Нам вставать из могил.
Мы займём оборону —
Павший наш батальон —
Перекличка — условно,
Все бойцы — без имён!

Не бывает в России солдат безымянных,
Бог хранит имена — чтобы с нами на «ты».
Оттого чёрный хлеб, что на русских стаканах,
что на русских стаканах,
Тяжелее гранитной плиты!

Но мы сраму не имем,
Кто по списку — всерьёз —
Здесь проходят живыми,
С вас — повышенный спрос!
Это с ваших согласий
Опустили страну!
Мы — Иваны, да Васи
Продолжаем войну!
Смерть давно нам покорна,
И со снегом в кудрях
Мы погибнем повторно
На российских полях!
И в награду за это
Нам родная страна
По Всевышним заветам
Возвратит имена!!

Не бывает в России солдат безымянных,
Бог хранит имена — чтобы с нами на «ты».
Оттого чёрный хлеб на гранёных стаканах
Тяжелее гранитной плиты!

И каждый ищет счастья на земле,
Не зная толком, что это такое....
Один — побед, другой — покоя,
В перинах этот, тот — в седле.

И каждый ищет счастья по себе,
Не зная толком, истинно ль достоин....
Жена — в рождении, в смерти — воин,
В смиренье этот, тот в борьбе.

И каждый ищет счастья навсегда,
Не зная толком, сколько это значит...

Бодрится дед, юнец — растрачен,
Минути этим, тем — года.

А месяц спит слезинкой на весле,
Жизнь — утлый чёлн, и нету рулёвого,
И мне ничто не будет ново,
И даже — счастье на земле!

Кунр, 2014

СЕРДЦЕ НА ЛАДОНИ

Твоих волос туман не тронет,
Не тронет время красоты,
Пока на маленькой ладони
Мужское сердце держишь ты.
Оно уже — полуживое,
Лежит поломанным птенцом...
Любви отверстие позжеево,
И ложь, вошедшая свинцом.
Я сердце дал — почти пустое,
Не отзовется, не зови,
Как дом, свободный от постоя
Великой армии любви.
Не злато правит миром — страсти,
Свой победитель славит плен,
И вот теперь я Божьей властью
У тонких девичьих колен.
А час придёт — я на перроне,
Прощальную скрывая боль,
Махну тебе пустой ладонью
И сердце отпущу с тобой.
И ты свою судьбу исполни,
В другом жги жертвенный огонь,
Страхни меня, как хлеб, с ладони,
Но только не сжимай ладони!

2013

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ ДОМ ЛИТЕРАТОРОВ (ЦДЛ)
Москва, ул. Большая Никитская, 53 (м. «Борьковская»)

Любимь её? подари...
«СЕРДЦЕ НА ЛАДОНИ»
авторский литературно-музыкальный спектакль

27
ноября
19:30

Участвуют:
Народный артист России
Сергей Никоненко
Заслуженный артист России
Владимир Пресняков (ст.)
Заслуженный артист России
Алексей Глызин
Заслуженный артист России
Ян Осин
Заслуженный артист России
Александр Покидченко
композитор, певец
Анатолий Верещагин
группа
«Рядовой Дарин»

Дмитрий
Дарин

Билеты на сайте www.koncert.ru и по тел. 8 (499) 502-16-77
Билеты в кассе ЦДЛ тел. 8 (495) 691-63-16

50

ПРАВЫ

Вызволeние «железного коня»

Как вернуть свою собственность, не потеряв своего лица

Недавно произошло непредвиденное. Случилось это так. Из Питера в Москву приехал прозаик Валерий Попов — на очередной литературный «пленум», — и мы договорились с ним познакомиться.

Для информации: живу я в самом центре столицы, на «семи автомобильных дымах» — на Садовой Кудринской улице... Жена, которая тоже хотела принять участие во встрече, подъехала к дому — была на приёме у врача, — когда мы с Поповым уже сидели за столом и под горячую картошечку с огурцами (на селедку, украшенную кольцами репчатого лука, политую подсолнечным маслом, нынешним художникам слова не всегда удаётся заработать) и обсуждали животрепещущие вопросы типа: повлияет ли гнев Обамы на урожай кукурузы в Краснодарском крае и выдают ли в карательных батальонах Коломойского национальный украинский продукт — сало, чтобы мюриды олигарха могли смазывать себе пятки и драпать с ещё большей скоростью? В общем, шёл обычный кухонный треп, очень типичный для московских семей.

Машину моя жена Марина поставила под домом, на краю парковочной разметки — на тротуаре, там, где она ставила её и десять лет назад, и двадцать, — и ни у кого никогда не счёт законности этого действия вопросов не возникало.

На платной же разметке ни одного свободного места не было, хотя уплачено было нами за это отличное удобство три тысячи рублей, во дворе дома, куда «посторонним въезд запрещён», тоже места не было, так что пришлось довольствоваться «откидным креслом» — поставить авто рядом с парковкой.

Единственное, на что Марина не обратила внимания, — у соседнего дома появился новый знак, поскольку видна была только его изнанка, а знак этот был очень грозный, воспелый штатными юмористами, как и знаменитый «кирпич» — «крест» или «Три 27» — прозван так по номеру, который закреплён за ним официально. Раньше этого знака тут не было, он возник словно бы по мановению дурной палочки, как мухомор в саду. Правда, действие знака «Три 27» на тротуар не распространяется, только на проезжую часть, для того чтобы он влиял на тротуар, его должны подкреплять своей «властью» так называемые знаки дополнительной информации. Их не было.

И тем не менее стоило только Марине войти в дом и поздороваться с гостем, как к машине тут же подкатил зелёный эвакуатор, подцепил несчастный автомобиль на крюк и увол «куда надо».

Когда через двадцать минут Марина вышла из дома — машины уже не было. Пятиминутное онемение, боль

в висках, рябь в воздухе, медный гуд в затылке... Немного придя в себя, она начала звонить в полицию. Выяснилось, что машину увезли в проезд Дубовой роши.

Взяв деньги, Марина поспешно помчалась туда. Забыла и про гостя, и про меня — про всё. Даже про мобильный телефон — оставила его дома.

У нас однажды такое уже было — точно так же забрали машину. Марине понадобился ровно час, чтобы уплатить штраф и забрать её. Думалось, что сейчас будет точно так же.

с лишним часов. Всё время на ногах. Если уж создали службу «автомобильного отстоя», приносящего Департаменту транспорта и развития дорожно-транспортной инфраструктуры Москвы немалые, как я разумею, деньги, то хотя бы побеспокоились о людях, которые платят эти деньги в кассу.

Люди стоят по пять-шесть-семь часов на ногах, на ветру, на солнце и дожде, стоят днём, ночью, утром, волнуются, из очереди не уходят, боясь её потерять, некоторым делается плохо.

ми расставаться не желают... — В своей исключительной правоте он был убеждён всецело, как, наверное, и в своей исключительности. Мы поинтересовались протоколом Госавтоинспекции, который обычно составляют, когда увозят автомобиль. Такого протокола не было. Как не было и других бумаг, положенных, думаю, в таких случаях. Решение о принудительной эвакуации принимает один человек, транспортировкой занимается другой, а протоколы и штрафы выписывает третий. Оты-

— Телефон пресс-службы узнать можно? — спросил я у Тумасяна. — На стене!

В бумагах, показательно прикрепленных к стенке здешней конторки, такая служба не значилась. Были телефоны других подразделений МАДИ, были даже телефон правительства Москвы и адрес администрации президента, но только не тех, с кем можно обсудить то, чего не знает Тумасян. — Как же найти пресс-службу? — Позвоните дежурному офицеру, — отчеканил Тумасян.

Вот так — офицеру. Может, у МАДИ и артиллерия своя найдётся, 76-миллиметровки на резиновом ходу, чтобы стрелять по ускользающим от рук «офицеров» автомобилям?

Все телефоны, указанные в настенных бумагах, были мобильные, ни один из них, сколько ни звонили, не ответил. Так что узнать, есть ли пресс-служба в МАДИ или это выдумка Тумасяна и что за «офицер» принял решение об эвакуации машины с Садовой Кудринской, узнать не удалось.

— Если вы с чем-то не согласны — можете подавать в суд, — заявил на прощание Тумасян.

Он был психологом — вряд ли кто из тех, кто топчется сейчас на ночном ветре в проезде Дубовой роши, думает об иске — даже если стопроцентно прав. Подать в суд — значит, вновь пережить психологически тот ужас, который уже пережит. Нет, скорее бы забрать свою машину и — домой, домой!

Мы с Поповым начали спрашивать, у кого за что арестовали машину? У руководителя станции по ремонту автомобилей Павла «железного друга» взяли на улице Правды, в месте, где запрещающими знаками даже не пахло. Специалист по компьютерной технике Александр припарковал машину на Большой Пироговской улице, где всегда была разрешена стоянка, на разметке, но вдруг оказалось — появился знак, разрешающий парковку только по нечётным числам. Электромонтёр Павел поставил машину на улице Грекова в месте, где «крест» не был виден совершенно, его просто засунули под дерево, ветки которого надёжно прикрыл и знак. И так далее.

Коммерческий директор одной из фирм Сергей получил машину из отстойника с оторванной заглушкой домкрата под днищем и был очень расстроен — авто после этого придётся чинить...

У всех, кто стоял в ту ночь у ворот «крепости», нарушения были мелкие и у всех на языке вертелся один вопрос: — Ну взяли бы штраф. Раз допущено нарушение, оплатили бы безоговорочно, но зачем угонять машину неведомо куда и тем более корёжить её?

Кстати, штраф — три тысячи рублей, а вот такса за то, что твою машину эвакуировали насильно (попросту

угнали), может быть, даже покорёжили и её надо отремонтировать, — пять и семь тысяч рублей. Эвакуаторским промыслом занимается целая армия — более трёхсот машин, люди, обслуживающие их, желают есть и пить вкусно. Каждый день их надо обеспечивать работой, совать в рот сардельку с маслом, а в руку — бутерброд с малосольной сёмгой. Вот и требуют эвакуаторы всех подряд, без разбора, вот и расставляют на тротуарах знаки, не всегда будучи знакомыми с их точным предназначением.

Когда-то был популярен анекдот: в Грузии женится молодой сотрудник ГАИ, лейтенант, так начальник на свадьбе говорит ему:

— Вручаю тебе самый дорогой подарок, что есть у нас в ГАИ, — и вручает знак ограничения скорости до двадцати километров. Добавляет виновато: — Извини только, что могу дать тебе знак лишь на один день.

За какое дело чиновная публика у нас ни возмётся — обязательно перерегнёт палку, а то и сломаёт её. Дадно бы палку — иногда ломает целое дерево. При случае и железный столб завалить может. Одного только не видят эти люди, не ощущают меру, не хотят узнать — как отнесится к этим нововведениям народ?

Я — за то, чтобы расчистить Москву, облагородить её, навести порядок, но при этом надо соблюдать чувство меры и справедливости.

Донельзя устала, разбитая, моя супруга подписала все протоколы, которые ей подсунили господа инспекторы и ночью (уже перешедшей в следующий день) покинула проезд Дубовой роши. Днём жене стало плохо. Давление, которое было у неё всегда пониженным, взлетело до небес.

В голову невольно приходит мысль, что именно сейчас, в нынешние дни и годы, мы в полной мере пожинаем плоды перестройки, затеянной когда-то Горбачёвым. Раньше в результате этой необдуманной «перелетки» кривыми у людей сделались только руки, сейчас кривыми стали, похоже, и души. Поступило, выросло новое поколение людей, которые никогда никого и ничего не пожелают, это у них уже вживилось в кровь...

...Мой питерский гость Валерий Попов только удивлялся, глядя на происходящее да удручённо качал головой.

В конце концов произнёс: — У нас в Питере такого нет и никогда не будет.

И слава богу. Ну а новоспечённый знак, из-под которого уволокли машину моей жены, сняли через несколько дней — очень уж нелеп он был. Деньги же, естественно, не вернули.

ВАЛЕРИЙ ПОВОЛЯЕВ

Водитель, блокируя работу эвакуатора, почти сутки просидел в своей машине

Прошёл час — жены нет. Прошло два часа — жены также нет. И вестей от неё никаких нет — безтелефонная же! Прошло четыре часа — та же самая картина. Все звонки в проезд Дубовой роши ничего не дали — там она не появлялась. Холод мёртво застрял в груди. Навсегда, кажется, застрял... Что случилось, куда пропал человек? К поискам подключился мой старый товарищ, полковник внутренней службы, главный редактор одного из журналов МВД Генерий Попов.

Уже ночью мы появились в проезде Дубовой роши, 7а. У железных ворот толпился народ, не менее пятидесяти человек — самые несчастные на свете люди, которые в этот день потеряли своих «железных друзей». И в самой голове очереди, почти около двери, врезанной в забор, находилась моя жена. Живая. Замёрзшая. Провела она в очереди уже пять

Нет кулера. Нет туалета. Если иного хвораго старика прижмёт боль или начнёт лопаться мочевого пузыря, — некуда сходить, кроме улицы и видных со всех сторон углов.

Отношение здесь к людям, как к осуждённым в зоне.

Впрочем, судя по интонации, с которой говорил с нами один из сотрудников этой конторы-новодела, ночная толпа за железными воротами и есть осуждённые. Только справедливы ли суд?

Когда я увидел живую (точнее, полуживую) жену, обрадовался страшно. Оформляли штрафы за насильно угнанные автомобили два человека, так называемые инспектора, Тумасян и Кокорев. Тот, который был постарше, в основном молчал, а вот молодой недолго ворчал в адрес клиентов: — Отнимают время, качают права, хотят что-то доказать, с деньга-

скасть бедную истину невозможно. Если что-то не состыкувается, Иван кивает на невидимого Петра — это он, дескать, принимал решение, — а невидимый Пётр на ещё более невидимого Фёдора.

Тумасяну наконец надоело беседовать с нами и он заявил безапелляционным тоном:

— Все остальные вопросы — к пресс-службе МАДИ.

МАДИ — это родная матушка автоотстойников, Московская административная дорожная инспекция. Этаким беспогонный аналог ГАИ, только аналог более безграмотный, более нахрапистый и с аппетитом куда большим, чем у ГАИ, создан, как я понял, только в этом году. Но нагородить за несколько месяцев беспогонники сумели, как считает автомобильный люд, много больше, чем ГАИ за последние тридцать лет.

ПОСТФАКТУМ

Сопереживающие

В судопроизводстве против личности всегда действует «триумvirат бессудных» — это следователь, которому надо показать свою работу; это прокурор, который просит суд наказать подсудимого как можно строже; это сам суд, который выносит почти всегда обвинительный приговор. И только один участник процесса всегда страдает попавшему под эти жернова человеку — это адвокат.

В этом году российской адвокатуре исполнится 150 лет. 20 ноября 1864 года были приняты Судебные уставы, утверждающие принципы бессословности, гласность судопроизводства и самостоятельность судебного процесса. В честь этого события Федеральная палата адвокатов России устроила торжественный приём в Галерее искусств Зураба Церетели. 28 октября здесь собрался цвет отечественной адвокатуры: президент Адвокатской палаты Москвы Генри Резник, президент Адвокатской палаты Московской области Алексей Галоганов, президенты ряда областных адвокатских палат, а также известные заслуженные адвокаты.

Судебная реформа 1864 г. создала и новый суд, и новую систему правоохранительных органов, и новое представление о законности и правосудии. Сохранился ли дух той присяжной адвокатуры в нынешнем адвокатском сообществе? Вот как ответил на этот вопрос президент Федеральной палаты адвокатов России Евгений Семенов:

— Адвокатское сообщество России бережно поддерживает ту высокую нравственную планку, которую задали отцы-основатели присяжной адвокатуры ещё в XIX веке. Помощь оступившемуся, защита его прав и свобод, бескомпромиссное сражение в судебном процессе против аргументов следствия и прокуратуры — это и сейчас отличает многих наших коллег. Адвокат всем сердцем сопереживает униженным и оскорблённым и стремится облегчить их участь. И сейчас суды зачастую прислушиваются к адвокатам и воспринимают их мнение, чему свидетельством уменьшение сроков осуждения и оправдание невиновных, которые на потребу низменным интересам определённых слоёв общества становятся гонимыми и осуждаемыми.

ИГОРЬ НЕХАМЕС

16 ноября,
воскресенье

"30+30"

Юбилейный вечер
ЮРИЯ ПОЛЯКОВА

Поздравления писателей, поэтов,
артистов, музыкантов

Презентация двухтомника «Ю. Поляков. Интервью 1985-2014 гг.»
(издательство АСТ)

Премьера нового художественного фильма
«НЕБО ПАДШИХ» по одноимённой повести
Режиссёр – Валентин ДОНСКОВ
(«АКМ», 2014)

Начало в 17 часов
Большой зал

ТОЧКА ЗРЕНИЯ

Неженское это дело

Привычная ситуация — «стрелочник виноват». В данном случае — водитель снегоуборщика. Ошибка несистемная. А вот если виноваты диспетчеры, руководство инженерной службы, либо тот, кто организует всю работу аэродрома, тогда уже речь можно вести о системном сбое, констатировать бардак в авиации и призывать к ответу тех, кому есть что терять. Что, как вы понимаете, маложелательно...

Известно, что по делу о разбившемся «Фальконе» и гибели главы французской компании TOTAL Кристофа де Маржери следствием были задержаны (не считая водителя Владимира Мартыненко) инженер аэродромной службы Владимир Леденев, руководитель полётов Роман Дунаев, диспетчер-стажёр Светлана Кривсун и диспетчер Александр Круглов. Первый руководил снегоуборкой, а остальные управляли воздушным движением. Через два дня последовал ряд отставок в руководящем звене аэропорта, между тем авиадиспетчеры проявили стойкость и даже потребовали от Следственного комитета освободить своих коллег.

Один из внуковских авиадиспетчеров, он же сопредседатель профсоюза, Фарит Тагетдинов в недавнем интервью звал к состраданию: девочка, стажёр-диспетчер, не выдержала натиска дознавателей и буквально упала без чувств... На авиадиспетчерах, контролирующих пролёт самолётов по воздушным коридорам, и особенно диспетчерах на подходе и на вышке, которые руководят рулением, взлётом и посадкой,

лежит предельная ответственность. При интенсивном воздушном движении, когда в небе настоящий слоёный пирог, диспетчер на подходе может координировать действия десяти — пятнадцати судов одновременно. Потому-то часто и берут на эту работу отставных пилотов: они, что называется, собственной шкурой чувствуют, что там, в небе, происходит. Понимают динамику полёта не только в теории, знают, как развести борты или увести в зону ожидания, что делать при тех или иных форс-мажорах.

А лётчик — профессия неженская. Женская физиология переменчива. Есть, конечно же, дамы героические — и коня, и в избу... но они всё же исключение (пол называли слабым неслучайно, хотя кому-то и нравятся мифы о племени амазонок), и в силу этой исключительности не обременяют стабильного, нужного в подобных профессиях психофизического и психоэмоционального мейнстрима.

В нашей стране женщины присутствовали в диспетчерской службе и раньше. Правда, редко, и не на подходе, конечно же. В начале 80-х, по окончании вуза, мне случилось летать на транспортных бортах в «полуденные страны» в качестве бортрадиста. До сих пор помню ночные голоса в эфире над Термезом. «Кабуль, Кабуль — Душанбе...» — будиль чьё-то воображение женский голос, чтобы сообщить какую-то информацию по навигации. А с другой стороны в ответ несло уже мужское, с придыханием, пронизанное нежностью ночи — «Душанбе-е, Душанбе-е-е, Кабуль... Душанбе-е, Душанбе-е-е, Кабуль...»

Меня это удивило — женщины в пункте наземного контроля. А в экипаже решили: поставили, видимо, для налаживания отношений. Это допустимо в каких-то вариантах. Но не на подходе, не на взлёте и посадке...

А однажды десять лет спустя дрессировщик в цирке на Цветном бульваре объяснил мне, почему лошадей он не дрессирует в смешанном составе. Да потому что работы не будет. В воздушном движении порой тоже случается такой экстрим, что и мужику с мушкетером взаимодействовать сложно, а в разнополной ситуации — вообще жди бардака. Это только в голливудском кино боевые девушки с преданными им юншами способны противостоять любым чертам, но мы-то знаем, что нет ничего более далёкого от правды, чем голливудское кино.

В каких-то особо героических ситуациях дам представить, конечно, можно — хоть Жанну д'Арк, хоть боярыню Морозову. Были ещё и «летающие ведьмы» на поликарповском биплане — но и они исключение (тут важно было пропагандистское воздействие на тех же мужиков оказать, чтобы героический тонус им поднять), и самолёт был простой и тиходонный...

Женщину в президенты, пожалуй, нет, но есть ряд профессий, где им нечего делать в силу самого божественного промысла. Это же просто — как «инь» и «янь». Тренд в сторону феминизма, возможно, был бы и неплох, но давайте для начала вернём женщинам их природные свойства — великодушие и женственность. И не на это ли и следует их нацеливать в конце концов?

ГЕННАДИЙ СТАРОСТЕНКО

«Ты останешься всё тем же романтиком, всё тем же безумцем, который продолжал своё дерзновенное плавание в бурных водах жизни...»

Из приветствия Сильвы Капукян к семидесятилетию Зория Балаяна

Время многообразно впечаталось в биографию писателя. Название одного его рассказа — «Тропами детства» — вроде могло бы настроить на идиллический лад, однако в первых же строках читаешь:

«Рос я без отца и матери. Первые два года войны ходил в детский сад. Помнится, как мы не любили спать днём и всяческими путями старались увильнуть от раскладушки. Может, поэтому мне хорошо запомнилось, как трижды за первые два года войны меня освобождали от дневного сна. Первый раз я с радостью побежал домой... Потом я уже знал, что раз отпускают, значит, дома несчастье. Пришла очередная похоронка».

И вспоминаешь другого человека (в ту пору тоже мальчика, только постарше). Чингиз Айтматов уже сам разносил эти «чёрные бумаги», которые, как он впоследствии пишет, «приходили... всё чаще» в далёкий киргизский аил.

Но на этом сходство детских «троп» не кончается, у обоих были арестованы и расстреляны отцы.

«Отец, я не знаю, где ты похоронен», — сказано в посвящении одной из первых айтматовских повестей.

«Я не знаю ни места гибели отца, ни точной даты, ни где находится могила», — писал и Зорий Балаян.

А мать его, Гоар, была оторвана от детей и как пресловутый ЧСИР — член семьи изменника родины — сослана. Жила в Средней Азии, в Анджане.

Мальчик с детства мечтал о море, но сына «врага народа» под каким-то предлогом отчислили из военно-морского училища.

Спустя несколько лет романтический (несмотря ни на что!) настрой души пробудил выпускника Рязанского медицинского института устремиться по другому продиктованному эпохой «маршруту»: после легендарных арктических экспедиций 20–30-х годов, походов «Красина», «Сибирякова», «Седова», эпопей папанинской четвёрки, перелётов Чкалова и Громова многих потянуло на Дальний Север. «Курс на берег недружелюбный...» — гремело с киноэкранов.

И Зорий Балаян выбрал местом работы труднообитаемую Камчатку, где многое надо было начинать с нуля, как скажет он позже о местном сельском хозяйстве, а одним-единственным медиком долгое время был на весь огромный полуостров (длиной в тысячу с лишним и шириною без малого в пятьсот километров) фельдшер Лукашевский.

Если в 30-е годы тема покорения Севера, по обиходному выражению тех лет, была привлекательна (хотя кроме книги рассказов Бориса Горбатова, особых художественных удач и не припомнишь), то громада событий Великой Отечественной войны её заметно потеснила.

По сравнению со своими предшественниками на этой стезе у З. Балаяна есть важное преимущество — десятилетие не только оседлой жизни на Камчатке, но и обильной врачебной практики, требовавшей постоянных разведов буквально повсюду и позволявшей становиться свидетелем, а то и активным, особенно в силу характера, участником разнообразнейших событий, знакомиться и сходить с великим множеством людей.

Вместе с друзьями, которыми всю жизнь обростал, предпринял труднейшую экспедицию по тому же пути, каким зимой 1923 года прошёл через весь полуостров отряд красноармейцев и присоединившихся к ним партизан, не только преследуя (а в конце концов полностью уничтожив) белобандитскую шайку, обиравшую жителей, и окончательно установившая советскую власть, но и делая подробнейшие записи обо всех населённых пунктах, «о местности, погоде, даже о глу-

бине снежного покрова», как восторженно и благодарно напишет З. Балаян об этих чубаровцах (по имени их командира, увы, погибшего в годы сталинского террора) в книге «Ледовый путь».

Цель шедших по их следам была двоякой — и, в свою очередь, собрать материал о сегоднешней Камчатке, и воскресить память о своих предшественниках, по преимуществу молодых («им было по двадцать»), не привычных к суровому климату, к езде на нартах, когда нередко приходилось самим идти впереди, утаптывая путь собакам...

Зорий Балаян настолько обжился в новом «доме», что мать и жена каждая на свой лад позже ревниво вопрошали: «...Не отняла ли Камчатка у тебя всё армянское, всё карабахское?»

Однако оно («всё армянское, всё карабахское») даже во время «ледового похода» настойчиво напоминало о себе — уже судьбой одного из чубаровцев: несколько слов о том, как Баграт попал на Камчатку. «Ему не было и тридцати, когда османские турки, привязав его к подпорке дома, убили всю семью. Варвары подожгли армянскую деревню, оставив один-единственный дом, в котором находились Баграт и его убитые дети, жена, мать, отец».

Эта страшная история потом эхом отзовется в персонажах других произведений писателя.

Вернёмся, однако, к Баграту, на Камчатку, где он оказался в Гражданскую войну. Когда установилась советская власть, он вскоре принялся выпекать дотоле не известный местному населению, корякам, хлеб, который они окрестили его именем — багратом.

«...Я подумал, — говорит герой повести З. Балаяна «Хлеб», в основу которой легла эта история, — что мы, армяне, оказавшись на чужбине, должны создать армянский очаг, маленькую Армению» (слова, которые не раз вспоминаешь, читая и другие его книги, персонажи которых тоже прижились и освоились в иных краях и странах).

Ещё с камчатских времён З. Балаян стал корреспондентом «Литературной газеты». По собственному литературному вопросу её позиция в пору брежневского застоя была вполне ортодоксальной и послушной, но вот в разделе публицистики нередко появлялись острые статьи по самым животрепещущим вопросам. Врачебный и прочий, уже достаточно богатый жизненный опыт, а также страстный темперамент, побуждающий камчатского сидельца, как одного из горьковских героев, одному помешать, другому помочь, позволили ему занять достойное место среди таких «активных штыков» редакции, как Евгений Богат, Александр Борин, Аркадий Вахсберг, Анатолий Рубинов...

Вспоминают, что по возвращении на родину в рабочем кабинете Балаяна стояли два стола с двумя пишущими машинками: «Должен писать ежедневно об Армении, но у меня есть и долг, даже долги перед Камчаткой», — пояснялось недоумевавшим.

С выплатой же этих долгов статьями, рассказами и повестями всё большее место и в творчестве, и в общественной деятельности писателя занимает «всё армянское, всё карабахское», тем более что проблем тут было пруд пруди! И общесоюзного, как тогда выражались, масштаба, вроде усиливавшегося алкоголизма и наркомании (наличие которой официально отрицалось), и порождённых специфическими особенностями и драматической историей именно родного края.

Герой повести «Хлеб» (в армянском варианте «Больш») в горькую минуту прооронил: «А моего народа, считай, уже нет на этой земле». Речь о том, что в обстановке Первой мировой войны Турция фактически уничтожила так называемую Турецкую Армению, устроив массовую резню, в которой погибло полтора миллиона человек и в том числе около семисот семидесяти писателей, художников, музыкантов (а чудом уцелевший великий композитор Комитас сошёл с ума).

З. Балаян не раз припомнит в своих кни-

гах тогдашний наказ крупнейшего турецкого политика Талаата: «Право армян жить на земле полностью отменено... Не оставлять в колыбели ни одного ребёнка... нам стало известно, что чиновники женятся на армянских женщинах, я это строго запрещаю и требую депортировать армянских женщин в пустыню...»

«Занятый» войною мир промолчал. В западной печати даже деловито прогнозировали: «Вероятно, через несколько лет об армянах будут говорить как об исчезнувшем народе» (наподобие ассирийцев и финикийцев).

Иные же, как говорится, на ус мотали. «Кто сейчас помнит об уничтожении армян?!» — скажет впоследствии Гитлер, замышляя истребление поляков и славян. З. Балаян напоминает и про трогательную заботу фюрера о могиле Талаата...

Счастье, что, оказавшись в составе Советского государства, Армения избежала новой турецкой экспансии, получила большую экономическую помощь и встала на ноги.

...Бурно шли в рост семена таких событий, которые тогда ещё можно было наблюдать только за рубежом: в раздираемом религиозными распрями Ливане на армян напали правые экстремисты. Похожее происходило также в Индии и Египте.

«Ливан: раны и надежды» назвал писатель свой очерк о поездке в Бейрут осенью 1978 года в качестве корреспондента «Литературной газеты». Вскоре он издал книгу «Между двух огней». Он увидел город, который ещё недавно был прозван «Вторым Парижем», «Средиземноморской жемужиной» и где теперь снайперы с крыш высотных домов стреляли по живым мишеням («Старик, женщина, ребёнок — всё равно»).

Нашедшие в Ливане приют после геноцида 1915 года армяне некогда установили памятник погибшим и в благодарность народу гостеприимной страны. Ныне его взорвали («Остался лишь скелет скульптуры»), а в правозащитной газете поместили портрет Талаата.

Сразу после своего создания армянская община принялась строить дома, школы, церкви, сажать деревья, первой в Ливане открыла театр — вообще всячески способствовала процветанию страны. И вот — «в который уже раз на своём веку беженцы?» — толпятся люди у иностранных посольств, уезжают тысячами...

И каким контрастом выглядела написанная в том же году книга З. Балаяна «Очаг», ставшая итогом своеобразной многомесячной экспедиции уже не по дальней Камчатке, а по родному краю. Автор окрестил своё путешествие «Возрождением», видя в жизни республики буквально воскрешение народа после геноцида, который, как подчёркивает писатель, отнюдь не сводился только к чудовищному всплеску 1915 года, а в течение долгих десятилетий «был возведён в ранг государственной политики» Турции.

Перемены, произошедшие в советской Армении, вовсе не похожи на то, как в одном эпизоде путешествия «одним-единственным рынком трактор вытаскил газик из ямы!» Десятилетия напряжённейшего труда потребовались, чтобы на месте могил и пепелищ возник, по выражению писателя, «настоящий, обновлённый армянский очаг», чтобы из семисот тысяч сирот и обездоленных выросла почти четырёхмиллионная страна, где каждый год справляли тридцать тысяч свадеб и рождался семьдесят тысяч детей.

Говоря о достижениях маленькой респу-

блики, Зорий Балаян замечает при этом, что «пора лирическое, набившее оскомину определение «солнечная Армения» употреблять с некоторыми оговорками».

«Можно ещё позволить себе сказать «солнечная Араратская долина», но никак нельзя то же самое сказать о всей республике», — пишет он, рассказывая о своём путешествии «по зиме»... в мае в высокогорном Гукасянском районе, где «практически ничего не растёт и не цветёт»: «крохотная деревушка, утопающая в снегу и грязи. Ни одного дерева. Такие посёлки я видел лишь на Крайнем Севере в зоне вечной мерзлоты».

книге не обойдены вниманием ни доярка с «натруженными руками» Седа Есян (в нынешней же публицистике ни скотиницы, ни тракториста с комбайнёром днём с огнём не сыщешь!), ни Николай Насибян, сделавший свою последнюю хирургическую операцию в глухих горах, куда он, умирающий, добрался лишь на носилках, ни сын его, тоже врач районной больницы.

А главное — никакие сопровождающие, ничья «опека» не мешают ему увидеть и запечатлеть ни вышеупомянутую бедную некаждённым Ленинградом, а закончил дважды Героем Советского Союза, совершив неза-

в колонну вражеских танков, и об Артавазде Адамяне, вытерпевшем в плену пытки раскалённым прутом со звездой на конце.

С гордостью напоминает он, что одним из легендарных защитников Брестской крепости стал его соплеменник Самвел Матевосян. Зорий Балаян стал и одним из вступившихся за Матевосяна, когда тот сделался жертвой клеветы.

Пространный очерк «Крылья» рассказывает о лётчике Нельсоне Степаняне, который начал свой боевой путь под осаждённым Ленинградом, а закончил дважды Героем Советского Союза, совершив неза-

бываемый подвиг под Либавой: «...Поняв, что горящий ИЛ-2 невозможно посадить на своей территории, он сделал резкий разворот и врезался в расположение транспортов противника», — говорится в одном из документов Архива Министерства обороны.

В собрание сочинений писателя «Крылья» входят в раздел «Портреты», это в самом деле портрет. И всё же наибольшие удачи З. Балаяна в этом жанре или роде иные.

По уже известным читателю причинам в детстве самым близким мальчику человеком оказался дед Маркос. Неудивительно, что он и стал впоследствии первой «моделью» молодого литератора, в данном случае — портретиста.

Литература богата фигурами подобных стариков с их уроками внукам, да и всем окружающим, преподавшими не столько словами, сколько всем образом жизни, будничным поведением и поступками, отношением к миру, природе, людям. Маркос — ещё одно примечательное лицо в этом трогательном иконостасе. Уже заголовок повести «Мой дед резал хлеб стоя» говорит об органическом уважении героя к плодам человеческого труда, подлинной твердны его взгляда на мир и жизнь, когда, по его убеждению, днём «мужчина может лежать только в гробу».

Если дед как бы невольно «позировал» будущему портретисту, то с родителями было куда сложнее. Об отце остались лишь самые смутные воспоминания «...Как раз в день моего двухлетия прикатил... «чёрный ворон».

Школьником мальчик любил перелистывать и рассматривать учебники старших классов, где «можно было найти портреты с выколотыми глазами, пририсованными рогами или усами», думал увидеть там и отца, тоже, как эти люди, объявленного «врагом народа».

«...Когда маму этапом отправили в Сибирь, я учился в первом классе. Когда она вернулась — в десятом, — пишет сын. — Всю жизнь мама молчала, скрывала от своих сыновей то, что терзало её душу из года в год, изо дня в день». Молчала, не только щадя их, но и не слишком веря политической «погоде», когда подкрадывалась и почти уже в дверь стучалась ресталинизация.

Зорий Балаян напоминает сказанное великим армянским поэтом Чаренцом: «Всё превращается в пепел и золу. Всё, кроме памяти».

Так и из воспоминаний Гоар и знакомых, уцелевших писем и документов (порой — «клочков бумаги, исписанных карандашом») стал постепенно складываться отцовский образ, фигура самостоятельно мыслившего человека, не просто страстно занятого своим делом (был наркомом просвещения Нагорно-Карабахской автономной области), но тревожно задумывавшегося и о правомерности огульной антирелигиозной пропаганды, закрытия и разрушения храмов, расправ со священниками, и о судьбе всего

огромного государства (ища ответа в истории былых империй), и о разразившемся вокруг страхе...

Выше упоминалось о сходстве биографий Зория Балаяна и Чингиза Айтматова. Этот «сюжет» завершился уже совсем в недавние годы, когда обоим удалось отыскать десятилетиями оставшиеся неизвестными места гибели Торекула Айтматова и Гайка Балаяна и наконец-то со всеми почестями предать их прах земле.

Автор повести «Без права на смерть» признаётся на её страницах, что, казалось, он никогда не завершит её: столько нового и подчас неожиданных открывалось в биографиях главных героев, Гоар и Гайка... И буквально врывалось, вламывалось в повествование пережитое уже в самую последнюю пору жизни матери — годы перестройки, развал СССР и — Спитак!

Этому чудовищной силы землетрясению посвящена книга Зория Балаяна «Противостояние», которую читать больно: «В развалинах мы насчитали более ста школьных портфелей. Пионерские галстуки, книги, тетради... К нам подошёл человек лет тридцати. Разговорились. Узнали, что его сыншиха погиб в этой самой школе. Почти все дети погибли, сказал он... Пятьдесят сёл погибло полностью».

Счастье, что в эти горестные дни зримо проявлялись соседские сочувствие и помощь. Автор записал благодарные слова пострадавших: «...Если бы не грузины, то неизвестно, что было бы с нами... дай Бог долгой жизни грузинам... Палатки — это грузины. Вода минеральная — грузины. Хлеб — это грузины. И всех наших раненых перевезли в Грузию».

А вот происшедшее в конце XX века в Карабахе, Азербайджане и Армении хоть и объясняется (а то и оправдывается!) политикой, но на непредубеждённый взгляд кажется каким-то неестественным, неподобающим (впрочем, как и многие другие межнациональные конфликты в стране и мире):

«Земля — это тело, — говорится в сочинении, написанном в 1999 году четырнадцатилетней школьницей. — Представьте себе, что одна рука пошла войной на другую, селезёнка захватила печеньку и желудок, и они перебили друг друга...»

В книге «Очаг» упоминалось о таком природном явлении в одном из районов Армении, которое можно определить фразой «Земля уходит из-под ног»: «Земля здесь многослойна. Один из слоёв — глина, которая не пропускает влагу. Родниковые и талые воды, разными путями дойдя до этого слоя, образуют над ним водную плёнку. Всё, что лежит над этой плёнкой, рано или поздно начинает ползти, дрейфовать... Люди с неохотой вспоминают, этот, как они называют, «жуткий миг». Это тот самый миг, когда появляется первый «штрих». То тонкая паутинобразная трещина в стене, то пол отходит от стены, то сыплется штукатурка с потолка. А потом всё начинает ползти».

Не собираясь скрупулёзно проводить параллели между этим явлением и событиями в Нагорном Карабахе, можно, однако, сказать, что и там долго шло такое, по выражению З. Балаяна, «замедленное землетрясение», пока не грянуло уже настоящее.

После драматических, повергающих в нелёгкие размышления страниц о судьбе Нагорного Карабаха особенно отродно отправиться вслед за автором в одно из его многочисленных странствий, которым посвящены как вышеупомянутые «Ледовый поход» и «Голубые дороги», так и «Дорога» (о поездке по Америке) и, наконец, объединённые под названием «Хождение по семи морям», а также «Путешествие через два экватора» и другие.

Названия книг, о которых пойдёт речь — «Моя Киликия», «Киликия — путь к океану» и «Киликия — возвращение» (они помещены в шестом томе), — возможно, вызовут у небольшого числа читателей лишь самое глухое воспоминание о некоей исторической дали, памятной лишь по давнему учебнику. А ведь многострадальный армянский народ знал иные, лучшие времена, в особенности

в пору осуществления и даже процветания образовавшегося в 1080 году Киликийского государства.

Оно обладало тридцатью портами и мощным (до тысячи судов) флотом, на равных общалось с Венецией и Генуей.

Увидев в 2002 году в Ереване корабль, сооружавший группой энтузиастов по сохранившимся описаниям его «предков» XI–XIV веков, Зорий Балаян стал активнейшим образом участвовать в судьбе этого парусника, получившего имя «Киликия», на нём же и поплыл вокруг Европы.

Вспоминая слова героя повести «Хлеб», что даже на чужбине надо создавать «маленькую Армению», можно сказать, что «Киликия» обошла множество таких Армений. Страстным желанием рассказать о них были проникнуты и более ранние книги Зория Балаяна — и «Командировка в горячую точку», и «Дорога» (о жизни и деятельности североамериканского и канадского «спюрка» — рассеянных по свету армян). Теперь перед ним открылись новые горизонты.

В «маленьких Армениях» сохранился сам дух народа, берегались его язык, трудолюбие, культура, историческая память. А в «иконостасе» последней высились такие фигуры, как создатель армянского алфавита Месроп Маштоц, замечательный путешественник Мартирос Ерзнкаци (быть может, ставший одним из спутников Колумба), просветитель, глава религиозного движения Мхитар Себастьян, поэт, историк, энциклопедист Гевонд Алишан...

Писатель справедливо озабочен тем, как мало известно о культурных заслугах армянских «островков». Даже в самой Армении не знают о роли соплеменников в деле спасения и сохранения знаменитого Спаса Нерукотворного, предположительно прижитенного портрета Иисуса Христа (ныне находится в Генуе). Поразительна и рассказанная ещё в «Дороге» история: в кровавую пору турецкого геноцида две беженки-армянки, потеряв родных, близких, собственных детей, вынесли по каменистым горным тропам уникальную двухпудовую старинную книгу, разделив её попалам и добравшись с ней одна в Ереван, другая — в Тифлис. Увы, подвижницы остались безымянными.

«Путешествие через два экватора» — так назвал З. Балаян первый из очерков о проделанной на яхте «Армения» кругосветке, как с ласковой фамильярностью именует то, что издавна было его мечтой и к чему годами, исподволь... готовился — хотел я написать, но тут напрашивается ещё слово — подбирался, хотя и оно не исчерпывает всей сложности, «многосоставности» мыслей, чувств, переживаний человека, ощутившего подобную тягу — к путешествиям вокруг света.

И всё же самое «сердце» книги, её пафос в инном. «У меня накопилось целое море интересных данных (лучшее ли здесь слово?! — **А.Т.**) о наших соотечественниках. Так что не знаю, как я выкарабкаюсь на берег этого самого моря», — и радуется, и тревожится писатель.

Сочинения Зория Балаяна не просто интересно, занимательно читать. В них звучит некая общая, объединяющая и драгоценная нота.

В «Моей Киликии» упоминается о том, что архитектор Александр Таманян мечтал застроить армянскую столицу таким образом, чтобы «со всех улиц, со всех перекрёстков, из всех домов» была видна священная гора Арарат.

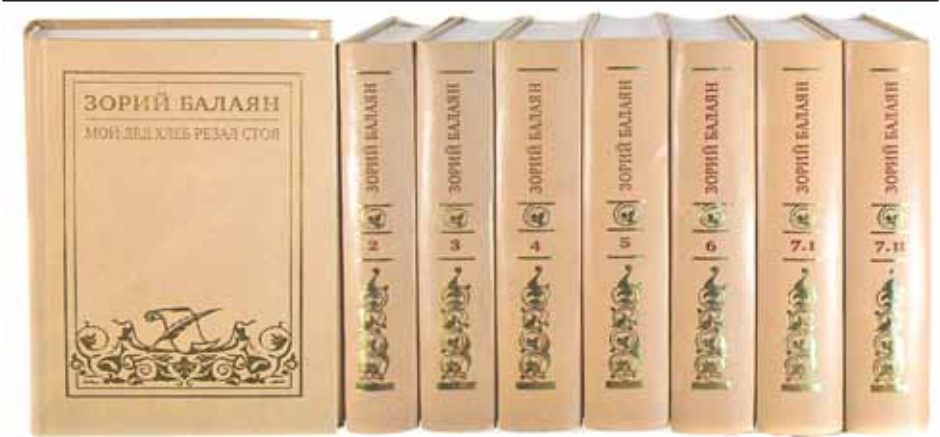
Быть может, читатель не упрекнёт меня в особенном преувеличении, если сказать, что при всей пестроте тем и сюжетов в книгах Зория Балаяна тоже — «со всех перекрёстков, со всех улиц» — открывается свой «Арарат» — история народа, любимая страна в её прошлом и настоящем.

Андрей Турков, лауреат премии им. Антона Дельвига

Олег Ефимов

Балаян З.Г. Собрание сочинений. В 7-ми т., 8-ми кн. — М.: Художественная литература, 2010-2014. — 3000 экз.

Хочется специально задержать на этой картине внимание нынешнего читателя, который, может статья, ухмыльнётся, не раз и не два повстречав упоминания, что автор посещал разные предприятия, колхозы и прочие объекты то «вместе с первым секретарём Иджеванского райкома партии», то «с первым секретарём Ноемберянского райкома комсомола», то с «первым секретарём горкома партии», то «с первым секретарём Калининского райкома комсомола», то с «председателем Гукасянского райисполкома».

Ведь при всём «политесе» по отношению к этим «первым лицам» (среди которых, замечу, были и весьма интересные люди) в

следние годы сыграли всего одну свадьбу», а в школе на триста мест учатся чуть больше ста детей, ни проблемы, связанные с отходничеством или с обмелением знаменитого Севана, ни вред, причиняемый природой иными заводами («Идешь словно не по траве, а по сплошному цементу» и т.п.).

Среди тьмы персонажей книги «Очаг», как и во всём написанном Зорием Балаяном, много участников Великой Отечественной. В одном лишь Шамшадинском районе ему рассказали и об Агопе Адамяне, чьим именем на Украине названа высота, при штурме которой на геройски погиб, и о Саркисе Айрапетяне, на третий день войны врезавшемся со своим горящим самолётом

В нашем «Клубе 12 стульев» – увьи! – всё ещё продолжается ремонт. До некоторых старых рубрик и разделов руки ещё не дошли. Но вот недавнее приобретение: клуб в клубе – КЛАФ (клуб любителей афоризмов) под руководством Николая Казакова, знающего об афоризмах всё, решили не трогать. И перед вами – его ноябрьский выпуск на традиционном месте. А слева от него, в главной нашей комнате – бенефис всенародного любимца муз и

Усталость накапливается. Моральная, не говоря уже о физической. Я тут ночью не спал: коленка! Включаю телевизор. Идёт фильм «Трое в лодке, не считая собаки». Как раз тот момент, когда мы гонимся за сомом. Я стою в лодке, на мне стоит Андриюшка Миронов, а на Андриюшке – Державин. Я думаю: но это же было!

75, 85 и 100. Если это не талия и не бедра, то цифры очень подозрительны. Когда Бернарда Шоу спросили, почему он не справляет свои дни рождения, писатель ответил: «Зачем справлять дни, которые приближают тебя к смерти?» И действительно, что за праздники эти семидесяти- и восьмидесятилетия?

Это физиологическое ощущение – любить начальство, от которого зависишь. Не одни актёры грешат. Многие непримиримые журналисты резко меняются на очном приёме у высокого руководства. На печатных страницах и на экране они такие иронично-яростные, а при встрече... Я как актёр не могу этого не видеть: текста, конечно, никакого при этом не произносится и в глазах огонь, но поза выдаёт – выя склонённая.

У меня была в нашей компании кличка Маска. Очевидно, неслучайно. Просто в молодости я увлекался Бастером Китом из ранних американских фильмов и Анатолием Кторовым из настоящего МХАТа, которые пленяли меня каменностью лиц при любых актёрских переживаниях и сюжетных катаклизмах.

Внутри всё кипит и бушует, а на лице – маска. Очень удобная придумка. Я её взяла на вооружение в свои актёрские арсеналы. Не устаю повторять студентам, что четыре года театрального образования – это, помимо приобретения разных навыков, попытка понять, что ты можешь, что не можешь, что тебе идёт, что нет. Улыбаться – твоё. Сердиться – нет. Смеяться тебе идёт, но не в голос. И так далее. Отсюда складывается ампула, с которым тебе дальше работать. Его можно преодолевать, его можно ломать, но нельзя делать вид, что его не существует.

Ощущение, что таланту всё позволено и обаяние победит, иногда приводит к театральным катастрофам. Фёдор Михайлович Бурлацкий, известный американист, написал почти документальную пьесу «Бремя решений», где артисты Театра сатиры под руководством Плучека решали, бомбить Кубу или не бомбить. Андрей Миронов играл Кеннеди, Державин – Роберта Макнамарру, министра обороны, Юрий Васильев – брата Кеннеди, я – советника по печати президента Пьера Салинджера, Диденко – Фрэнка Синатру, Рая Этуш – Жака Кеннеди, Алёна Яковлева – Мэрилин Монро. Мы себе ни в чём не отказывали. Спектакль прошёл раз десять.

Наш незабвенный, штучный артист и человек Спартачок Мишулин исполнял в этой фантастической роли начальника американских штабов Томсона и не мог выговорить слова «бомбардировка». Державин советовал ему написать это слово на бумажке. И Спартак Васильевич в арифметической тетради для первого класса дочки Карины большими буквами вывел: «Бомбардировка». Он скатывал листок в трубочку и входил с ним в

Старость – это не когда что-то забываешь, а когда забываешь, где записал, чтобы не забыть

Овальный кабинет. Там он распрямлял листочек и по слогам читал: «Предлагаю начать борбан... банбар...» Весь Овальный кабинет отворачивался в судорогах. И вот очередной спектакль. Выходит Мишулин и произносит: «На понедельник... – тут все ждут мук с «бомбардировкой», – назначен бомбовый удар по Кубе».

Это уже было нам не под силу! А у Андрея – дальше текст, и он не в состоянии его произнести. Вдали сидит Владимир Петрович Ушаков, игравший будущего президента Соединённых Штатов Линдона Джонсона. Миронов ему: «Линдон, а вы что молчите?» Тот говорит: «А почему я? У меня вообще здесь текста нет».

Вышла замечательная рецензия на этот спектакль, после которой его и закрыли: «Вчера в Театре сатиры силами «Кабачка «13 стульев» был разрешён Карибский кризис».

Узнаваемость... Захожу как-то в лифт, за мной вскакивает здоровенный детина. И говорит: «Можно я с вами прокачусь? Вы знаете, моя бабушка была вашей поклонницей, правда, она умерла восемь лет назад. И тебе моя вас любит, но она сейчас в реанимации...»

Более пятидесяти лет я преподаю в родном Щукинском училище (ныне Театральный институт имени Щукина). После Этуша я самый старый педагог. Евгений Князев, нынешний ректор, в каком-то архиве отыскал приказ 1957 года о зачислении меня на кафедру пластической выразительности актёра. Глядя на мою сегодняшнюю комплекцию, трудно поверить, что тогда я преподавал фехтование и сценическое движение.

А получилось так. Замечательный артист Аркадий Немировский обучал нас фехтованию, будучи в прошлом чемпионом Москвы. Рубен Николаевич Симонов называл его «лучшим артистом среди шпажистов и лучшим шпажистом среди артистов». Аркадий поспорил с тогдашним ректором Борисом Закавой, ушёл в ГИТИС, и я его заменил. Так и началось.

Сейчас в Театре сатиры – два десятка моих выпускников-щукинцев. Я хороший педагог, терпеливый, не вредный. Лучше, что я делаю, я делаю в училище.

Многие студенты сегодня ничего не знают. На собеседовании мальчишка спрашивает: «Кто был Ленин?» Он отвечает: «Ленин был президентом». Да что там Ленин! Как-то в училище зашёл Юра Яковлев, который никогда там не преподавал. Он сидел, ожидая кого-то, в вестибюле, и вся эта шпана бегала, сметая его, задевая ногами. Я

масс Александра Ширвиндта. Он недавно выпустил в «КоЛибри», Азбуке Аттикус тиражом 10 тысяч экземпляров более чем 330-страничную книгу. Как вы понимаете, мы сразу бросились читать «Склероз, рассеянный по жизни». А потом решили познакомиться с частями «Лоскутного одеяла мыслишек» (так называется предисловие) читателей.

ЗАХАР ГУСТОМЫСЛОВ

Кстати, один-единственный раз видел Жириновского растерянным. На юбилее Говорухина. Станислав Сергеевич велел мне бегать по залу с микрофоном и спрашивать зрителей о юбиляре. Подошёл к Жириновскому и сказал: «Представьтесь, пожалуйста!» Он обалдел и тихо произнёс: «Меня все знают». – «Откуда?» – спросил я. И он растерялся. Ура!

В 1958 году у меня родился сын. Разочарование моё было безграничным: я хотел дочь! Я мечтал о дочери. Родители, жена, друзья, коллеги наперебой убеждали меня, что я идиот, что все прогрессивные отцы во все времена и у всех самых отсталых народов мечтали о сыновьях – продолжателях рода, дела, фамилии и так далее. Я вляю кивал и убивался. Наконец слух о моих терзаниях дошёл до Леонида Васильевича Маркова, и он призвал меня для разговора.

– Малыш, – сказал он, мягко похлопывая меня за плечи, – я слышал, что у тебя там что-то родилось?

– Да! Вот! – И я поведал ему о своих терзаниях. – Дурашка! Сколько тебе лет?

– Двадцать четыре. – Мило! Представь себе, что у тебя дочурка. Проходит каких-нибудь семнадцать лет, ты сидишь дома, уже несвежий, лысеющий Шурик, и ждёшь с Таточкой свою красавицу Фирру. А Фирры нет. Она пошла пройтись. Её нет в двенадцать, в час, в два. Ты то надеваешь, то снимаешь халатик, чтобы куда-нибудь бежать, и вдруг звонок в дверь. Вы с Таточкой бросаетесь открывать. На пороге стоит лучезарная, счастливая Фира, а за ней стою я! «Папа, – говорит она, – познакомься, это Лёня».

Ты втаскиваешь её в дом и в истерике визжишь всё, что ты обо мне знаешь и думаешь! «Папочка, – говорит она, – ты ничего не понимаешь: я его люблю». И я вхожу в твой дом. Малыш, тебе это надо?

С тех пор я хочу только сыновей. Мы с шефскими концертами ездили по стройкам, воинским частям, колхозам. В актёрской бригаде был артист Аркадий Вовси. И вот картина: мы отработали концерт, на сцену поднимается какой-нибудь замполит или председатель колхоза и начинает нас благодарить за прекрасное выступление. Вовси с его лёгкой руки превращается то в После, то в Пржедре. А со мной он вообще не может справиться, так как не в силах осознать, что в фамилии могут быть три согласных подряд, и облегчённо произносит – «Ширвинут». Ещё встречались Ширвин, Шервал, Ширман и Шифрин. Имелось даже штук пять неприличных вариантов моей фамилии, но о них не буду из скромности. Мишка Державин всегда злорадно торжествовал. Но спустя много лет мы с ним были в военном госпитале под Ашхабадом, выступали перед ребятами-афганцами. И там на большой палатке типа клуба (она же – столовая) висела бумажка: «У нас сегодня в гостях известные артисты Дарвин и Ровенглот».

Ну а Ровенглот – это понятно, но что-бы Мишка – Дарвин! Перебор!

Мы с шефскими концертами ездили по стройкам, воинским частям, колхозам. В актёрской бригаде был артист Аркадий Вовси. И вот картина: мы отработали концерт, на сцену поднимается какой-нибудь замполит или председатель колхоза и начинает нас благодарить за прекрасное выступление. Вовси с его лёгкой руки превращается то в После, то в Пржедре.

А со мной он вообще не может справиться, так как не в силах осознать, что в фамилии могут быть три согласных подряд, и облегчённо произносит – «Ширвинут».

Ещё встречались Ширвин, Шервал, Ширман и Шифрин. Имелось даже штук пять неприличных вариантов моей фамилии, но о них не буду из скромности.

Мишка Державин всегда злорадно торжествовал. Но спустя много лет мы с ним были в военном госпитале под Ашхабадом, выступали перед ребятами-афганцами. И там на большой палатке типа клуба (она же – столовая) висела бумажка: «У нас сегодня в гостях известные артисты Дарвин и Ровенглот».

Ну а Ровенглот – это понятно, но что-бы Мишка – Дарвин! Перебор!

Клуб ЛАФ афоризмов юбилей

ИМЕНИННИКУМ

Мысли известных людей, родившихся в этом месяце

1 ноября

Анри ТРУАЙЯ, французский писатель.

Брак – это благоухающая тюрьма.

7 ноября

Альбер КАМЮ, французский писатель, лауреат Нобелевской премии.

Мы обычно тратим жизнь, чтобы заработать деньги, тогда как нам необходимы деньги, чтобы выиграть время.

10 ноября

Мартин ЛЮТЕР, немецкий религиозный реформатор.

Кто не любит вина, женщин и песен, так дураком и умрёт!

12 ноября

Юрий ПОЛЯКОВ, писатель, публицист, драматург.

Некоторым хорошая память заменяет ум.

13 ноября

Роберт Льюис СТИВЕНСОН, английский писатель.

Позвольте человеку говорить долго, и у него будут верные последователи.

22 ноября

Шарль де ГОЛЛЬ, французский генерал и политик.

Политика – слишком серьёзное дело, чтобы доверять её политикам.

30 ноября

Марк ТВЕН, американский писатель.

Когда я и моя жена расходимся во мнениях, мы обычно поступаем так, как хочет она. Жена называет это компромиссом.

ПЕРСОНА ГРАТА

В стране дураков не умничай – дураком сочтут!

Брак – это брак для ловеласа.

Когда жена хочет приодеться, она раздевает мужа.

Классных руководителей не хватает не только в школе.

В пустой голове нет места только для мысли.

Скромность красит человека, нескромность перекрашивает.

Сергей СИДОРОВ, Москва

БРАТ ТАЛАНТА

Дал слово – не говори, что взаймы!..

Владимир БУТКОВ, Ростов-на-Дону

Чем тоньше ум, тем он заметнее.

Николай ЕРМАКОВ, Москва

Недовольных жизнью больше, чем тех, кем бы могла быть довольна жизнь.

Михаил НИКИТИН, Москва

Если сегодня равняться на сегодня, то завтра окажешься во вчера.

Салек ПИНИГИН, Москва

В мире хищников всегда виновата жертва.

Николай ПРОКОВЬ, Казань

Неприятности приходят на всё готовенькое...

Андрей СОКОЛОВ, Санкт-Петербург

Трудно жить на широкую ногу – руки коротки.

Виктор СУМБАТОВ, Москва

Зав КЛАФом Николай КАЗАКОВ / kazakov-aforizm@mail.ru

ВАС БЕСПОКОИТ «ЛГ»

У конкурса должно быть запоминающееся имя!

С 10 по 15 ноября 2014 года в Москве пройдёт III тур II Всероссийского музыкального конкурса. «ЛГ», являясь информационным партнёром конкурса, как всегда, с большим интересом следит за его развитием. В этом году соревнуются специалисты: фортепиано, скрипка, виолончель, сольное пение. И нынешним конкурсантам есть за что бороться: ведь обладатели I премии Всероссийского музыкального конкурса смогут без отборочных прослушиваний пройти на XV Международный конкурс имени П.И. Чайковского – главное культурное событие 2015 года! После прослушиваний I и II туров, которые прошли во всех федеральных округах, нам удалось побеседовать с председателем жюри в номинации сольное пение, народным артистом РФ Владимиром МАЛЬЧЕНКО.

– Владимир Афанасьевич, вы – лауреат самых престижных вокальных конкурсов: Глинки и Чайковского, международных конкурсов в Монреале и в Афинах. Все эти победы были одержаны вами с 1971 по 1977 год. Как можно было выдерживать такой тяжелейший конкурсный марафон?

– Во все эти конкурсы я принимал участие с огромным удовольствием! Обожаю сцену и очень люблю конкурсы... Для меня это – прекрасная возможность выступить перед зрителем.

– Вы только что вернулись в Москву после региональных прослушиваний Всероссийского музыкального конкурса. Какое самое яркое впечатление от этой поездки? Как проходил конкурс?

– Самое яркое впечатление – чисто житейское. Я давно не был в Новосибирске, Якутске, Свердловске, Ростове, Казани. Я окончил консерваторию в Ленинграде и не был там двадцать пять лет! Побывал в родной консерватории, где, будучи студентом, пел все экзамены и выступал с концертами. Там, слава богу, ничего не изменилось! А в отношении конкурса я немного разочарован не самым большим интересом к нему среди консерваторий, за исключением Ростова и Екатеринбурга.

– В чём это проявилось?

– Такое, немного «дежур-

ное» отношение к его проведению. Когда проходили прослушивания Центрального округа в самой Академии им. Гнесиных, на отборочных турах было мало публики. И, на мой взгляд, в Москве было недостаточное количество конкурсантов.

– Как сделать Всероссийский музыкальный конкурс популярным среди молодых музыкантов?

– Я думаю, этому конкурсу нужно дать запоминающееся имя!..

– Программа достаточно сложная для того, чтобы выявить талант певца?

– На мой взгляд, она должна быть сложнее. На первом туре должно быть как минимум четыре произведения! Два – могут выявить только качество голоса...

– Нашлись ли самородки у нас в стране?

– Конечно! В Новосибирске, Ростове и Москве, но я бы не сказал, что это самородки. Это певцы с хорошими голосами, которые научились пользоваться этим даром. И это сразу видно! Если есть техническая школа, человек сразу начинает петь. У меня в классе, например, десять человек. Все с голосами, учатся... Но пока научился только один.

– В 1974-м вы получили III премию на Конкурсе Чайковского...

– Я был разочарован, чувствовал, что могу спеть гораздо лучше. Но в то время было такое правило: если получил лауреатство, участвовать ещё раз, то есть улучшить результаты, больше не имелешь права...

– Победитель Всероссийского музыкального конкурса, который определится 15 ноября, сможет пройти на Конкурсе Чайковского в 2015 году без отборочного тура. В чём главная сложность для певца, если он решил участвовать в нём?

– Там будет мощный состав. Это престижнейший конкурс, международное жюри. Думаю, предстоит много «страстей». На чистом вокале, на одном голосе не пройдёшь...

– А как вас принимали в Большой театр?

– В то время я пел с Элитой Пьехой в ансамбле «Дружба» и думал о карьере эстрадного певца (мне, кстати, очень это нравилось). После получения звания лауреата конкурса Глинки меня сразу же пригласили прослушаться в три театра: Большой, Кировский и Михайловский... И во все три меня взяли. В Большом было три тура. В итоге из 150 претендентов в стажёрскую группу попал я один. Это был очень жёсткий отбор.

– Ваши ученики говорят о вашем главном принципе преподавания – демократии...

– У меня, к сожалению, мягкий характер. Это природное качество. Но я придерживаюсь правила, что со студентом нужно быть очень строгим. Это не всегда помогает – тот, кто хочет заниматься, занимается!

Беседовала
ТАТЬЯНА ЗСАУЛОВА

Государственный геологический музей им. В.И. Вернадского РАН (Концертный зал «Вернадский») (Москва, м. «Донской» ржд., ул. Москва, д. 11, стр. 11)

ПЯТНИЦА 7 НОЯБРЯ 19.00 Сезон 2014–2015 гг.

«МИХАИЛ ГЛИНКА – ПЕВЕЦ РУССКОЙ МУЗЫКИ» (210 лет со дня рождения)

– Инструментальные тесны для струнного оркестра из опер «Иван Сусанин» – «Руслан и Людмила» (в переложении Н.А. Римского-Корсакова)

– Бастардий дивертисмент для фортепиано с оркестром на темы оперы В. Беллини «Сомнамбула»

– Романсы: «Я познаю чудное мгновенье», «Победитель», «Как сладко с тобою мне быть», «Я здесь, Гнесиный», «Волеро», «Кипит», «Адель», «Не искушай»

Камерный оркестр «ВРЕМЕНА ГОДА» Дирижер – Заслуженный артист России Владимир БУЛАХОВ

Виктория НОСОВСКАЯ (сопрано) Сергей ВЫСОКИНСКИЙ (тенор) Ольга СИДОРЕНКО (виолончель) Анна МАНАСАРОВА (фортепиано) Александр ФОМИН (бас) Надежда АСТАПЕНКОВА (фортепиано)

Билеты проданы в кассе музея Справки по телефонам: (495) 7827913, (495) 6820334, (495) 6141127 Билеты онлайн и информация о концерте: WWW.SGM.RU MOSCONCERT.COM

Информационная поддержка

228-20-80

МОСКОНЦЕРТ